

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ 2018 №3

Главный редактор

Кашкин Сергей Юрьевич,

доктор юридических наук, профессор

Заместитель главного редактора

Коровяковский Денис Геннадьевич,

кандидат юридических наук, доцент

Члены редакционной коллегии:

Ашмарина Елена Михайловна,

доктор юридических наук, профессор

Багреева Елена Геннадиевна,

доктор юридических наук, профессор

Бирюков Павел Николаевич,

доктор юридических наук, профессор

Галушкин Александр Александрович,

кандидат юридических наук, доцент, Академик РАЕН

Казачкова Земфира Мухарбиевна,

доктор юридических наук, профессор

Калиниченко Пауль Алексеевич,

доктор юридических наук, профессор

Кожанков Антон Юрьевич,

кандидат юридических наук

Липатов Эдуард Георгиевич,

доктор юридических наук, профессор

Малько Александр Васильевич,

доктор юридических наук, профессор

Мамитова Наталия Викторовна,

доктор юридических наук, профессор

Махтаев Махтай Шапиевич,

доктор юридических наук, профессор

Мещерякова Ольга Михайловна,

доктор юридических наук, доцент

Мордовец Александр Сергеевич,

доктор юридических наук, профессор

Пашенцев Дмитрий Алексеевич,

доктор юридических наук, профессор

Рузакова Ольга Александровна,

доктор юридических наук, профессор

Сангаджиев Бадма Владимирович,

доктор юридических наук, доцент

Степанян Армен Жоресович,

кандидат юридических наук, доцент

Цареградская Юлия Константиновна,

доктор юридических наук, доцент

Чаннов Сергей Евгеньевич,

доктор юридических наук, профессор

Четвериков Артем Олегович,

доктор юридических наук, профессор

Чихладзе Леван Теймуразович,

доктор юридических наук, профессор

Шохин Сергей Олегович,

доктор юридических наук, профессор

Шукина Татьяна Владимировна,

доктор юридических наук, доцент

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР) — Свидетельство ПИ № ФС 77-71270.

Учредители:

Корнилов Алексей Радионович, Коровяковский Денис Геннадьевич, Понаморенко Владислав Евгеньевич.

Выходит шесть раз в год

ISSN2220-5500

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень журналов ВАК)

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» — 82319

Подписной индекс в Официальном каталоге Почты России «Подписные издания» (интернет-каталог) — П5314

Сайт журнала: www.jur-science.com

Электронная почта: jur-science@mail.ru

Почтовый адрес редакции: 107370, г. Москва, Открытое шоссе, д. 1, корп. 7, оф. 72

Издатель: НП «Евразийский центр сравнительных исследований», 105094, г. Москва, ул. Гольяновская, За, к. 2.

Тел.: 8 926 526 32 75

При перепечатке ссылка на журнал обязательна

Свободная цена

СОДЕРЖАНИЕ

ИНТЕГРАЦИОННОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Кашкин Сергей Юрьевич

МЕТОДОЛОГИЯ ИНТЕГРАЦИОННОГО ПРАВА.

ЧАСТЬ II: ЧАСТНОНАУЧНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИНТЕГРАЦИОННОГО ПРАВА.....6

Ананьева Марина Кабдрашевна, Малько Елена Александровна

СУД ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА В РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ.....19

Семикина Светлана Александровна, Юсупова Асия Наилевна

СУДЕБНАЯ ПОЛИТИКА СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА И АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ РОССИИ.....24

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Большакова Валентина Михайловна

НОРМАТИВНАЯ ОСНОВА СУДЕБНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI В.....29

Бондаренко Максим Владимирович, Строева Оксана Александровна

ПРАВОВЫЕ УСТАНОВКИ КАК ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЙ ФАКТОР

ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ СУБЪЕКТОВ ПРАВА.....36

Смирнов Сергей Николаевич

ПРАВОВЫЕ ПРАКТИКИ КОНСТИТУИРОВАНИЯ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП В КАЧЕСТВЕ СОСЛОВИЙ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ.....43

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Шандра Марина Юрьевна

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РОЗНИЧНОЙ КУПЛИ-ПРОДАЖИ

ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ.....51

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Казачкова Земфира Мухарбиевна, Казачков Владимир Александрович

МОНИТОРИНГ РЕГИОНАЛЬНЫХ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ ПРОГРАММ

В СВЕТЕ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ.....58

Корчагин Олег Николаевич

ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО МОРАЛИ И ПРАВА

В АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВА.....66

Щукина Татьяна Владимировна

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ, ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ПРОМЫШЛЕННЫХ КЛАСТЕРОВ, СЕТЕВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ОБЛАСТИ УПРАВЛЕНИЯ

ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ И ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЩЕСТВЕННЫХ СЕТЕЙ.....74

ТАМОЖЕННОЕ ПРАВО

Попова Елена Владимировна

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ

ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ (ТАМОЖЕННОЕ ДЕЛО).....88

Скрынченко Борис Леонидович, Мороз Владимир Дмитриевич

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ И ЕЕ РОЛЬ В ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ

ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ, КАК МЕХАНИЗМ УСКОРЕНИЯ ТАМОЖЕННОГО

ОФОРМЛЕНИЯ И ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ.....94

CONTENT

INTEGRATION LAW

Kashkin S. Yu.

METHODOLOGY OF INTEGRATION LAW

PART II: PRIVATE SCIENTIFIC METHODOLOGY OF INTEGRATION LAW.....6

Ananyeva Marina K., Malko Elena A.

THE COURT OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION IN THE IMPLEMENTATION OF LEGAL POLICY.....20

Semikina Svetlana A., Yusupova Asiya N.

JUDICIAL POLICY OF THE COURT OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

AND ARBITRATION COURTS OF RUSSIA.....24

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

Bolshakova Valentina M.

REGULATORY FRAMEWORK FOR JUDICIAL TRANSFORMATIONS IN THE RUSSIAN EMPIRE

IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY AND THE RUSSIAN FEDERATION AT THE END OF THE XX —

BEGINNING OF THE XXI CENTURY.....29

Bondarenko Maksim V., Stroeveva Oxana A.

LEGAL SETTINGS AS A DETERMINATIVE FACTOR OF LAWFUL.....36

Smirnov Sergey N.

JURISPRUDENCE OF CONSTITUTING SOCIAL GROUPS AS ESTATES

IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES: COMPARATIVE LAW ASPECT.....43

CIVIL LAW AND PROCEDURE

Shandra Marina Yu.

FEATURES OF LEGAL REGULATION

OF RETAIL SALE OF MEDICINES.....51

ADMINISTRATIVE LAW

Kazachkova Zemfira M., Kazachkov Vladimir A.

MONITORING OF REGIONAL ANTICORRUPTION PROGRAMS

IN THE LIGHT OF NATIONAL ANTICORRUPTION POLICY.....58

Korchagin Oleg Nikolaevich

DIALECTICAL UNITY OF MORALITY AND LAW

IN THE ANTI-CORRUPTION POLICY OF THE STATE.....66

Schukina Tatyana V.

LEGAL REGULATION OF INDUSTRIAL POLICY OF THE ORGANIZING AND ACTIVITIES

OF INDUSTRIAL CLUSTERS, NETWORKING IN THE FIELD OF INDUSTRIAL MANAGEMENT

AND CHARACTERISTICS OF PUBLIC NETWORKS.....74

CUSTOMS LAW

Popova Elena Vladimirovna

SOME PROBLEMS OF THE PROCESS OF PROFESSIONAL SOCIALIZATION

OF STUDENTS LEARNING IN SPECIALTIES OF THE ECONOMIC DIRECTION (CUSTOMS).....88

Skrynchenko Boris Leonidovich, Moroz Vladimir Dmitrievich

THE RISK MANAGEMENT SYSTEM AND ITS ROLE IN ORGANIZING THE WORK

OF THE CUSTOMS AUTHORITIES, AS A MECHANISM TO SPEED UP CUSTOMS CLEARANCE

AND IMPROVE THE QUALITY OF CUSTOMS CONTROL.....94

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО*Карташов Игорь Игоревич***ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ НА ОСНОВЕ ЦИФРОВОЙ ИНФОРМАЦИИ.....**99*Корнилов Алексей Радионович, Кудряшов Эдуард Евгеньевич, Кутякин Сергей Алексеевич***УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КРИМИНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ.....**104*Кузнецова Наталья Николаевна***НАРУШЕНИЕ ТАЙНЫ ГОЛОСОВАНИЯ, КАК ФОРМА ВОСПРЕпятСТВОВАНИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН.....**110*Ланская Ольга Александровна, Дудоров Тимофей Дмитриевич***ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЯНИЙ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ, ВЛЕКУЩИХ ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ЖИЗНИ ИЛИ ЗДОРОВЬЮ ПАЦИЕНТА.....**115*Филиппова Елена Олеговна, Журкина Ольга Вячеславовна***ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО: ПРИЧИНЫ, ОСОБЕННОСТИ, ПРОФИЛАКТИКА.....**120**ФИНАНСОВОЕ ПРАВО***Понаморенко Владислав Евгеньевич***КОНЦЕПЦИЯ «ОТКРЫТОГО БАНКИНГА» В РЕГУЛЯТОРНОМ ЛАНДШАФТЕ РОССИИ.....**126*Прокошин Максим Сергеевич***РАЗВИТИЕ НАУКИ ФИНАНСОВОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В ИНТЕРЕСАХ БЛАГОПОЛУЧИЯ ГРАЖДАН.....**133**ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО***Лисина Наталья Леонидовна***О РОЛИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО НОРМИРОВАНИЯ В ПРАВОВОМ МЕХАНИЗМЕ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ.....**145**РАЗРЕШЕНИЕ СПОРОВ***Коровяковский Денис Геннадьевич***СИСТЕМА АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБОВ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ В АВСТРАЛИИ (ADR В АВСТРАЛИИ).....**153**Трибуна Молодого Ученого***Гречухина Мария Андреевна***СВОБОДА СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ.....**172*Масленников Эрнест Александрович***ДЕЙСТВИЕ ДОГОВОРА ПЕРЕВОДА ДОЛГА.....**180*Филатова Маргарита Андреевна***СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТОИМОСТИ ВОЗВРАЩЕННОГО ПРЕДМЕТА ЛИЗИНГА: НАДЛЕЖАЩИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ БРЕМЕНИ ДОКАЗЫВАНИЯ.....**187**РЕЦЕНЗИИ***Кашкин Сергей Юрьевич, Четвериков Артем Олегович***РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ БИРЮКОВА П.Н. PAVELBIRIUKOV «CRIMINAL LIABILITY OF LEGAL PERSONS IN EU-ЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В ГОСУДАРСТВАХ - ЧЛЕНАХ ЕС».....**194**CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY, PENAL LAW***Kartashov Igor I.***PROBLEMS OF FORMATION OF EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS ON THE BASIS OF DIGITAL INFORMATION.....**99*Kornilov Alexey R., Kudryashov Eduard E., Kutyaikin Sergey A.***CRIMINALLY-LEGAL QUALIFICATION AND MEASURES OF COUNTERACTION TO THE CRIMINAL ORGANIZATION OF CONVICTS IN CORRECTIONAL FACILITIES OF THE CRIMINAL EXECUTIVE SYSTEM OF RUSSIA.....**104*Kuznetsova Natalia N.***VIOLATION OF THE SECRECY OF VOTING, AS A FORM OF OBSTRUCTION OF ELECTORAL RIGHTS OF CITIZENS.....**110*Lanskaya Olga A., Dudorov Timofey D.***CHARACTERISTICS OF THE ACTIONS OF MEDICAL WORKERS, CAUSING HARM TO THE LIFE OR HEALTH OF THE PATIENT.....**115*Filippova Elena O., Zhurkina Olga V.***VICTIMOLOGICAL STATUS OF A MINOR: CAUSES, FEATURES, PREVENTION.....**120**FINANCIAL LAW***Ponamorenko Vladislav E.***THE CONCEPT OF «OPEN BANKING» IN THE REGULATORY LANDSCAPE OF RUSSIA.....**126*Prokoshin Maxim S.***THE DEVELOPMENT OF SCIENCE OF FINANCIAL LAW IN THE INTEREST OF WELFARE OF CITIZENS.....**133**ENVIRONMENTAL LAW***Lisina Natalia L.***ABOUT THE ROLE OF ENVIRONMENTAL REGULATION IN THE LEGAL MECHANISM OF ENVIRONMENTAL PROTECTION.....**145**DISPUTE SOLUTION***Korovyakovskiy Denis G.***SYSTEM OF ALTERNATIVE DISPUTE RESOLUTIONS IN AUSTRALIA (ADR IN AUSTRALIA).....**153**PAGES NOVICE SCIENTIST***Grechukhina Maria A.***FREEDOM OF RELIGION OR BELIEF IN THE EUROPEAN UNION'S EXTERNAL ACTION: GENERAL PROVISIONS.....**172*Maslennikov Ernest A.***ACTION OF DEBT TRANSFER AGREEMENT.....**180*Filatova Margarita A.***MODERN PRACTICE FOR DETERMINING THE COST OF THE RETURNED SUBJECT OF LEASING: REASONABLE EVIDENCE AND DISTRIBUTION OF THE PROTECTION BURDEN.....**187**REVIEW***Kashkin S.Yu., Chetverikov A.O.***REVIEW ON THE BOOK OF PAVEL N. BIRYUKOV «CRIMINAL LIABILITY OF LEGAL PERSONS IN EU-COUNTRIES. CRIMINAL RESPONSIBILITY OF LEGAL ENTITIES IN EU-MEMBERSHIP.....**194

ИНТЕГРАЦИОННОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Кашкин Сергей Юрьевич

*Заведующий кафедрой интеграционного и европейского права
Московского государственного университета имени О. Е. Кутафина,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
E-mail: info@eulaw.edu.ru*

МЕТОДОЛОГИЯ ИНТЕГРАЦИОННОГО ПРАВА. ЧАСТЬ II: ЧАСТНОНАУЧНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИНТЕГРАЦИОННОГО ПРАВА¹

Аннотация.

Целью статьи является анализ теоретико-правовых проблем, связанных с формированием частнонаучной методологии интеграционного права и его связи с общими вопросами правовой методологии и развития современного права.

Предметом статьи выступают принципы и механизмы частнонаучной методологии интеграционного права. Статья написана с использованием общенаучных, философских и специальных юридических методов познания, и построена на новом для правовой методологии объекте — сравнительном интеграционном праве. По результатам в статье дается характеристика частнонаучной методологии интеграционного права и перспектив ее влияния на развитие современного права и регулируемые им общественные отношения.

Проведенный в статье анализ формирования новой области методологии — частнонаучной методологии интеграционного права и ее связь с правовой теорией и практикой осуществляется в российской юридической науке впервые. Ее положения могут использоваться в дальнейших исследованиях по вопросам интеграционного, международного, европейского и сравнительного права, а также теории государства и права.

В статье сформулированы практические предложения, которые рекомендуется учесть в использовании частнонаучных методов интеграционного права в России.

Ключевые слова: частнонаучная методология, специфика, процессы, метод, интеграция, интеграционное право, теория, практика, общественные отношения, глобализация, юридическая наука, Россия.

Kashkin S. Yu.

*Chief of the chair of Integration and European law of the Kutafin Moscow State Law University,
professor, doctor of law, Honored lawyer of the RF
E-mail: info@eulaw.edu.ru*

METHODOLOGY OF INTEGRATION LAW PART II: PRIVATE SCIENTIFIC METHODOLOGY OF INTEGRATION LAW

Abstract.

The aim of the article is to analyze the theoretical and legal problems associated with the formation of private scientific methodology of integration law and its connection with general issues of legal methodology and development of modern law.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России по проекту 29.12950.2018/12.1

The subject of the article is the study of principles and mechanisms of private scientific methodology of integration law. The article is written using general scientific, philosophical and special legal methods of cognition, and is built on a new object for legal methodology — comparative integration law. By results in the article the characteristic of private scientific methodology of integration law and prospects of its influence on the development of modern law and regulated by it social relations is given.

The analysis of the formation of a new area of methodology — the private scientific methodology of integration law and its relation to legal theory and practice — is carried out for the first time in Russian legal science. Its provisions can be used in further studies on issues of integration, international, European and Comparative Law as well as Theory of State and Law.

The article also formulates practical proposals, which are recommended to be taken into account in the use in Russia of the private scientific methods.

Key words: private scientific methodology, specifics, processes, method, integration, integration law, theory, practice, social relations, globalization, legal science, Russia.

Если в первой части статьи речь шла об основах методологии интеграционного права, заключающихся во всеобщей и общенаучной методологии интеграционного права, то в этой статье хотелось бы остановиться на частнонаучной методологии интеграционного права, имеющей более практико-ориентированный характер. В мире в целом наблюдается «стремление интеграционных организаций к функциональному замещению интеграционным правом компонентов общественных отношений, регулировавшихся ранее как внутрисударственным, так и международным правом. Наблюдается процесс определенной фрагментации и «интеграционализации» международного публичного права»². По мере роста значения интеграционного права на практике, увеличивается разнообразие, специфика и масштабы применения его частнонаучной методологии.

Методология той или иной науки, в том числе и частнонаучная, происходит от соединения двух слов. Греческого «метод» — путь к чему-либо и «логос» — наука, учение. Методология, следовательно, — это совокупность принципов и средств, при помощи которых открывается новое знание, систематизируются и обобщаются имеющиеся знания и оценивается их теоретическое и практическое значение. Успехи междуна-

родной интеграции (в узком смысле этого слова), состоящей в сознательной, целенаправленной совместной деятельности объединенных в союз государств, служащей преодолению их взаимной обособленности во имя целей, обеспечивающих их неотъемлемые интересы все в большей степени зависят от избираемых ими определенных частнонаучных методов. Эти методы, будучи воплощенными в науке интеграционного права, становятся непосредственной производительной силой на современном этапе.

Частнонаучная методология интеграционного права, представляет собой учение о принципах и методах научного исследования, их оценке и применении на практике в конкретных областях права интеграционных организаций. Поскольку сама наука интеграционного права является новой, то и частнонаучные методы этой конкретной науки, которые должны отражать ее специфику, еще только формируются и в определенной степени выкристаллизовываются из различных сфер общественных отношений, связанных с процессами интеграции. Интеграция, в свою очередь, является главным инструментом глобализации, а «глобализация в мире, как справедливо утверждает профессор Ю. А. Тихомиров, приводит к интернационализации права»³. Все это представляет особый интерес для исследовате-

² Интеграционное право: учебник / В. В. Блажеев, С. Ю. Кашкин, П. А. Калинин и др.; отв. ред. С. Ю. Кашкин. — М.: Проспект, 2017, С. 248.

³ Тихомиров Ю. А. Государство: преемственность и новизна: научное издание. М.: 2011. С. 68.

ля, поскольку заставляет смотреть на многие явления по-новому и нередко видеть традиционные понятия в новом свете.

Мы понимаем разницу между методологией науки интеграционного права и методами функционирования этого права на практике. Однако в необходимых случаях будем вынуждены обращаться к анализу функционирования права для более четкого понимания методологии изучающей его науки, особенно частнонаучной методологии.

Важно отметить, что как всеобщая (философская) методология, так общенаучная и частнонаучная методология в целом, частнонаучная методология интеграционного права на современном этапе ее развития имеют всеобъемлющие, пронизывающие каждый упомянутый уровень методологии общие принципы. Они обеспечивают их единство, взаимозависимость и взаимосвязь, благодаря которым осуществляется научная деятельность и обеспечивается ее связь с практикой, которая и выступает окончательным критерием истинности и адекватности научных знаний. К этим принципам относятся: принцип научности (объективности), плюрализма, единства предмета и метода, системности, комплексности и историзма.

Для интеграционного права, как и для юридической науки в целом, традиционным является формально-юридический метод. Он состоит в том, что исследование внутреннего строения правовых норм и интеграционного права в целом, анализ его источников, систематизация нормативного материала, юридическая техника и т.п.— в значительной мере осуществляется на основе формально-юридического метода. Он связан с самой природой государства, права, отношений между государствами, всеми отраслями права и позволяет изучать, классифицировать и систематизировать новые правовые явления, включая интеграционное право, исследовать их внешние и внутренние формы, сущность и явление.

Этот метод вполне адекватен для изучения интеграционного права, хотя его измен-

чивость и комплексный характер предполагают необходимость придать его исследованию большую гибкость, которая наиболее эффективно обеспечивается применением целого комплекса других разнообразных частнонаучных методов, отражающих специфику интеграционных общественных отношений.

Межотраслевой взаимосвязанный комплекс норм права, охватываемый понятием «интеграционное право» относится к разным правовым системам, отраслям и институтам. Интеграционное право в своем реальном воплощении представляет собой сложную систему интеграционных порядков, действующих на территориях различных интеграционных организаций в разных частях мира и имеющих в каждом своем конкретном проявлении, как общие характеристики, так и свои специфические особенности.

При этом они находятся в процессе постоянного совершенствования, развития и изменения. Это совершенствование и развитие происходит не только в результате соответствующей деятельности государств-членов интеграционного союза, но и за счет самосовершенствования и саморазвития самой интеграционной организации путем целенаправленной деятельности ее институтов и органов. Это придает ей все более специфический и самостоятельный характер, хотя и совсем не отрицает наличия общих закономерностей.

Чрезвычайно ценным является то, что поскольку в интеграционные процессы вовлечены десятки различных государств разных континентов, стран относящихся к разным «правовым семьям», правовым культурам и правовым системам разных государств, в интеграционном праве происходит смешение, синтез и взаимодействие различных правовых традиций и инструментов, обогащающих мировое право в целом.

Поэтому со всей определенностью можно признать, что наука интеграционного права является формирующейся комплексной межотраслевой наукой.

Эта комплексная мультидисциплинарная специфика интеграционного права предопределила возможность и необходимость применения для его исследования комплекса частнонаучной методологии науки международного права, с одной стороны, и теории государства и права и конституционного права — с другой, то есть одновременно методологии двух основополагающих базовых подходов к интеграции — международно-правового и государственно-правового. Взаимопереплетаясь, они гармонично соединяются посредством использования методологического инструментария науки сравнительного правоведения и подкрепляют свои позиции путем обращения к философским, социологическим, экономическим, историческим, психологическим, техническим и иным наукам с использованием всего богатства их методологических арсеналов.

Есть все основания согласиться с аргументированной позицией профессора А. О. Четверикова, что «по своему предмету интеграционное право выступает в качестве межотраслевого комплекса юридических норм, относящихся к разным правовым институтам»⁴. Аналогична по этому вопросу и точка зрения профессора В. М. Шумилова⁵. Поэтому становится понятным, почему междисциплинарный метод является одним из основных частнонаучных методов интеграционного права.

Интеграционное право, как новая комплексная сфера правового регулирования, должно обладать собственным набором специальных частнонаучных методов познания, а также приспособить к своим потребностям методы, применяемые в иных правовых и не только правовых сферах общественной жизни.

Практика показала, что некоторые частнонаучные методы могут использоваться в весьма разных, науках. Например, психологические методы, математические, социологические, статистические, метод

сравнения, метод системно-структурного анализа и др. Нередко эти методы разрабатываются в рамках какой-либо одной науки (например, информатики, биологии, химии, математики), а потом успешно заимствуются и применяются и другими науками, в том числе юридическими. Не представляет собой исключения в этом вопросе и интеграционное право.

Система частнонаучных методов, применяемых в интеграционном праве, строится на принципе единства предмета и метода. Это означает необходимость гармоничного, взвешенного подбора, разработки и приспособления наиболее соответствующих сфере и предмету исследования методов, позволяющих оптимально учитывать его особенности. При этом в интеграционном праве мы наблюдаем явно выраженную специфику как предмета исследования, так и применяемых в этом случае методов. Поэтому соблюдение их гармонического единства требует особого учета.

Использование социологических, социально-психологических и правовых знаний, теорий и инструментов для достижения социально значимых целей и целенаправленного правового регулирования общественных отношений можно назвать комплексом социально-правовых технологий, который необходимо взвешенно применять при правовом регулировании сложных и неоднозначных интеграционных процессов. К этим технологиям относится социально-правовой метод, метод правовой психологии, а также метод правовой культурологии.

Так социальные знания необходимы для правового регулирования всего многообразия общественных отношений, составляющих сущность и различные стороны интеграции и интеграционного права. Поэтому без метода правовой социологии невозможно адекватно формулировать и достигать с учетом общественных интересов цели интеграции различных стран и народов. А сформулированные в учредительных

⁴ Интеграционное право: учебник /В.В. Блажеев, С.Ю. Кашкин, П.А. Калинин и др.; отв.ред. С.Ю. Кашкин.— М.: Проспект, 2017, С. 135.

⁵ Шумилов В. М. Международное экономическое право. М.: Юрайт, 2011, С. 300–301.

документах интеграционной организации (например, в ЕС) цели являются официальной основой всей ее правовой системы.

Как право, так и сам образ жизни и мышления различных народов, входящих в интеграционные союзы, их практической деятельности, идеологии и самосознания тесно связаны с их культурой, религией⁶, обычаями. Формируется специфическая интеграционная правовая культура, требующая, кстати, своего специального исследования. Громадную роль имеет в процессе интеграции культурная интеграция, которая тоже требует обращения к методу правовой культурологии.

Всякая интеграционная организация, достигая высокой степени развития, стремится к самоидентификации, основанной на определенной социальной, психологической и культурной общности. Для понимания и регулирования этого процесса очень важен метод правовой психологии. Так, у каждого гражданина Европейского Союза, например, формируется как бы двойная социальная, психологическая и культурная идентичность — он или она чувствует себя во всех этих ипостасях одновременно и гражданином Европейского Союза и гражданином страны, где он родился.

В результате этих процессов формируется «гражданин Европы» — как промежуточный тип на пути к «гражданину Мира». По аналогии с ЕС Экономическое соглашение стран Персидского залива предусматривает создание «гражданства залива» (преамбула), а Союз южноамериканских наций планирует принять южноамериканское гражданство (ст. 3 УНАСУР).

У такого гражданина появляются элементы наднационального правового мышления, которое крайне необходимо учитывать современному юристу. Поэтому, отмечает английский профессор У.Твиннинг, особое значение приобретает тенденция формирования новой наднациональной европейской

и глобальной правовой теории, новой правовой и конституционной культуры, идеологии, методологии познания окружающей человека правовой среды⁷. Все это также невозможно без применения механизмов и методов сравнительного правоведения, формирующего сами основы такого мышления, выходящего за узкие рамки национального права и интересов, отражающего социально-психологический компонент интеграции и интеграционного права.

Эту функцию закрепления новой (двойной) идентичности осуществляет правовой механизм гражданства интеграционного объединения, например, гражданства ЕС и гражданства Союзного государства России и Беларуси. В тех интеграционных организациях, где единое гражданство формально не закрепляется, провозглашаются максимально равные права граждан всех государств-членов союза во всех сферах интеграции, что имеет почти то же значение и приводит к аналогичным психологическим, культурным и социальным последствиям. Это направлено на формирование социально-культурной и психологической связи (идентификации) личности с интеграционным объединением.

Одним из центральных и наиболее эффективных в интеграционном конструировании является принцип методологического плюрализма, обеспечивающий исследователю свободу творческого выбора методов научной и практической деятельности. Фактически он совпадает по значению с принципом свободы научного и технического творчества в праве науки. Этот принцип позволяет комплексно и системно применять все многообразие методов, избранных для исследования интеграционных процессов.

При этом заимствованные из инструментария других наук методы, трансформируются, приспособляются к задачам интеграционного права. Это явление можно назвать «правовой трансплантацией» мето-

дов других наук⁸. Важно применять в этом случае те приемы и частнонаучные методы, которые соответствуют предмету исследования и не вызывают их «отторжения».

Принцип объективности и конкретности в частнонаучной методологии исходит из опоры на факты, подтверждаемые практикой и отказ от предвзятости, догматизма и идеологизации науки интеграционного права. Этот принцип призван обеспечивать объективность исследования. Он особенно важен, учитывая тот факт, что интеграционное право является масштабным инструментом преобразования общественных отношений в условиях глобализации и может иметь большое идеологическое значение.

Однако надо признать, что на Западе интеграционное право на практике очень политизировано и идеологизировано. Достаточно взять цели и ценности европейского права, права человека в интеграционных организациях, правовое государство и демократию применительно к интеграционным организациям и т.д. В этом случае идеологические понятия поднимаются и трактуются на наднациональном уровне.

Принцип историзма играет чрезвычайно важную роль в подборе частнонаучных методов исследования в интеграционном праве. Так, для разных исторических этапов развития интеграционных организаций требуется обращение к таким частнонаучным методам, которые соответствуют уровню экономического, политического и правового развития конкретной группы государств, вовлеченных в интеграционные отношения в тот или иной исторический период в соответствии со своей спецификой. Соответствующего исторического уровня должны быть и используемые в этих процессах правовые механизмы и способы регулирования общественных отношений. Изучение истории интеграционных организаций нередко позволяет находить примеры оптимального правового регулирования

тех или иных интеграционных отношений в исторически сходных ситуациях.

Любые исследования интеграционных процессов в историческом, экономическом, социальном, психологическом и т.п. плане становятся более убедительными и объективными при использовании статистического и математического методов. Например, это особенно важно при изучении Экономического и валютного союза в ЕС и сравнении его с Западноафриканским экономическим и валютным союзом.

Надо признать, что право, посредством своего регулирования, в состоянии не только традиционно закреплять, но и предвосхищать и направлять будущее развитие и общественных отношений. Это проявляется в применении метода правового прогнозирования. Например, сугубо интеграционный — коммунитарный метод Монне-Шумана — практически предопределил создание в будущем уникального государства подобного образования — Европейского Союза. Этот метод приемлем и для других интеграционных организаций.

Следовательно, в идеале, эффективное правовое регулирование интеграционных отношений способно находить оптимальные пути развития общества не только сегодня, но и на будущее, демонстрируя свой прогностический характер.

Например, механизм продвинутого сотрудничества позволяет обеспечить ускоренное развитие в рамках Европейского Союза ряда более развитых государств сохраняя формальное единство этой интеграционной организации при обеспечении ускоренного развития передовых стран этого объединения (при возможности, в определенных условиях, и другим государствам Союза позднее подключиться к этому процессу). Этот механизм, скорее всего, сможет в перспективе обеспечить единство ЕС при учете разных экономических возможностей более и менее развитых участников объ-

⁶ Подробнее см. Международная интеграция и интеграционное право: учебник для бакалавриата, специалитета, магистратуры и аспирантуры/под общ. ред. В. А. Шахматова, В. П. Кириленко, С. Ю. Кашкина. — СПб.: ИИЦ СЗИУ — фил. РАНХиГС, 2017. С. 125–134.

⁷ Twining W. Globalization and Legal Theory. L. 2000, P. 53–54.

⁸ По аналогии с использованием В. С. Нерсесянцем термина «юридизация» — когда после преобразования с позиций права осуществляется юридико-понятийная трансформация методов других неюридических дисциплин для использования их в области права. (Проблемы общей теории права и государства: Учебник / Под общ. ред. В. С. Нерсесянца. — М.: НОРМА-ИНФРА, 2002. С. 23.)

единения. Однако он же может привести и тому, что Союз может превратиться в несколько разных по уровню развития и, соответственно, имеющих разные возможности развития и права, групп государств, что чревато перспективой его развала...

Рассмотрим существующий в праве Европейского Союза механизм проведения государственных закупок по схеме «инновационное партнерство». Это применяется в тех случаях, когда имеется потребность в создании не существующего еще на рынке, но необходимого, инновационного товара, услуг или работ. В этом случае государство делает соответствующий заказ, проводит конкурс для определения оптимального исполнителя, финансирует его деятельность и получает необходимый товар, услугу или работу. Таким образом, посредством права стимулируется и направляется необходимая для развития общества инновационная научная и практическая деятельность. В этом процессе эффективно задействованы: наука, техника, производство, человек, государство, общество и интеграционная организация Европейский Союз.

На этом примере мы можем проследить действие используемого государством алгоритма стимулирования организационными, финансовыми и правовыми методами (госзакупки) по схеме «инновационное партнерство» развития науки для создания инновационного продукта и его использования:

1. Государство определяет необходимый ему инновационный товар;
2. С использованием правовых механизмов государство объявляет конкурс на исполнителя заказа;
3. В результате предусмотренной заказом научно-исследовательской деятельности исполнитель осуществляет по заданию государства научный поиск путей создания инновационного товара с определенными свойствами и производит его;
4. Государство, соответственно, оплачивает стоимость научной разработки и про-

изводства инновационного товара, получает его, исследует и осуществляет его регистрацию;

5. На основании проверки свойств инновационного товара государство определяет положительные и отрицательные качества товара и дает разрешение на его использование, а также устанавливает при помощи права запрет на его применение во вред государству, обществу или гражданам;
6. Далее государство фиксирует потребность в новом товаре и определяет исходные параметры необходимого ему следующего инновационного товара и, в соответствии с законодательством, объявляет конкурс на его создание. В результате цикл повторяется уже с новыми инновационными товарами.

Надо признать, что сама природа интеграционного права влияет на специфику динамики его функционирования и выбор алгоритмов действия. Так, неизбежный, традиционно присущий праву догматический, формально-юридический метод, его строгость, стремление к определенности, однозначности, непротиворечивости и даже консерватизму — порождают некоторую «осторожность», инертность, замедленность внесения в правовую материю революционных преобразований.

Это связано с ответственностью и предосторожностью, как свойствами, отражающими специфику интеграционного права и правового регулирования таких отношений. По аналогии с международным (и европейским) экологическим правом, к числу принципов или качеств, имманентно присущих интеграционному праву, можно отнести принцип предосторожности⁹. Этот принцип вытекает также из связанности принимаемых решений с судьбами многих государств-членов интеграционной организации и больших, нередко даже глобальных, масштабах осуществляемых такими организациями проектов.

Следовательно, интеграционное право и его методология представляют собой одновременно своеобразный, отражающий его специфику, механизм установления обоснованного его природой баланса революции и эволюции. Это тоже одна из важнейших характеристик его частнонаучной методологии.

Задачей, совершенствования постоянно развивающегося интеграционного права, является дальнейшая разработка и актуализация его методологии, что объясняется необходимостью учета меняющихся условий общественной жизни. Этот процесс идет одновременно в трех следующих взаимосвязанных направлениях:

Во первых, необходима разработка его методологических основ, наиболее точно отвечающих специфике правового регулирования интеграционных процессов.

Во вторых — требуется постоянный поиск и приспособление к особенностям интеграции частнонаучных методов и подходов, разработанных в рамках других юридических наук.

В третьих — осуществляется посредством «юридизации» новейших методов и приемов, заимствованных из других неюридических наук¹⁰ и «привязки» их к обеспечению эффективного правового регулирования интеграционных отношений в самых различных сферах общественной жизни.

В этом проявляется усилившийся в последнее время процесс интеграции (с элементами гармонизации и унификации в условиях глобализации) всеобщей, общей и частнонаучной методологии различных наук, направленный на решение конкретных практических задач, решаемых интеграционными организациями. Соответственно, становится все более прочным и важным соединение науки интеграционного права с интеграционной практикой.

Сегодня наблюдается резкое усиление и ускорение «юридизации» новейших методов, проникающих в право из других наук:

информатики, кибернетики, генетики, атомной и молекулярной физики, химии, физики, военных, космических наук, науки управления, психологии, педагогики и т.д. На их базе рождаются новые управленческие и социально-правовые технологии. Развиваются высокие технологии, в которых чем меньше степень участия человека, — тем они выше, а роль права, соединенного с технологиями — существеннее.

Развитие современных технологий резко ускоряет процессы глобализации и интеграции в обществе. Они подчас требуют принципиально нового правового регулирования постоянно возникающих новых и все более разнообразных интеграционных организаций. С усложнением технологий и их неразрывной связью с наукой появились надотраслевые технологии, например информационные технологии, нанотехнологии, биотехнологии и т.д. В настоящее время происходит конвергенция надотраслевых технологий (НБИКС), отражающая принципиально новые отношения между наукой, технологией, образованием и обучением. Эти процессы неизбежно ведут к разработке принципиально новых частнонаучных методов в интеграционном праве.

Именно эти явления, родившиеся в новейших областях современной науки, приобретают все большее значение для развития и правового регулирования интеграционных отношений. Это относится к «экономике знаний», «обществу знаний», технологиям «блокчейн», цифровой экономике, шенгенской информационной системе, искусственному интеллекту, образованию в течение всей жизни, автоматизации транспортных систем, дистанционной трудовой деятельности и другим важным сторонам жизни Европейского Союза и его народов. Аналогичные процессы происходят и других интеграционных организациях мира, включая и ЕАЭС.

В обществе знания важнее всего «научиться учиться», что есть — поиск современной методологии обучения, в том числе

⁹ Соколова Н. А. Международно-правовые аспекты управления в сфере охраны окружающей среды: дис... док. юрид. наук: 12.00.10/ Соколова Н. А. — М.: 2010. С. 81.

¹⁰ Хашматулла Берхуз Сравнительное правоведение. Учебник для вузов. Изд. второе, стереотипное. Одесса «Фенікс», М.: «ЕрансЛит», 2011. С. 53.

интеграционному праву. Именно обучение является ключом к необходимому для обеспечения жизнеспособности общества способности его к саморазвитию и самосовершенствованию, а новые обучающие технологии должны содействовать постоянному обновлению личной и профессиональной компетентности человека, остающегося главным двигателем прогресса. Новые технологии и методологии обучения многократно ускоряют создание и распространение знаний. Обучение становится ключевой ценностью общества знания и экономики знаний. Огромное значение в обществе знания приобретает способность быстро ориентироваться в нарастающем потоке информации, развивать когнитивные способности и критический ум, позволяющий выделять полезную информацию и творчески ее использовать на практике. Но образовательный компонент интеграционного права — это тема большой отдельной статьи.

Интеграционное право ставит своей целью создание оптимальных моделей правового регулирования интеграционных общественных отношений. Для этого используется частнонаучный метод правового моделирования. Это, например, отчетливо прослеживается в осуществлении интеграционными организациями, особенно ЕС, региональной политики. При этом интересно отметить, тот факт, что некоторые модели, проверенные на практике в федеративных государствах нередко могут применяться также в интеграционных союзах и наоборот.

Весьма похож на метод правового моделирования метод правового эксперимента. Надо признать, что очень многие интеграционные проекты, особенно осуществляемые впервые, представляют собой своеобразный масштабный социальный правовой эксперимент. Особенно те, правовое регулирование которых предваряет интеграционную практику. Само проведение подобных правовых экспериментов нередко осуществляется поэтапно, расширяя зону

своего действия и глубину влияния на затрагиваемые общественные отношения.

Например, единая валюта евро вводилась сначала в безналичной форме, а потом перешла на наличные деньги. Число стран-участников этого процесса постоянно также увеличивалось. При этом предварительный «экспериментальный валютный опыт» и даже само название «Экономический и валютный союз» Европейский Союз смог заимствовать в праве Западноафриканского экономического и валютного союза¹¹. Аналогичным образом шло и развитие Шенгенского права в ЕС. И здесь тоже можно найти «предварительную правовую экспериментальную площадку» в праве Бенилюкс, различные правовые достижения которого Европейский Союз постоянно берет на вооружение. Т.е. сначала происходит апробация законодательных новелл в ограниченных масштабах интеграционной «правовой лаборатории» Бенилюкс, а потом этот опыт переносится на масштабы ЕС.

Наука была изначально порождена необходимостью изучения материальной природы, окружающей человека и определяющей основы его существования. Поэтому человек был вынужден найти мир, баланс с природой, познать и использовать на практике ее закономерности. Отсюда, сначала в технических науках, появились так называемые природоподобные технологии, основанные на знаниях законов физики, механики и т.д.

Впоследствии из техники и технологии они были приспособлены для применения в общественной жизни. Например, весьма интересных результатов добилась педагогическая наука, использовавшая природоподобные приемы и методы в воспитании и обучении. В этом процессе мы наблюдаем своеобразную социализацию и гуманизацию прежде технических знаний. К природоподобным методам с успехом обратилась вполне техническая наука — экология, а затем и снова общественная правовая наука — экологическое право. Особенно это проявилось в экологическом праве ЕС. Здесь

мы наблюдаем очередной этап процесса гуманизации и гуманитаризации научного метода, заимствованного из технической науки и проявление интеграции наук и методов научного исследования.

Некоторое сходство с природоподобным методом имеет специфический для права Европейского Союза телеологический метод. Такое название он получил от латинского слова телео — цель, т.е. этот метод, и, соответственно, принцип понимания и толкования законодательных актов этой организации должен исходить из их соответствия и подчинения основополагающим целям Европейского Союза. Но при этом важнейшим является соответствие этих целей (и ценностей, провозглашенных Лиссабонским договором в качестве высшего критерия законности в праве ЕС) естественному развитию природы и общества с учетом интересов человека и его прав. Наверное, не секрет, что определенного успеха право в этой наиболее развитой интеграционной организации добилось не столько по причине гениальности юристов, создавших право Союза, сколько в умелом учете политиками, этот союз организовавших, неотъемлемых естественных интересов стран и народов в нем участвующих, нормальному цивилизационному развитию Человечества. Но это в идеале...

Однако надо отдать должное тому, что такое идеализированное видение достижений права Союза относится не столько к реальным целям и ценностям ЕС, сколько к пропагандистско-идеологическому представлению их этой организацией. Поэтому попытка демонстрации природосообразности функционирования Европейского Союза на практике получилась не вполне убедительной.

Для стабильности правового регулирования Европейского Союза было жизненно необходимо найти и зафиксировать основные цели и принципы его деятельности. Эти стратегические цели и были закреплены в преамбуле Договора о Европейском Союзе. Поэтому, все законодательные акты ЕС создаются и толкуются Судом Европейского Союза прежде всего исходя из их соответствия

целям, обеспечивая при этом основы стратегического развития этой интеграционной организации не только на сегодняшний день, но и на перспективу. В тесной увязке с этим принципом действуют и принципы верховенства и прямого действия, а также принцип лояльного сотрудничества, обеспечивающие наднациональный характер права Европейского Союза, на практике значительно подчиняющего себе внутреннее право государств-членов, что далеко не всегда отвечает интересам простых граждан.

Специального рассмотрения в интеграционном праве заслуживает системно-структурный метод, традиционно относимый к частнонаучным методам познания. Надо признать, что в настоящее время, особенно для интеграционного права, именно он является основным методом, который, при должном использовании, может обеспечивать достижение стратегических целей правового регулирования интеграционных отношений. Ведь системность и структурность являются неотъемлемыми качествами и принципами интеграции как таковой. Все здание любой интеграционной организации и управление ее деятельностью всегда осуществляется определенной целостной и единой структурой институтов, органов и учреждений и в соответствии с системой их иерархии соподчинения и взаимодействия.

Комплексное исследование всего многообразия явлений и процессов, происходящих в ходе интеграции, а также сущностных изменений, которые они порождают, позволяет адекватно увидеть всю многогранность системно-структурной картины мира в ее единстве и перспективе ее развития. Так, например, все институты и органы Европейского Союза, как модели управления интеграционной организацией, действуют как единое целое, взаимодополняя друг друга и взаимодействуя между собой. В то же время они представляют собой внешне сходную с системой разделения властей в государстве структуру, выполняющую различные, но взаимосвязанные управленческие функции. Так системный метод соединяется со

¹¹ См подробнее гл. XV (автор А.О Четвериков) в кн. Интеграционное право: учебник / В.В. Блажеев, С. Ю. Кашкин, П. А. Калинин и др. отв. ред. С. Ю. Кашкин. — М.: Проспект, 2017.

структурным, обеспечивая, таким образом, более адекватно отражающее реальную картину видение исследуемого явления.

Структурный подход в интеграционном праве обеспечивает более четкое понимание разветвленной иерархии управленческих связей и их конструктивное взаимодействие между собой. Он тесно связан с функциональным методом.

Функциональный метод может применяться для выделения в различных интеграционных организациях составляющих их структурных частей и компонентов с точки зрения их функционального предназначения, роли, взаимосвязей и реального взаимодействия в интеграционных процессах. Этот подход наиболее эффективен в исследовании формального разделения властей и организационной структуры различных интеграционных союзов.

Для интеграционного права особое значение имеет метод сравнительного правоведения, позволяющий комплексно изучать и сопоставлять все разнообразие междунационально-правовых и государственно-правовых явлений, объективно исследовать разнопорядковые стороны общественной, политической и экономической жизни, влияющие на процессы интеграции и глобализации. Более того, в современном мире происходит формирование того, что можно было бы назвать интеграционным сравнительным правоведением.

В свою очередь, частнонаучная методология науки интеграционного права обеспечивает понимание процессов развития права интеграции и дает ключ к пониманию сущности и перспектив глобальной эволюции права в целом. На этом фоне происходит как бы «укрупнение» масштабов и углубление целенаправленного воздействия метода сравнительного правоведения через интеграционное право для достижения баланса цивилизационного развития, правда, как показывает практика, не всегда с равноправным учетом интересов всех его участников.

Подводя итог можно сделать вывод, что частнонаучная методология интеграцион-

ного права с использованием творческого инструментария сравнительного правоведения оказывает комплексное и системное воздействие на развитие мирового права и интеграционных процессов, выступая прежде всего в качестве:

1. Инновационного инструмента совершенствования (в том числе и на наднациональном уровне) правовой теории, развития правовой методологии и правоприменения;
2. Неотъемлемого элемента повышения эффективности практической деятельности органов законодательной, исполнительной, судебной, контрольной и финансовой власти на национальном и наднациональном уровне;
3. Важной составной части правового образования и воспитания, формирования современной правовой, политической и конституционной культуры, постепенно выходящей за пределы национальных государств;
4. Механизма, обеспечения правовой, социальной психологической и культурной адаптации личности в меняющейся, все более интегрированной глобальной социальной среде;
5. Средства общей организации и использования правовой информации, приобретающей ярко выраженный конкретно-созидательный характер в условиях развития современной «экономики знаний».

Можно выделить следующие, логически развивавшиеся с использованием частнонаучной методологии сравнительного права, формы и этапы мирового интеграционного строительства:

I. Сначала это было межгосударственное правовое (включая отраслевое) заимствование по схеме государство-государство.

С использованием межгосударственного правового заимствования и инструментов международного права происходит формирование однородного регионального правового пространства, являющегося основой для создания региональной интеграционной организации — наиболее развитой из

которых оказался Европейский Союз. В результате возникает региональное интеграционное сравнительное право.

II. Государства-соседи интеграционного образования обращаются к выгодному им заимствованию «правовых достижений сообщества» в свое внутреннее право — что создает благоприятные условия для дальнейшего расширения и совершенствования европейской интеграции, формирования ее общего правового поля. Та же закономерность наблюдается и в других интеграционных организациях. Здесь действует следующая схема правового заимствования: Государства-соседи изучают опыт и вступают в союз или сами образуют аналогичные региональные интеграционные организации.

На этом этапе, когда заимствование осуществляется уже между самостоятельными интеграционными группировками, формируется межрегиональное сравнительное интеграционное право.

IV. В других регионах по мере созревания (социально-экономических и политических) условий возникают новые интеграционные образования, которые заимствуют более передовой, проверенный на практике правовой опыт Европейского Союза и других подобных интеграционных организаций. Т.е. по схеме: одна региональная интеграционная организация — заимствует у другой региональной интеграционной организации. Поскольку чаще заимствуется у права Европейского Союза, происходит как процесс «европеизации права» отдельных государств¹², так и признаваемая многими учеными общая «европеизация права»¹³, причем не только в европейских странах, но и на других континентах.

В результате в разных регионах мира возникает более гармонизированное правовое пространство и на его базе формируются относительно однородные региональные интеграционные организации, которые, в свою очередь, взаимопереплетаются и дополняют друг друга. Появляются организа-

ции, различные по форме, направленности и уровню интеграции, в том числе и на постсоветском пространстве. Они, в своем взаимодействии, способствуют созданию новой, более справедливой и сбалансированной полицентрической структуры мира.

V. На этой основе начинается формирование как бы общего интеграционного права, а с его использованием могут создаваться прогрессивные отдельные «общецивилизационные» сферы гармонизированного правового регулирования. Первыми из таких глобальных сфер интеграции могут стать права человека, экология, борьба с изменением климата, наука и космос, борьба с терроризмом, мирное урегулирование конфликтов и т.д.

VI. При благоприятных условиях эти сферы могут территориально расширяться и соединяться в соответствии с известным в ЕС «эффектом перелива». Одновременно может происходить процесс «интеграции интеграций» — то есть постепенного слияния и взаимного переплетения различных региональных демократических интеграционных организаций в несколько более масштабных, а затем, возможно, — и в одну глобальную интеграцию. Она и могла бы представить собой более взаиморегулируемый, а потому полнее отвечающий интересам больших общностей людей, процесс развития глобализации. Таким образом, на базе реализации общих закономерностей интеграционного права и взаимодействия различных форм интеграции и интеграционных группировок в разных районах мира может постепенно реализовываться предсказанная И. Кантом тенденция к формированию глобального права нашей цивилизации.

С появлением наднациональных интеграционных правовых систем — прежде двухсистемную структуру международного и национального права сменила принципиально новая современная трехсистемная структура взаимоотношений.

¹² Калиниченко П. А. Правовое регулирование отношений между Россией и Европейским Союзом. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 2011. С. 22–23, 40.

¹³ Snyder Fr. (ed.) *Europeanisation of Law: Legal Effects of European Integration*. Oxford. 2000.

В нее на равноправных условиях входят три автономные, имеющие свои специфические черты, самодостаточные, но взаимосвязанные, системы права: национальное право государств, наднациональное интеграционное право (удачнее всего представленное правом ЕС), и международное право. Отношения в этом «треугольнике» характеризуются совершенствованием каждой из систем при углублении и одновременном росте соревновательности и взаимодействия между ними. Эти сложные правовые взаимосвязи приобретают разноуровневый характер, а также демонстрируют качественно новые параметры. Эти три системы

получают все более равноправное и адекватное представительство также в системе и структуре юридического образования, особенно в Европе.

Взаимодействие этих трех самостоятельных, обладающих своими закономерностями и принципиальными различиями правовых систем стало важнейшей движущей силой развития современного права и юридического образования. Объективное изучение этого реально существующего взаимодействия, влияющего на все стороны правовой жизни, должно стать важной составной частью юридического образования.

Библиографический список

1. БерхузХашматулла Сравнительное правоведение. Учебник для вузов. Изд. второе, стереотипное. Одесса «Фенікс», М.: «ЕрансЛит», 2011.
2. Интеграционное право: учебник /В.В. Блажеев, С. Ю. Кашкин, П. А. Калининченко и др.; отв.ред. С. Ю. Кашкин.— М.: Проспект, 2017.
3. Калининченко П. А. Правовое регулирование отношений между Россией и Европейским Союзом. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. М.: 2011.
4. Лазарев, В.В. История и методология юридической науки: учебник / В.В. Лазарев, С. В. Липень; под ред. А. В. Корнева,— М.: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2016.
5. Международная интеграция и интеграционное право: учебник для бакалавриата, специалитета, магистратуры и аспирантуры/под общ. ред. В. А. Шахматова, В. П. Кириленко, С. Ю. Кашкина.— СПб.: ИНЦ СЗИУ — фил. РАНХиГС, 2017.
6. Проблемы общей теории права и государства: Учебник / Под общ. ред В.С. Нерсесянца.— М.: НОРМА-ИНФРА, 2002.
7. Соколова Н. А. Международно-правовые аспекты управления в сфере охраны окружающей среды: дис... док. юрид. наук: 12.00.10/ Соколова Н. А.— М.: 2010. С. 81.
8. Тихомиров Ю. А. Государство: преемственность и новизна: научное издание. М.: 2011.
9. Шумилов В. М. Международное экономическое право. М.: Юрайт, 2011.
10. Яркова Е. Н. История и методология юридической науки. // Е. Н. Яркова Учебное пособие; — Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2012.
11. Twining W. Globalization and Legal Theory. L. 2000.
12. Snyder Fr. (ed.) Europeanization of Law: Legal Effects of European Integration. Oxford. 2000.

Ананьева Марина Кабдрашевна

Доцент кафедры гражданского права и процесса Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского», ученый секретарь Саратовского филиала Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института государства и права Российской академии наук, кандидат политических наук

E-mail: ananeva.m@list.ru

Малько Елена Александровна

Доцент кафедры гражданского права и процесса Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского», кандидат юридических наук, доцент

E-mail: elena16.87@mail.ru

СУД ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА В РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация.

Предмет исследования. Деятельность Суда Евразийского экономического союза в рамках реализации правовой политики с целью правового регулирования отношений и урегулирования споров, как между государствами-членами, так и между хозяйствующими субъектами.

Целью настоящей статьи является рассмотрение современного состояния, проблем и перспектив развития деятельности Суда Евразийского экономического союза как союзного органа.

Методологию исследования составили сравнительный, формально-юридический, аналитический методы и системный подход.

В статье анализируется деятельность Суда Евразийского экономического союза. Авторами также рассматривается такая правовая категория как правовая политика, реализация которой в сфере ЕАЭС осуществляется как раз через Суд ЕАЭС и его соответствующие акты. В статье приводятся проблемные аспекты примеров из практики Суда.

Выводы исследования могут быть использованы в дальнейших научных изысканиях правовой политики и деятельности в ее рамках Суда Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: правовая политика, цель и приоритет правовой политики, Суд Евразийского экономического союза, компетенция Суда Евразийского экономического союза, решение Суда.

Ananyeva Marina K.

Associate Professor of the Chair of Civil Law and the Process of the Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Saratov State University. N. G. Chernyshevsky, a scientific secretary of the Saratov branch of the Federal State Budgetary Institutions of Science of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Candidate of Political Science

E-mail: ananeva.m@list.ru

Malko Elena A.

Associate Professor of the Chair of Civil Law and Process of the Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Saratov State University. N. G. Chernyshevsky", Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

E-mail: elena16.87@mail.ru

THE COURT OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION IN THE IMPLEMENTATION OF LEGAL POLICY

Abstract.

Subject of study. The activities of the Court of the Eurasian Economic Union in the framework of the implementation of legal policy with a view to legal regulation of relations and settlement of disputes, both between member states and between economic entities.

The purpose of this article is to examine the current state, problems and prospects for the development of the activities of the Court of the Eurasian Economic Union as a union body.

The research methodology consisted of comparative, formal legal, analytical methods and a systematic approach.

The article analyzes the activities of the Court of the Eurasian Economic Union. The authors also consider such a legal category as a legal policy, the implementation of which in the area of the EAEU is carried out just through the Court of the EAEU and its relevant acts. The article presents the problematic aspects of examples from the practice of the Court.

The findings of the study can be used in further scientific research of legal policy and activities within its framework of the Court of the Eurasian Economic Union.

Keywords: legal policy, the purpose and priority of legal policy, the Court of the Eurasian Economic Union, the competence of the Court of the Eurasian Economic Union, the decision of the Court.

Евразийский экономический союз (далее — ЕАЭС) учрежден международным договором. На основе анализа содержания указанного учредительного договора, очевидно, что полномочия ЕАЭС, хотя и представляющего объединение суверенных государств, и создаваемый им правопорядок отличают Союз от многих известных международных межправительственных организаций¹.

Большую роль в укреплении евразийской интеграции играет Суд ЕАЭС как союзный орган, отвечающий за правовое регулирование отношений и урегулирование споров как между государствами-членами, так и между хозяйствующими субъектами.

Суд Евразийского экономического союза представляет собой новый орган евразийской интеграции, который начал свою деятельность в 2015 году, основной целью

является обеспечение единообразного толкования и применения права Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Ранее действующий Суд ЕвразЭС значительно отличался от современного Суда ЕАЭС: по сравнению с ЕвразЭС был изменен сам порядок формирования Суда.

В специальных трудах, посвященных оценке компетенции Суда ЕАЭС, высказано обоснованное мнение о том, что он наделен более узкой компетенцией по сравнению с компетенцией ранее действовавшего Суда ЕвразЭС, и содержалось предложение заключать специальные соглашения, расширяющие компетенцию Союза².

Интересен тот факт, что в состав ныне действующего Суда ЕАЭС входят судьи, ранее бывшие судьями национальных судов постсоветских стран; представляется, что

данное обстоятельство является скорее позитивным, поскольку позволяет национальным судам оценивать правовые позиции Суда ЕАЭС так, как если бы Суд ЕАЭС был их национальным высшим судебным органом³.

Тем не менее у Суда ЕАЭС имеется специфическая компетенция — внести единообразие в работу как национальных судов нескольких государств, а также юридических лиц, инкорпорированных в разных странах мира, если они занимаются предпринимательской деятельностью в ЕАЭС. Причем указанные лица могут подавать иски в Суд ЕАЭС, несмотря на то, что государства их инкорпорации не входят в Таможенный союз, а зарегистрированы, например, в Великобритании или Индии⁴. Указанное свидетельствует о том, что на первом этапе работы Суд ЕАЭС, как и Суд ЕвразЭС, может подвергаться критике со стороны правовой доктрины, которая ожидает увидеть решения, приближенные по стилю к Международному суду ООН и ЕСПЧ⁵.

В контексте этого исследования, важно отметить такую правовую категорию как правовая политика, которая отражает единую, последовательную, системную и логически выстроенную деятельность, нацеленная на введение новаторских технологий, конструкций в юридическую сферу. Цели политики направлены на снижение степени стихийности и конфликтности в политической деятельности, связаны с обеспечением баланса сил стабильности и перемен, статики и динамики политической жизни общества. В целом целью политики является упорядочение процесса удовлетворения различных интересов, существующих в данной конкретной стране, соединение множества разнополярных частных устремлений с едиными намерениями целого общества⁶.

В зависимости от уровней своего осуществления правовая политика может

быть: международной, в сфере СНГ, а также в сфере ЕАЭС и др.⁷.

Одним из приоритетов правовой политики в сфере развития ЕАЭС является защита основных прав и свобод личности в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека; создание правовой основы единого экономического пространства и т.д.⁸.

Правовая политика является неким проводником формирования и развития Суда ЕАЭС.

Вместе с тем, можно обозначить, что реализация правовой политики в сфере ЕАЭС осуществляется как раз через Суд ЕАЭС и его соответствующие акты.

Основной формой деятельности Суда ЕАЭС является интерпретация права ЕАЭС, обеспечение правового единообразия и судебный контроль в сфере нормоприменения. Одна из главных функций Суда заключается и в совершенствовании норм евразийского права с целью восполнения пробелов в союзном праве через формулирование правовых позиций, скрепляющих все виды правового регулирования, которые предусмотрены договорами и получили отражение в единой, скоординированной и согласованной политике⁹.

В делах 2015–2017 годов, рассмотренных в Суде ЕАЭС, проблемы различного понимания норм союзного права возникали в разных аспектах.

Прежде всего, вопрос возник в связи с неопределенностью понятия «права и законные интересы субъектов хозяйствования, нарушенные оспариваемой нормой права». Ответчик — Евразийская экономическая комиссия — неоднократно настаивал, что истцы — хозяйствующие субъекты — не доказывают нарушения субъективных

¹ Соколова Н. А. Евразийский экономический союз: правовая природа и природа права // СПС Консультант плюс (дата обращения: 20 сентября 2018).

² Волова Л. И. Формирование судебной практики Евразийского экономического союза // СПС Консультант плюс (дата обращения: 20 сентября 2018).

³ Иксанов И. С. Роль суда Евразийского экономического союза в разрешении экономических споров и построении союзного государства // СПС Консультант плюс (дата обращения: 20 сентября 2018).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Малько А. В. Теория правовой политики. Монография. М., 2012. С. 83.

⁷ Там же. С. 257–258.

⁸ Там же. С. 265.

⁹ Нешатаева Т. Н. Суд Евразийского экономического союза: от правовой позиции к действующему праву // СПС Консультант плюс (дата обращения: 20 сентября 2018).

прав. Иными словами, регулирующий орган и предприниматели расходились в понимании этой формулы, ибо в ней соединены понятия абстрактного нормативного акта (действует для всех) и субъективного права и интереса конкретного лица, которое должно подтвердить нарушение субъективного права, возможно, наличием материального (нематериального) ущерба¹⁰.

Суд, учитывая принцип свободы доступа к правосудию, отказался от подобного подхода и сформулировал правило, что «Статут Суда предоставляет хозяйствующим субъектам право на обращение в Суд в случае, если, во-первых, оспариваемый акт Комиссии или отдельные его положения непосредственно затрагивают их права и законные интересы и, во-вторых, касаются предмета их предпринимательской и иной экономической деятельности»¹¹. Последнее подтверждается уставными документами хозяйствующего субъекта. С этого момента все заявления хозяйствующих субъектов в Суд проверяются согласно правилу этой правовой позиции, которая придала абстрактный характер понятию субъективного права и интереса, что позволило избежать предоставления доказательств индивидуального характера на стадии возникновения судебного дела.

Кроме этого, неоднозначно стоит вопрос о роли решений суда. Полную оценку первого решения Суда ЕАЭС дал А. С. Исполинов, сравнивая подход, избранный Судом Союза, с подходами Суда ЕвразЭС и Суда ЕС к рассмотрению такого рода исков. Он утверждает, что позиция, изложенная в решении Суда ЕАЭС, гораздо реалистичнее, чем крайне жесткая позиция Суда ЕвразЭС, и в большей

степени соответствует цели укрепления сотрудничества между Судом и ЕЭК в вопросах осуществления контроля за исполнением государствами — членами Союза своих обязательств¹².

Итак, первоначально решения Суда были направлены на реализацию правотворческой функции, которая, в свою очередь, была сосредоточена на регламентации и совершенствовании нормативно-правовой базы Таможенного союза.

В этой связи справедливо указывает А. С. Исполинов, несмотря на то, что количество судебных дел не так велико, решения, вынесенные Судом ЕАЭС, вызвали самую разнообразную реакцию среди ученых и самих государств-участников¹³. Тем самым, многие судебные дела стали предметом серьезных научных дискуссий.

В отношении Суда ЕАЭС вышеуказанным автором высказывалось мнение о том, что решения данного органа не могут быть общеобязательными ввиду того, что общеобязательность решений Суда не следует из его учредительных документов¹⁴.

Обозначенная критика проявилась после того, как Суд ЕвразЭС в Постановлении о разъяснении решения по делу ОАО «Угольная Компания «Южный Кузбасс» против ЕЭК¹⁵ высказал правовую позицию, которая по своей сути аналогична правовой позиции Суда ЕС: в случае признания акта недействительным данный акт недействителен для всех. В то же время мнение Суда ЕвразЭС по вопросу наличия у его правовых позиций последствий для неопределенного круга лиц было также воспринято в российских

судах. В результате арбитражные суды в нескольких делах ссылались на практику Суда ЕвразЭС при рассмотрении таможенных споров¹⁶ и, что более важно, Верховный Суд Российской Федерации также ссылается на практику Суда ЕвразЭС¹⁷, а Высший Арбитражный Суд Российской Федерации (ныне упраздненный — прим. авторов), в свою очередь, выпустил Постановление Пленума от 08.11.2013 N79 «О некоторых вопросах применения таможенного законодательства»¹⁸, где указал, что «судам следует руководствоваться толкованием» Суда ЕвразЭС. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в настоящее время Суд ЕАЭС благодаря Суду ЕвразЭС имеет второй важный признак наднациональности — его решения являются общеобязательными.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что форма решений Суда ЕвразЭС до конца не была определена — практически в каждом решении Суд отходил от правил, которые применял в предыдущем решении. В правовой литературе этот аспект считается достаточно негативным, поскольку судебную власть должна олицетворять стабильность не только в правовых позициях, но и в форме принимаемых актов.

В отношении Суда ЕвразЭС А. С. Исполинов сделал точное замечание: «...Суд пошел на весьма радикальное прочтение ключевых положений договоров, действовавших в рамках ЕвразЭС, придав им значение, которое совершенно очевидно расходилось с позицией государств, подписавших эти договоры. Такое толкование самым радикальным образом меняло картину правовых последствий вынесенных Судом решений, в том числе и в национальных правовых порядках. Требованиям Суда о том, что государства и их национальные суды обязаны обеспечить претворение в жизнь толкования, данного Судом, Суд подтвердил юридическую значимость обязательности судебного решения в режиме принципа *res judicata*. При этом из аргументов Суда вытекало, что сам факт создания Суда на основе Договора априори предопределяет обязанность государств принимать нормотворчество со стороны Суда»¹⁹.

Представляется, что Суд ЕАЭС не полностью осуществил свой потенциал, и данный орган будет активно участвовать в формировании правовой политики в сфере ЕАЭС через вынесенные соответствующие акты. В свое время правовая политика выступает приоритетным и значимым направлением в развитии деятельности Суда ЕАЭС, а также ЕАЭС в целом.

Библиографический список

1. Исполинов А. С. Евразийское правосудие: от Суда Сообщества к Суду Союза // Государство и право. 2015. N1.
2. Исполинов А. С. Первое решение Суда ЕАЭС: ревизия наследства и испытание искушением // Российский юридический журнал. 2016. N4.
3. Малько А. В. Теория правовой политики. Монография. М., 2012.
4. Нешатаева Т. Н. Суд Евразийского экономического союза: от правовой позиции к действующему праву // СПС Консультант плюс (дата обращения: 20 сентября 2018).
5. Соколова Н. А. Евразийский экономический союз: правовая природа и природа права // СПС Консультант плюс (дата обращения: 20 сентября 2018).
16. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 18.12.2014 по делу N А53-7029/2014; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 30.10.2014 по делу N А53-23887/2013; Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 25.07.2014 по делу N А53-20169/2013 // СПС «Право.ру». URL: <http://docs.pravo.ru>. (дата обращения: 20 сентября 2018 г.).
17. Определение Верховного Суда РФ от 01.12.2014 N302-КГ14-3959 по делу N А74-4790/2013 // СПС «Право.ру». URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/72564809/83959513/?mode=full>. (дата обращения: 20 сентября 2018 г.).
18. Постановление Пленума ВАС РФ от 08.11.2013 N79 «О некоторых вопросах применения таможенного законодательства» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155037. (дата обращения: 20 сентября 2018 г.).
19. Исполинов А. С. Евразийское правосудие: от Суда Сообщества к Суду Союза // Государство и право. 2015. N1. С. 80–88.

¹⁰ Нешатаева Т. Н. Суд Евразийского экономического союза: от правовой позиции к действующему праву // СПС Консультант плюс (дата обращения: 20 сентября 2018).

¹¹ Постановление от 21 декабря 2015 г. по делу по заявлению ЗАО «Дженерал Фрейт».

¹² Исполинов А. С. Первое решение Суда ЕАЭС: ревизия наследства и испытание искушением // Российский юридический журнал. 2016. N4. С. 85–93.

¹³ Исполинов А. С. Договор Евразийском Союзе как инструмент поражения в правах Суда ЕвразЭС (ч. 1). М., 2014 // Правовая социальная сеть для юристов «Закон». URL: http://zakon.ru/Blogs/One/12249?entryName=dogovor_o_evrazijskom_soyuze_kak_instrument_porazheniya_v_pravax_suda_evrazes_chast_1.

¹⁴ Исполинов А. С. Решение Большой Коллегии Суда ЕвразЭС по делу Южного Кузбасса: насколько оправдан судейский активизм? // Евразийский юридический журнал. 2013. N5. С. 19–26.

¹⁵ Постановление Суда Евразийского экономического сообщества по делу о разъяснении решения по делу ОАО «Южный Кузбасс» против Евразийской экономической комиссии от 8 апреля 2013 года // Сайт Евразийской экономической комиссии. URL <http://www.eurasiancommission.org/ru/Lists/EECDocs/635194337652937490.pdf>. (дата обращения: 20 сентября 2018 г.).

Семикина Светлана Александровна

Доцент кафедры арбитражного процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», старший научный сотрудник Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук, кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: svetlanasemikina@rambler.ru

Юсупова Асия Наилевна

Доцент кафедры арбитражного процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», кандидат юридических наук, доцент.

E-mail: svetlanasemikina@rambler.ru

СУДЕБНАЯ ПОЛИТИКА СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА И АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ РОССИИ

Аннотация.

Предмет исследования. Понятие, структура, период создания и цели Евразийского экономического союза, специфика государств, ставших инициаторами создания данного Союза.

Целью настоящей статьи является рассмотрение судебной политики Суда Евразийского экономического союза и споров, подлежащих рассмотрению в данном Суде.

Методологию исследования составили сравнительный, формально-юридический, аналитический методы и системный подход.

В статье авторами определена судебная политика в России, на примере арбитражных судов. Рассмотрены акты Суда ЕАЭС и существующие проблемы по исполнению решений, а также пути их разрешения. Определена необходимость соблюдения формальных требований при обращении в Суд ЕАЭС. Приводятся конкретные примеры актов Суда, на которые ссылаются в постановлениях ВС РФ, в том числе и нижестоящие арбитражные суды при вынесении судебных актов.

Выводы исследования могут быть использованы в дальнейших научных изысканиях о возможности внесения изменений в законодательство с целью решения существующих проблем в области судебной политики ЕАЭС.

Ключевые слова: судебная политика, Суда Евразийского экономического союза, арбитражные суды, исполнение решений, формальные требования.

Semikina Svetlana A.

Associate Professor of the arbitration process of the Saratov state law Academy, senior researcher of the Saratov branch of the Institute of state and law of the Russian Academy of Science, candidate of legal Sciences, associate Professor

Yusupova Asiya N.

Associate Professor of the arbitration process Department of the Saratov state law Academy, candidate of law, associate Professor

JUDICIAL POLICY OF THE COURT OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION AND ARBITRATION COURTS OF RUSSIA

Abstract.

Subject of study. The concept, structure, period of creation and goals of the Eurasian Economic Union, the specifics of the states that initiated the creation of this Union.

The purpose of this article is to review the judicial policy of the Court of the Eurasian Economic Union and disputes to be considered in this Court.

The research methodology consisted of comparative, formal legal, analytical methods and a systematic approach.

In the article, the authors determined the judicial policy in Russia, on the example of arbitration courts. Acts of the Court of the EAEU and existing problems on the execution of decisions, as well as ways to resolve them, are considered. The need to comply with formal requirements when applying to the Court of the EAEU was determined. Concrete examples of acts of the Court are cited, which are referred to in the decision of the Supreme Court of the Russian Federation, including the lower arbitration courts when passing judicial acts.

The findings of the study can be used in further scientific research on the possibility of amending legislation to solve existing problems in the field of judicial policy of the EAEU.

Keywords: judicial policy, Courts of the Eurasian economic Union, arbitration courts, execution of decisions, formal requirements.

Вопрос о судебной политике является актуальным в настоящее время, где понимается «направленность гражданской юрисдикции, на максимальное удовлетворение юридических интересов граждан, организаций и общества в целом при осуществлении правосудия по гражданским делам. Она вырабатывается в основном и главным образом постановлениями судов надзорной инстанции, в первую очередь Верховного Суда РФ, и отчасти кассационными определениями»¹.

Судебная политика в России, на примере арбитражных судов, определяемая как Верховным Судом РФ, Высшим арбитражным судом РФ (не утратившие силу), так и в некоторых случаях, кассационными и апелляционными судами, обязательными для применения нижестоящими судами. Судебная политика Суда Евразийского экономического союза (Суд ЕАЭС) — разъяснения положений международного договора Евразийского Экономического Союза (ЕЭАС).

Проанализируем особенности Евразийского экономического союза, Суда ЕАЭС. В мае 2014 года в Астане Президентами Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации состоялось подписание Договора о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), который вступил в силу 1 января 2015 г. В дальнейшем, присоеди-

лись еще две республики — Армения и Кыргызстан. ЕАЭС был создан на основе Таможенного союза евразийского экономического сообщества, целью которой — укрепление экономик стран-участниц и повышение конкурентоспособности на мировом рынке.

Итак, ЕЭАС — «международная организация региональной экономической интеграции, обладающая международной правосубъектностью, призванная обеспечивать свободу движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных настоящим Договором и международными договорами в рамках Союза»². Союз осуществляет свою деятельность в пределах компетенции, предоставляемой ему государствами-членами в соответствии с Договором.

Основными органами ЕАЭС являются Высший Евразийский экономический совет; Евразийский межправительственный совет; Евразийская экономическая комиссия и Суд Евразийского экономического союза, постоянно действующего судебного органа, находящегося в Минске.

Суд ЕАЭС в пределах своей компетенции «предназначен для разрешения споров, связанных с применением права Союза, но в его правовых актах не содержатся нормы, по-

¹ Викинг М.А., Зайцев И. М. Гражданский процесс России. — М.: Юрист, 1999. — С. 330–331.

² Договор о Евразийском экономическом союзе. Ст. 3. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855 (дата обращения: 07.09.2018)

звонящие государствам-участникам выбирать процедуру разрешения споров в других международных судебных органах по вопросам, затрагивающим обязательства, взятые ими по праву Союза»³.

Суд ЕАЭС по заявлению государства-члена или органа Союза занимается пояснением положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза⁴.

На сегодняшний день рассмотрение споров в Суде ЕАЭС не является совершенным и имеет свои определенные проблемы.

Судебная практика Суда ЕАЭС ограничивается только обращением хозяйствующих субъектов государств-членов Союза. Например, 28 декабря 2015 года вынесено первое «решение Суда ЕАЭС по делу ИП Карасик К. П. о признании оспариваемого бездействия Комиссии союза не соответствующим международным договорам в рамках ЕАЭС»⁵.

Итак, в настоящее время Суд ЕАЭС «не обладает юрисдикцией по вынесению преюдициальных заключений, и это является серьезным отличием от Суда ЕвразЭС, который принимал не только консультативные, но и преюдициальные заключения»⁶.

Следующим вопросом является правовая неграмотность юристов, направляющие иски заявления, недостача необходимых документов и др. Тем самым, «наблюдается низкий уровень подготовленности юристов при обращении в международную организацию». Как отмечает Судья ЕАЭС Т. Нешатаева, заявления, которые они получали от

предпринимателей, часто подавались неправильно: «Они не могли обосновать, что затронуты именно их интересы в спорной ситуации». Иногда сами участники хитрят. Например, имел место случай, когда «коммерсант обратился в суд, чтобы отменить положения о льготах для ввоза новой техники. Оказалось, он сам работал на рынке старой продукции и таким образом решил создать проблемы конкурентам»⁷.

Далее, еще одним из важных вопросов является выявление недоверия к Суду ЕАЭС со стороны государств-членов. Решения Суда ЕАЭС обязательны для исполнения Комиссией ЕАЭС. Исполнение решений Суда ЕАЭС возлагается на Комиссию. При этом возникают вопросы по поводу компетенции Комиссии и почему государства-члены ЕАЭС не возложили данную функцию на Суд ЕАЭС. Логически можно заключить, что Комиссия должна заниматься другими направлениями, к примеру: 1) таможенно-тарифное и нетарифное регулирование; 2) таможенное регулирование; 3) техническое регулирование⁸; и др.

Итак, существует основная проблема — исполнения решения Суда ЕАЭС. Обращаясь то в Комиссию, то к Высшему совету за исполнением решения Суд, как и стороны, теряют достаточное количество времени, а время, как известно, для хозяйствующих субъектов может дорого стоить.

По мнению Курмангалиева Р. А., чтобы решить все вышеперечисленные проблемы, необходимо, во-первых, «изменить процедуру исполнения решения Суда ЕАЭС, а именно исполнять решения необходимо самим Судом, точнее исполнение напрямую возла-

гать на стороны разбирательства, а не обращаться для этого в Комиссию. Во-вторых, касательно правовой неграмотности обращения в Суд, необходимо повышать квалификацию отечественным юристам с учетом региональных реалий»⁹.

На сегодняшний день Суд ЕАЭС обращает внимания на вопрос соблюдения формальных требований при разрешении споров, к примеру, Евразийская экономическая комиссия направляет хозяйствующий субъект в Суд, а Суд отказывает в рассмотрении дела, обосновывая это несоответствием поданного заявления требованиям, установленным к его оформлению. Получается неэффективная ситуация, когда оба органа, призванные обеспечивать единообразное применение права Союза, остаются бездействующими. Для усиления защиты прав и законных интересов хозяйствующих субъектов и углубления интеграции подобный подход целесообразно изменить путем введения специальной нормы в Договор о Евразийском экономическом союзе 2014 г. или посредством совершенствования самой судебной практики.

Так, с целью создания единого правового пространства Суду ЕАЭС необходимо выстраивать эффективное взаимодействие с наднациональными органами Союза, с правительствами государств-участников и с их национальными Судами. Реализовывая функции правотворчества, Суд ЕАЭС своими решениями создает правила поведения в виде судебных прецедентов и через прецеденты формирует право Евразийского экономического союза, чтобы добиться принятия Судом мотивированных решений необходимо в правовых актах Союза решить вопрос об иерархии источников права Евразийского экономического союза с учётом научных подходов специалистов в данной области.

По нашему мнению, требуется также «установить четкие принципы взаимодействия правового порядка ЕАЭС с международным и национальными правовыми порядками. Для усиления интеграции все три правовые порядки должны взаимодействовать друг с другом и служить общей цели — поддержанию международной законности и правового порядка. Роль Суда ЕАЭС как судебного органа должна постепенно возрастать, он призван устанавливать равновесие между органами Союза и органами государств-участников с целью защиты прав субъектов хозяйственной деятельности»¹⁰.

Таким образом, в Суде ЕАЭС в настоящее время существуют множество нерешенных проблем, которые можно разрешить, если внести изменения в законодательство.

На наш взгляд, стоит отметить, что акты Суда ЕАЭС¹¹ способствуют развитию судебной политики России (например, в арбитражных судах), делая ее более эффективной. Так, в п. 3 Постановления Пленума ВС РФ от 12 мая 2016 г. № 18 «О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства» говорится: «Решения и распоряжения постоянно действующего регулирующего органа Союза — Евразийской экономической комиссии, принятые в рамках ее полномочий, признаются актами, регулирующими таможенные правоотношения в Российской Федерации как государстве — участнике Союза, на основании статей 6 и 32 Договора. Применяя соответствующие нормы права Союза, принятые в сфере таможенного регулирования, судам также следует учитывать акты Суда Евразийского экономического союза, вынесенные в соответствии с пунктом 39 Статута Суда по результатам рассмотрения споров, связанных с реализацией положений Договора, иных международных договоров

³ Волова Л. И. Перспективы деятельности Суда Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в контексте развития евразийской интеграции. URL: http://www.eurasialegal.info/index.php?option=com_content&view=article&id=5254:2017-05-15-06-44-45&catid=1:eurasianintegration&Itemid=1 (дата обращения: 15.09.2018)

⁴ Курмангалиев Р. А. Проблемы разрешения споров Судом Евразийского экономического союза // Право: современные тенденции: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2016 г.). Краснодар: Новация, 2016. — С. 152–154.

⁵ Решение Суда Союза по делу ИП Тарасик К. П. против Комиссии Союза от 28 декабря 2015 г. URL: <http://courteurasian.org/page-24051> (дата обращения: 17.09.2018)

⁶ Иксаков И. С., Косырев И. Ю. Проблемы наднационального правового регулирования на примере деятельности Суда Евразийского Экономического Союза // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2017. — № 5. — С. 10.

⁷ Первые итоги: с какими проблемами сталкивается ЕАЭС. URL: <https://pravo.ru/story/view/135050> (дата обращения: 17.09.2018)

⁸ Договор о Евразийском экономическом союзе. Ст. 3. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855 (дата обращения: 07.09.2018)

⁹ Курмангалиев Р. А. Проблемы разрешения споров Судом Евразийского экономического союза // Право: современные тенденции: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2016 г.). Краснодар: Новация, 2016. С. 152–154.

¹⁰ Волова Л. И. Перспективы деятельности Суда Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в контексте развития евразийской интеграции. URL: http://www.eurasialegal.info/index.php?option=com_content&view=article&id=5254:2017-05-15-06-44-45&catid=1:eurasianintegration&Itemid=1 (дата обращения: 17.09.2018)

¹¹ Нешатаева Т. Н. Действие актов международного суда в национальных правовых системах: на примере актов Суда ЕАЭС (Доклад 2018 г.). URL: <http://courteurasian.org/page-22731> (дата обращения: 17.09.2018)

в рамках Союза и (или) решений органов Союза»¹².

Проанализируем еще на примере судебного акта арбитражного суда, в котором судья применяет правовое положение Суда ЕАЭС, касающиеся таможенных вопросов. В Постановлении Девятого ААС от 17 января 2017 года № 09АП-63418/2016, 09АП-63419/2016, 09АП-63420/2016 предусмотрено: «В свою очередь, в решении Суда Евразийского экономического союза от 04.04.2016 отмечается, что основным критерием для классификации в целях таможенного декларирования являются объективные характеристики и свойства товара, соответствующие наименованию конкретной товарной позиции ТН ВЭД. При этом объективным критерием для классификации товара является его предполагаемое назначение, которое подлежит оценке на основании объективных характеристик и свойств товара»¹³.

Библиографический список

1. Вкут М.А., Зайцев И. М. Гражданский процесс России. — М.: Юристъ, 1999. — С. 330–331.
2. Волова Л. И. Перспективы деятельности Суда Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в контексте развития евразийской интеграции. URL: http://www.eurasialegal.info/index.php?option=com_content&view=article&id=5254:2017-05-15-06-44-45&catid=1:eurasianintegration&Itemid=1 (дата обращения: 15.09.2018).
3. Курмангалиев Р. А. Проблемы разрешения споров Судом Евразийского экономического союза // Право: современные тенденции: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2016 г.). Краснодар: Новация, 2016. — С. 152–154.
4. Иксаков И. С., Косырев И. Ю. Проблемы наднационального правового регулирования на примере деятельности Суда Евразийского Экономического Союза // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2017. — № 5. — С. 10.

Итак, судебная политика в РФ формируется посредством актов ВС РФ, ВАС РФ (не утратившие силу), иногда кассационных и апелляционных инстанций, а также актов Суда ЕАЭС, что позволяет говорить уже о применении нижестоящими арбитражными судами судебной практики Суда ЕАЭС и выносить судами справедливые, законные и мотивированные акты.

Следовательно, на сегодняшний день ЕАЭС представляет собой крупное экономическое интеграционное образование, задачей которого является достижение баланса в деятельности наднациональных и межгосударственных органов союза, а задачей Суда ЕАЭС — определить равновесие между органами Союза и органами государств-участников, защищая права и законные интересы субъектов хозяйственной деятельности.

¹² URL: <https://rg.ru/2016/05/18/vstamozh-dok.html> (дата обращения: 17.09.2018)

¹³ URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/fa21315c-4072-4823-bce4-5943cd33a03c/c3f4d97e-903b-45e2-88af-8c46b32bbb32/A40-1595732016_20170117_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf (дата обращения: 17.09.2018)

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Большакова Валентина Михайловна

Заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Нижегородского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент
E-mail: valentinabolshakova@rambler.ru

НОРМАТИВНАЯ ОСНОВА СУДЕБНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI В.

Аннотация.

В статье с позиции методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения автор анализирует нормативную основу судебной реформы 1864 г. в Российской империи и нормативную основу судебной реформы в Российской Федерации. Делаются выводы, что в содержательном плане нормативная основа судебной реформы в Российской империи и в Российской Федерации были схожи. В обоих случаях проводилось кардинальное комплексное реформирование судебной системы. Однако имеются серьезные различия в подходе законодателя к формированию нормативной основы преобразований: в Российской империи Судебные уставы, регламентирующие судостроительство и судопроизводство, были приняты одновременно, а в Российской Федерации реформирующие нормативные акты принимались в течение достаточно длительного времени, постепенно заменяя советское законодательство.

Ключевые слова: хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение, нормативная основа судебных преобразований, судебная реформа 1864 г., судебная реформа в Российской Федерации.

Bolshakova Valentina M.

Head of the Chair of Constitutional and Municipal Law of the Nizhny Novgorod Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
valentinabolshakova@rambler.ru
E-mail: valentinabolshakova@rambler.ru

REGULATORY FRAMEWORK FOR JUDICIAL TRANSFORMATIONS IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY AND THE RUSSIAN FEDERATION AT THE END OF THE XX — BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Abstract.

In the article from the standpoint of the methodology of Chrono-discrete mono-geography comparative jurisprudence, the author analyzes the normative bases of the judicial reform of 1864 in the Russian Empire and the modern judicial reform in the Russian Federation. Conclusions are drawn that in terms of content, the normative basis for judicial reform in the Russian Empire and in the Russian Federation was similar. In both cases, the cardinal complex reform of the judicial system was carried out.

Однако имеются серьезные различия в подходе законодателя к формированию нормативной основы преобразований: в Российской империи Судебные уставы, регламентирующие

судоустройство и судопроизводство, были приняты одновременно, а в Российской Федерации реформирующие нормативные акты принимались в течение достаточно длительного времени, постепенно заменяя советское законодательство. However, there are serious differences in the approach of the legislator to the formation of the regulatory framework of reforms: in the Russian Empire, the Judicial statutes governing the judicial system and the judiciary were adopted simultaneously, and in the Russian Federation, the reforming normative acts were adopted for a long time, gradually replacing the Soviet legislation.

Keywords: Chrono-discrete mono-geography comparative jurisprudence, normative basis of judicial reforms, judicial reform in 1864, judicial reform in the Russian Federation.

Одним из перспективных направлений изучения судебной реформы 1864 г. в настоящее время является сравнительный ее анализ с судебной реформой в Российской Федерации конца XX — начала XXI в.¹ В данном случае наиболее оптимальным представляется использование методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения², которая ак-

тивно применяется не только при анализе судебных преобразований в Российской империи и Российской Федерации в целом³, но и отдельных ее институтов (мирового суда, суда присяжных, прокуратуры, адвокатуры и др.)⁴.

Очевидно, что в основе юридического исследования должен лежать анализ нормативных правовых актов. Как известно, «нор-

мативные акты для историка права служат отправной точкой исследования: в обязательном порядке проводится формально-юридический анализ, толкование документа, а также определяется его место в системе нормативно-правовых актов»⁵. Это в полной мере относится и к изучению отечественных судебных преобразований. Соответственно целью данной статьи является сравнительный анализ нормативной основы судебных преобразований в Российской империи во второй половине XIX в. и Российской Федерации в конце XX — начале XXI в.

Теоретической основой судебной реформы 1864 г. выступили Основные положения преобразования судебной части в России от 29 сентября 1862 г. Их разработке предшествовала достаточно длительная работа, а после их принятия прошло еще два года до утверждения Судебных уставов 20 ноября 1864 г.

В РСФСР и РФ ситуация была иной. Теоретические основы судебных преобразований — Концепция судебной реформы в РСФСР от 24 октября 1991 г. разрабатывалась узкой группой лиц в спешке и кулуарно. А с момента принятия Концепции до начала реализации судебной реформы прошло всего несколько месяцев.

Такие различные подходы законодателя к разработке судебных реформ в Российской империи и Российской Федерации привели к принципиальной разнице в формировании нормативной основы преобразований.

Нормативной основой судебной реформы 1864 г. были Судебные уставы. Они разрабатывались как единый целостный комплекс документов, преобразующий судоустройство и судопроизводство в Российской империи, и одновременно были подписаны (именно как Судебные уставы, а не отдельно составляющие их нормативные акты) 20 ноября 1864 г. императором Александром II.

Судебные уставы 1864 г. состояли из четырех документов: Учреждения судебных

установлений, Устава гражданского судопроизводства, Устава уголовного судопроизводства и Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Изначально предполагалось, что эти акты сделаны «под ключ», полностью регламентируют отечественное судоустройство и судопроизводство и не требуется никаких принципиально новых отдельных нормативных актов для функционирования судебной системы.

Устройство и организацию судебной системы регламентировал нормативный правовой акт, который назывался Учреждение судебных установлений. Этот документ состоял из 420-ти статей, а также нескольких приложений. Статьи были сгруппированы во Введение и девять разделов, имевших свое структурирование: Введение (ст. 1–11), Раздел первый «О мировых судьях и их съездах» (ст. 12–76), Раздел второй «Об общих судебных местах» (ст. 77–123), Раздел третий «О лицах прокурорского надзора» (ст. 124–136), Раздел четвертый «О внутреннем устройстве судебных мест» (ст. 137–185), Раздел пятый «О порядке сношения судебных мест и должностных лиц судебного ведомства» (ст. 186–199), Раздел шестой «Об определении, увольнении и перемещении должностных лиц судебного ведомства» (ст. 200–248), Раздел восьмой «О надзоре за судебными установлениями и об ответственности должностных лиц судебного ведомства» (ст. 249–296), Раздел девятый «О лицах, состоящих при судебных местах» (ст. 297–420).

Гражданское судопроизводство регламентировалось Уставом гражданского судопроизводства, а уголовное судопроизводство — Уставом уголовного судопроизводства. С учетом наличия двух самостоятельных ветвей судебной власти в Российской империи (мировых судов и общих судебных установлений) в обоих процессуальных кодексах отдельно регулировалось рассмотрение дел у мировых судей и в общих судебных местах.

¹ Демичев А.А. О тенденциях в изучении судебной реформы 1864 г. // История государства и права. 2012. — № 5. — С. 2–5.

² Демичев А.А. Теоретико-методологические принципы научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: Сб. научн. тр. / Под ред. А.А. Демичева. — Вып. 1. — Н. Новгород, 2009. — С. 7–16; Демичев А.А. Принципы и перспективы развития научного направления «Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2016. — № 1 (33). — С. 23–28.

³ Демичев А.А. К вопросу о сравнимости судебной реформы 1864 г. и судебных преобразований конца XX — начала XXI в. в России // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. — 2014. — № 9–1. — С. 7–14; Большакова В.М. Проблемные аспекты судебных преобразований в России второй половины XIX — начала XX в. и конца XX — начала XXI в. (проведение реформ «сверху» и специфика российского менталитета) // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. — 2017. — № 1 (19). — С. 111–122; Большакова В.М. Судебная реформа 1864 г. в Российской империи и судебная реформа конца XX — начала XXI в. в Российской Федерации (проблема реализации в пространстве и во времени) // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. — 2017. — № 2 (20). — С. 17–26.

⁴ Илюхина В.А. Мировой суд в России по Учреждению судебных установлений 1864 г. и по современному российскому законодательству о мировых судьях: опыт сравнительного историко-правового исследования // Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: Сб. научн. тр. / Под ред. А.А. Демичева. — Вып. 3. — М.: ООО «Ваш полиграфический партнер», 2011. — С. 92–106; Илюхина В.А. Сравнительный анализ требований к кандидатам в мировые судьи в Российской империи и Российской Федерации // Мировой судья. — 2016. — № 5. — С. 3–7; Волосатых Е.А. Хронодискретное историко-теоретическое исследование правового статуса мирового судьи в Российской империи и Российской Федерации: Дис... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2016; Демичев А.А. Сравнительно-правовое исследование суда присяжных в России (история и современность): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. — Н. Новгород, 2003; Илюхин А.В. Ограничение компетенции присяжных заседателей по государственным преступлениям в Российской империи и Российской Федерации: сравнительно-правовой аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2016. — № 3 (35). — С. 32–36; Большакова В.М. Суд присяжных: хронодискретный российский институт // Уголовное судопроизводство. — 2017. — № 3. — С. 11–14; Никонов В.А. Российская прокуратура во второй половине XIX-начале XX века и конце XX-начале XXI века (сравнительно-правовой анализ): Монография / Под ред. А.А. Демичева. Н. Новгород, 2005; Черепанов С.И. К вопросу о применении методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения к изучению института адвокатуры в России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2015. — № 1 (29). — С. 362–365; Черепанов С.И. Адвокатура как хронодискретный российский институт (к вопросу о периодизации истории отечественной адвокатуры) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2016. — № 3 (35). — С. 37–42; Большакова В.М. Адвокатура как институт гражданского общества в России: история и современность // Гражданское общество в России и за рубежом. — 2017. — № 4. — С. 41–44.

⁵ Демичев А.А. История России и история отечественного государства и права: проблемы соотношения // Российский юридический журнал. — 2005. — № 1. — С. 123.

Особое место в Судебных уставах занимал Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Он был самым маленьким по объему — 181 статья, предшествующим ему нормам не нашлось места в Основных положениях преобразования судебной части в России 1862 г. Но, самое главное, он носил своеобразный дополнительный характер — его функцией было восполнение норм, отсутствующих в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Кроме того, учитывая специфику мирового суда в Российской империи, издание специального отдельного нормативного акта, на основании которого мировые судьи выносили бы решение, было весьма целесообразно. Как нам видится, издание Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, было вызвано двумя причинами: 1) необходимостью временно заполнить пробел в правовом регулировании, возникший после введения мировой юстиции и 2) необходимостью облегчить правоприменительную деятельность мировых судей, для которых в соответствии с законом не было обязательным наличие юридического образования.

В Российской Федерации ситуация с изданием нормативных правовых актов, регламентирующих судоустройство и судопроизводство, сложилась совершенно иная, нежели это имело место в Российской империи: в современной России в разное время было принято значительное количество нормативных правовых актов, регулировавших ту или иную сторону судоустройства и судопроизводства. При этом новые документы не только принимались не одновременно, но и в ряде случаев носили временный характер. Так, например, такой новый институт для Российской Федерации, как суд присяжных, первоначально вводился не путем принятия нового отдельного закона, а за счет внесения изменений в действовавшее в тот момент советское законодательство. Произошло это 16 июля 1993 г., когда был принят закон РФ «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР

и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях». Уже из названия данного нормативного акта следует, в какие законы были внесены изменения для введения суда присяжных заседателей. Специальный закон в данной сфере — федеральный закон «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» был принят спустя много времени — 20 августа 2004 г.

В течение достаточно длительного времени продолжало действовать советское процессуальное законодательство: УПК РФ заменил УПК РСФСР от 27 октября 1960 г. только 18 декабря 2001 г., а ГПК РФ заменил ГПК РСФСР от 11 июня 1964 г. только 14 ноября 2002 г. Естественно, до принятия новых российских процессуальных кодексов в законодательство РСФСР вносились многочисленные и весьма существенные новеллы. В Российской же империи с принятием Судебных уставов 1864 г. соответствующее им дореформенное законодательство утратило силу.

Отметим, что в Российской империи существовало только два вида судопроизводства: уголовное и гражданское. В соответствии с ч. 2 ст. 118 Конституции РФ «Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства». Конечно, Кодекса конституционного судопроизводства не существует, но вот Кодекс административного судопроизводства появился совсем недавно — 8 марта 2015 г. Кроме того, хотя Конституцией РФ арбитражное судопроизводство не называется среди прочих видов судопроизводства, но нормы арбитражного процессуального права были кодифицированы в современной России дважды. Так, первый АПК РФ был 5 мая 1995 г., а 24 июля 2002 г. его заменил новый АПК РФ.

В Российской империи Сенат представлял собой высшую судебную инстанцию. И некоторые исследователи достаточно обоснованно видят основания для хронодискретного анализа Сената и Верховного Суда

РФ⁶. Однако, в институциональном плане, что вполне естественно, судебная система Российской Федерации значительно более развита, чем судебная система Российской империи.

Так как методология хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения предполагает только сравнение сопоставимых элементов, существовавших в разные исторические периоды, то мы не будем далее вести речь о таких судебных институтах, аналогов которым не существовало в дореволюционный период. Например, не имелось аналога Конституционному Суду РФ и уже несуществующему Высшему Арбитражному Суду РФ. Отдельного исследования заслуживают военные и другие специализированные суды в Российской империи и Российской Федерации. Правда, в литературе имеются некоторые попытки такого рода. Например, уже проведено сравнение арбитражных судов РФ и коммерческих судов РИ⁷, а также военного суда присяжных в РФ и РИ⁸.

Остановимся далее на сопоставимых элементах судебной системы дореволюционной и современной России. При этом обратим внимание, что в Российской империи судебная система состояла из двух ветвей: мировых судов и общих судов. Как верно отмечает Е. А. Волосатых, «в стране были сформированы две независимые друг от друга ветви судебной системы: мировые судебные установления (мировые судьи и съезды мировых судей) и общие судебные

установления (окружные суды и судебные палаты). Эти две ветви не находились в положении субординации, не были связаны друг с другом и не конкурировали каким бы то ни было образом»⁹. Эти две системы сливались в Сенате как высшей судебной инстанции. Тем самым обеспечивалось единство российской судебной системы.

В Российской Федерации, как верно отмечает В. А. Илюхина, в настоящее время нет как таковой мировой юстиции, а имеет место только институт мировых судей¹⁰, а Е. А. Волосатых справедливо указывает: «чтобы «мировая юстиция стала в России полноценной, необходимо создание второй судебно-мировой инстанции — съезда мировых судей»¹¹. Напомним, что сегодня мировые судьи являются судьями общей юрисдикции субъектов РФ и входят в единую судебную систему РФ, а второй инстанцией для мировых судей является районный суд.

В целом устройство судебной системы в Российской империи регламентировалось Учреждением судебных установлений 1864 г., а в Российской Федерации ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» был принят 31 декабря 1996 г. Еще раньше — 26 июня 1992 г. — был принят Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации»,

Как мы уже отмечали ранее, все судебные институты в Российской империи вводились сразу Судебными уставами 1864 г. В Российской Федерации все произошло иначе. Можно сказать, что современная судебная реформа проводилась, отчасти,

⁶ Илюхина В. А. Правительствующий Сенат Российской империи и Верховный Суд Российской Федерации как высшая судебная инстанция (сравнительно-правовой анализ) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2016. — № 1 (33). — С. 37–41.

⁷ Михин А. В. Состав арбитражного суда дореволюционной и современной России: сравнительно-правовое исследование // Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: Сб. научн. тр. / Под ред. А. А. Демичева. — М., 2011. — С. 47–53.

⁸ Илюхин А. В., Илюхина В. А., Везенова П. Р. Военный суд присяжных в России как объект хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Вестник Томского государственного университета. — 2018. — № 427. — С. 201–207.

⁹ Волосатых Е. А. Хронодискретное историко-теоретическое исследование правового статуса мирового судьи в Российской империи и Российской Федерации: Дис... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2016. — С. 64–65.

¹⁰ Илюхина В. А. Мировой суд в России по Учреждению судебных установлений 1864 г. и по современному российскому законодательству о мировых судьях: опыт сравнительного историко-правового исследования // Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: Сб. научн. тр. / Под ред. А. А. Демичева. — Вып. 3. — М., 2011. — С. 106.

¹¹ Волосатых Е. А. Хронодискретное историко-теоретическое исследование правового статуса мирового судьи в Российской империи и Российской Федерации: Дис... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2016. — С. 69.

поинституционально. Так, первой была реорганизована прокуратура путем принятия ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» 17 января 1992 г. В 1993 г. (об этом речь уже шла в данной статье) появился институт присяжных заседателей. В 1997 г. федеральными законами от 21 июля 1997 г. «Об исполнительном производстве» и «О судебных приставах» был возрожден институт судебных приставов. В 1998 г. появился мировой суд в результате принятия ФЗ от 17 декабря 1998 г. «О мировых судьях в Российской Федерации». 31 мая 2002 г. был принят ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», которым была преобразована отечественная адвокатура. 7 августа 2000 г. федеральными законами «О внесении изменений и дополнений в уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» и «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР» в действующий в том момент Гражданский процессуальный кодекс РСФСР» был введен институт апелляции в отношении решений мировых судей, а федеральными законами от 9 декабря 2010 г. «О внесении изменений в Гражданский процессуальный

кодекс Российской Федерации» и от 29 декабря 2010 г. «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» был установлен единый общий порядок апелляционного обжалования судебных актов, вынесенных мировыми судьями и судами общей юрисдикции.

В завершение статьи обратим внимание на то, что в содержательном плане нормативная основа судебной реформы в Российской империи и в Российской Федерации были схожи. В обоих случаях проводилось кардинальное комплексное реформирование судебной системы. Однако имеются серьезные различия в подходе законодателя к формированию нормативной основы преобразований: в Российской империи Судебные уставы, регламентирующие судостроительство и судопроизводство, были приняты одновременно, а в Российской Федерации реформирующие нормативные акты принимались в течение достаточно длительного времени, постепенно заменяя советское законодательство.

Библиографический список

1. Большакова В. М. Адвокатура как институт гражданского общества в России: история и современность // Гражданское общество в России и за рубежом. — 2017. — № 4. — С. 41–44.
2. Большакова В. М. Проблемные аспекты судебных преобразований в России второй половины XIX — начала XX в. и конца XX — начала XXI в. (проведение реформ «сверху» и специфика российского менталитета) // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. — 2017. — № 1 (19). — С. 111–122.
3. Большакова В. М. Суд присяжных: хронодискретный российский институт // Уголовное судопроизводство. — 2017. — № 3. — С. 11–14.
4. Большакова В. М. Судебная реформа 1864 г. в Российской империи и судебная реформа конца XX — начала XXI в. в Российской Федерации (проблема реализации в пространстве и во времени) // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. — 2017. — № 2 (20). — С. 17–26.
5. Волосатых Е. А. Хронодискретное историко-теоретическое исследование правового статуса мирового судьи в Российской империи и Российской Федерации: Дис... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2016. — 217 с.
6. Демичев А. А. История России и история отечественного государства и права: проблемы соотношения // Российский юридический журнал. — 2005. — № 1. — С. 117–127.

7. Демичев А. А. К вопросу о сравнимости судебной реформы 1864 г. и судебных преобразований конца XX — начала XXI в. в России // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. — 2014. — № 9–1. — С. 7–14.
8. Демичев А. А. О тенденциях в изучении судебной реформы 1864 г. // История государства и права. 2012. — № 5. — С. 2–5.
9. Демичев А. А. Принципы и перспективы развития научного направления «Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2016. — № 1 (33). — С. 23–28.
10. Демичев А. А. Сравнительно-правовое исследование суда присяжных в России (история и современность): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. — Н. Новгород, 2003. — 56 с.
11. Демичев А. А. Теоретико-методологические принципы научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: Сб. научн. тр. / Под ред. А. А. Демичева. — Вып. 1. — Н. Новгород, 2009. — С. 7–16.
12. Илюхин А. В. Ограничение компетенции присяжных заседателей по государственным преступлениям в Российской империи и Российской Федерации: сравнительно-правовой аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2016. — № 3 (35). — С. 32–36.
13. Илюхин А. В., Илюхина В. А., Везенова П. Р. Военный суд присяжных в России как объект хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Вестник Томского государственного университета. — 2018. — № 427. — С. 201–207.
14. Илюхина В. А. Мировой суд в России по Учреждению судебных установлений 1864 г. и по современному российскому законодательству о мировых судьях: опыт сравнительного историко-правового исследования // Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: Сб. научн. тр. / Под ред. А. А. Демичева. — Вып. 3. — М.: ООО «Ваш полиграфический партнер», 2011. — С. 92–106.
15. Илюхина В. А. Правительствующий Сенат Российской империи и Верховный Суд Российской Федерации как высшая судебная инстанция (сравнительно-правовой анализ) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2016. — № 1 (33). — С. 37–41.
16. Илюхина В. А. Сравнительный анализ требований к кандидатам в мировые судьи в Российской империи и Российской Федерации // Мировой судья. — 2016. — № 5. — С. 3–7.
17. Михин А. В. Состав арбитражного суда дореволюционной и современной России: сравнительно-правовое исследование // Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: Сб. научн. тр. / Под ред. А. А. Демичева. — М., 2011. — С. 47–53.
18. Никонов В. А. Российская прокуратура во второй половине XIX-начале XX века и конце XX-начале XXI века (сравнительно-правовой анализ): Монография / Под ред. А. А. Демичева. — Н. Новгород: НФ МГЭИ, 2005. — 156 с.
19. Черепанов С. И. Адвокатура как хронодискретный российский институт (к вопросу о периодизации истории отечественной адвокатуры) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2016. — № 3 (35). — С. 37–42.
20. Черепанов С. И. К вопросу о применении методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения к изучению института адвокатуры в России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2015. — № 1 (29). — С. 362–365.

Бондаренко Максим Владимирович

Сотрудник Академии Федеральной службы охраны Российской Федерации, г. Орел, Российская Федерация, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: maxbond1979@rambler.ru

Строева Оксана Александровна

Преподаватель кафедры специальной подготовки Орловского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова, г. Орел, Российская Федерация, кандидат юридических наук

E-mail: oxana25121989@gmail.com

ПРАВОВЫЕ УСТАНОВКИ КАК ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЙ ФАКТОР ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ СУБЪЕКТОВ ПРАВА

Аннотация.

Предметом исследования является проблема соотношения правовых установок и правомерного поведения субъектов права.

Цель статьи — раскрыть понятие правовых установок как специфического и относительно самостоятельного элемента правосознания, отследить диалектическую взаимосвязь правовых установок и правового сознания, определить их детерминирующее влияние на правомерное поведение субъектов права. Правовые установки служат своеобразным толчком к развитию правового сознания, которое, в свою очередь, оказывает существенное влияние на формирование правомерного поведения субъектов права. Отдельное внимание уделено понятию «правовые установки», которые обеспечивают готовность, предрасположенность субъекта к правомерному поведению, побуждают действовать в соответствии с законом, способствуют его усвоению и переработке, определяют мотивы поведения и соответствующие им цели.

Методологию исследования составили формально-юридический, аналитический методы и системный подход.

Сделан вывод, что правовые установки, выступая важнейшим целевым ориентиром, стимулируют правовую активность, побуждая субъектов права к правомерному поведению, а их специфика, определяемая волевой природой правового сознания, заключается в наполнении его смыслом.

Выводы исследования могут быть использованы в дальнейших исследованиях общей теории права и государства.

Ключевые слова: правосознание, правомерное поведение, правовая установка, субъект права, правопорядок, законность, справедливость, дисциплина.

Bondarenko Maksim V.

Employee of the Academy of the Federal Guard Service of the Russian Federation, Orel, Russian Federation, candidate of Juridical Sciences, Associate Professor

E-mail: maxbond1979@rambler.ru

Stroeva Oxana A.

The teacher of the department of special training of the Orel Law institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov, Orel, Russian Federation, candidate of Juridical Sciences

E-mail: oxana25121989@gmail.com

LEGAL SETTINGS AS A DETERMINATIVE FACTOR OF LAWFUL CONDUCT OF SUBJECTS OF LAW

Abstract.

The subject of the research is the problem of correlation of legal attitudes and lawful behavior of subjects of law.

The purpose of the article is to reveal the concept of legal attitudes as a specific and relatively independent element of legal consciousness, to trace the dialectical relationship of legal attitudes and legal consciousness, to determine their determinative influence on the lawful behavior of subjects of law. Legal settings serve as a kind of impetus to the development of legal awareness, which, in turn, has a significant influence on the formation of lawful conduct of subjects of law. Special attention is paid to the concept of “legal settings”, that provide readiness, predisposition of the subject to lawful behavior, encourages to act in accordance with the law, promote its assimilation and processing, determine the motives of behavior and the corresponding goals.

The research methodology consists of formal-legal, analytical methods and a systematic approach.

It is concluded that the legal guidelines, being the most important target, stimulate legal activity, prompting the subjects of law to lawful behavior, and their specificity, determined by the strong-willed nature of legal consciousness, is to fill it with meaning.

The conclusions of the study can be used in further studies of the General theory of law and state.

Key words: legal consciousness, lawful conduct, legal setting, subject of law, rule of law, legality, justice, discipline.

Современное правосознание все более тяготеет к правовым знаниям и установкам, присущим специализированному, профессиональному правосознанию. Отсюда важным представляется эмпирическое исследование диалектической взаимосвязи правовых установок и правового сознания, их влияния на правомерное поведение субъектов права.

Раскрывая связь правосознания и правомерного поведения, стоит отметить, что последний, как действующий феномен, представляет собой желательное и допустимое поведение субъектов, соответствующее требованиям правовых норм. Такое поведение имеет место только в тех случаях, когда субъект добровольно признает правовые веления и следует нормам права. Развитое

правовое сознание призывает к правомерному поведению (становится его фактором) и осознается в действительности, что позволяет определить ее как ориентир правового поведения. О важности и необходимости формирования осознанного отношения к праву говорит И. А. Ильин, «если современный «просвещенный» человек склонен или сомневаться в значении родины, патриотизма и национализма, или просто отвергает все эти драгоценные основы жизни, то о правосознании, о его сущности, о его глубоких источниках и о его жизненной необходимости — он вряд ли и вспоминает»¹.

Исследование содержания правосознания составляет задачу фундаментального плана, решая которую, следует исходить из понимания рассматриваемого феномена как

¹ Ильин И. А. Путь духовного обновления. — Харьков. Изд. дом Фолио. 2001. С. 41.

правового осознания действительности, центром которой выступает человек. Каждый субъект преобразует весь накопленный правовой опыт в собственные установки и ориентации, которые играют роль фундаментальных норм действий², благодаря которым правовое сознание приобретает свое реальное содержание. Это означает, что правосознание характеризует «живое» отношение субъектов к правовой реальности, способствует формированию активной жизненной позиции, выступает смысловым основанием права и практической деятельности.

Ядром правосознания выступают знания о праве, о составляющих его нормах и ценностях, а также идеи, сообщающие знаниям, взглядам и принципам целенаправленный характер, определяющие глубинную мотивацию правомерного поведения, трансформирующиеся в правовые убеждения³. Этому способствует, в частности, изучение правовых установок в качестве одного из базовых компонентов правосознания. О важности установок в своей работе говорит Д. Н. Узнадзе, утверждая, что установки направляют поведение в русло окружающей действительности и способствуют отражению поведения человека⁴. «Среди установок есть такие, которые имеют особенный вес, поскольку они выработаны по отношению к тем элементам действительности, которые имеют особенную ценность для личности». В свете данных установок субъект воспринимает ситуацию и выбирает соответствующий образ действия.

Обращение к диалектической взаимосвязи правовых установок и правосознания в данном аспекте, неизбежно, потому что, во-первых, правовые установки являются одним из структурных элементов правосознания, которые проявляются в активном взаимодействии с правом, во-вторых, они

непосредственно характеризуют познавательно-оценочные и регулятивно-формирующие установки правосознания.

Полагая, что правовые установки постоянно удерживают общий смысловой фон правосознания, стоит заметить, что они определяют его цели⁵. В подтверждение сказанного Д. А. Керимов отмечает, что правосознание сдвигается на правовые цели, а правовые цели — на средства его реализации ради достижения практического результата⁶. Правовые установки в совокупности складываются в правовые ориентации субъектов права, служат основополагающей формой, ради которой и в контексте которой достигается осмысление правовой действительности, выражаются оценки, принимаются решения, приложению сил получает непосредственную мотивацию⁷.

Фактически правовые установки задают устойчивый и целенаправленный характер деятельности субъекта права, служат его своеобразным стабилизатором в правовой среде. Правовые установки выступают как направляющие предписания в правоприменительной деятельности и находят свое «живое» воплощение в правовом порядке. Лишь тогда, когда установка «включается» в реальную сферу общественных отношений, она становится практическим отражением правовых отношений, воплощением правового поведения. Неслучайно, право предполагает такое поведение, при котором правовые явления получают свое восприятие и осмысление посредством адекватного правосознания. В рассматриваемом аспекте можно говорить об эффективности правосознания.

Такое восприятие правовых установок позволяет сформировать их определенный регулятор общественных отношений, формирующий активное правовое поведение граждан, вырабатываемый сообразно пра-

вовым условиям, в которых находится субъект права.

Понимание значения правовых установок возможно, только если признать что они способствуют утверждению правовых представлений субъектов права, создавая необходимые условия для общей направленности их действий. От развитости правовых установок зависит степень правомерности субъекта права, внутреннее осознание значимости выполняемых задач, потребность сознательно и добровольно соблюдать требования закона. Правовые установки материализуются в правовых отношениях, моделируя определенную линию поведения, образ действий субъектов права, определяют борьбу мотивов правомерного и противоправного поведения, способствуют принятию правозначимых решений и формированию не только практической, но и духовной направленности личности⁸.

Проблема соотношения правовых установок и правомерного поведения субъектов права, на наш взгляд, может быть раскрыта путем последовательной ретракции ряда базовых правовых установок. В качестве таковых, на наш взгляд, могут выступать «правопорядок», «законность», «справедливость» и «дисциплина». Для формирования представленных установок необходимо усвоение общих принципов права на основе достаточно развитых навыков правомерного поведения. Исходные правовые принципы претворяются в конкретные правовые установки. Рассмотрим подробнее каждую из них.

Особого рассмотрения требует вопрос полного и всестороннего уяснения «правопорядка» как важнейшей правовой установки субъектов права. Во-первых, «правопорядок отражает действительное правовое состояние общества». Во-вторых, правопорядок, как и любая правовая установка — цель, предполагаемый результат, желаемое состояние общества и действительного права. Правопорядок здесь — доминанта и необ-

ходимый коррелят правовой действительности, непрерывная интерпретационная практика, задающая особый ценностный контекст, перспективу видения, упорядоченность применения и соблюдения права, правомерного поведения субъектов. Иными словами, правопорядок невозможен без развитого правосознания. «Ибо правопорядок состоит как раз в том, что правосознание, добровольно наполняясь содержанием закона, исполняет закон в жизни, или, что то же, наполняет требование закона внутреннею и внешнею жизнью-волею и делами; тогда закон оказывается уже не отвлеченною от жизни формулою, но вовлеченною в жизнь формулою⁹. Это означает, что правопорядок является сознательным результатом общественных отношений, отражением правовой реальности и организованной формой правовой жизни, необходимостью правовой воли, привычной готовностью субъектов права воспроизводить существующие правовые отношения, результативно противостоять негативным процессам и явлениям.

Н. Г. Александров справедливо отмечает, что «правопорядок представляет собой такой порядок в волевых общественных отношениях, регулируемых правовыми нормами, который устанавливается посредством обеспечения точного исполнения законов и выражается в неуклонном выполнении юридических обязанностей участниками правоотношений и в реально гарантированном осуществлении их прав¹⁰. В целом можно отметить, приведенная характеристика «правопорядка» дает основание для вывода об определяющей роли его как важнейшей правовой установки субъектов права. Такое понимание правопорядка специфично для правосознания.

Однако сам правопорядок как правовая установка недостаточно полно позволяет охарактеризовать правосознание и раскрыть роль правовых установок в формировании правомерного поведения субъектов права. В этой связи представляется це-

² Вебер М. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. С. 628–630.

³ Голубицкая С. Г., Иванов С. А., Казаков В. Н. Теория государства и права / под ред. В. П. Малахова, В. Н. Казакова. — М.: Академический проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2002. С. 228–300.

⁴ Узнадзе Д. Н. Психология установки. — СПб.: Питер, 2001. С. 74–76.

⁵ Малахов В. П. Природа, содержание и логика правосознания. Дис. ... докт. юрид. наук. — М., 2001. С. 123.

⁶ Керимов Д. А. Методология права. 2-е изд. — М.: Аванта Плюс, 2001. С. 303.

⁷ Малахов В. П. Природа, содержание и логика правосознания. Дис. ... докт. юрид. наук. — М., 2001. С. 163.

⁸ Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М.: Аванта +, 2001. С. 384.

⁹ Ильин И. А. О сущности правосознания. — М.: Рарогъ, 1993. С. 106.

¹⁰ Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. — М.: Госюриздат. 1955. С. 124.

лесообразным рассмотреть «законность» как правовую установку, которая, на наш взгляд, является одним из существенных гарантов обеспечения правопорядка, защиты законных интересов личности и общества в целом. Законность надо обеспечивать, за нее в некоторых случаях необходимо даже «бороться»¹¹. Как отмечал Р. Иеринг, «цель права есть мир, средство для достижения этой цели — борьба ... борьба против посягательств со стороны беззакония»¹². Законность, при этом, — основополагающий инструмент механизма правового регулирования, который способствует регулированию поведения всех участников общественных отношений, становлению правомерного поведения субъектов права.

Знание и умение применять закон — важнейшее требование реализации права. Без этого элементарного требования нельзя обеспечить законность¹³. «Законность предполагает общеобязательность всех правовых норм для всех субъектов права во всех случаях правореализации»¹⁴. Строгое и неукоснительное соблюдение правовых норм — основная идея как принципа и необходимое условие законности как социального явления, фундаментальная основа правомерного поведения субъектов права. Интересным с этой точки зрения представляется утверждение Ю. Н. Старилова, согласно которого «правосознание должно еще более «погрузиться» в правовую государственность, создать предпосылки применения должностными лицами законов и иных нормативных правовых актов при решении всех управленческих дел и при принятии как нормативных, так и индивидуальных правовых актов»¹⁵.

Как видим, законность, рассматриваемая нами в контексте базовой правовой установки, предстает в качестве объекти-

вированного итога действий, результатом, целью существования права. Важно подчеркнуть, что законность как основа правомерного поведения субъектов права реализуется в идеях соблюдения и уважения права, в укреплении правопорядка, в понимании культурной и духовной ценности права, выражая тем самым его защитную функцию. Неслучайно восприятие законности в качестве важнейшей правовой установки — показатель рефлексии развитого правосознания и отражение правомерного поведения субъектов права, отсутствие которых приводит к тому, что законность становится формальной, и не находит своего реального воплощения в правовой действительности.

Следующей правовой установкой в контексте их соотношения с правомерным поведением следует выделять «справедливость». По существу, справедливость как достижимое состояние (результат) относится к тем феноменам, постижение которых предопределяет смысл правовой жизни общества.

Справедливость — начальное условие действия права, основа правомерного поведения субъектов права, поскольку в любой правовой ситуации сначала делается выбор, потом начинается рационализация сделанного выбора, объяснение наших правовых поступков и правового общения. Справедливость в этом смысле всегда предубеждена, справедливость — очевидность в правовой ситуации или решении. Аргументированным, в этой связи, представляется вывод, согласно которого справедливость в контексте правовых установок оказывает формирующее воздействие на правосознание. Как итог — справедливость выступает проводником между правовым явлением и сформированным к нему отношением.

Раскрывая соотношение правовых установок и правомерного поведения субъек-

тов права, целесообразным представляется рассмотреть такую правовую категорию как «дисциплина». Как верно отмечал И. А. Ильин, здоровое правосознание требует волевой дисциплины¹⁶, способствующей волевому управлению личности, ее убежденности и автономности посредством осмысливания и усваивания определенных обязанностей и запретов.

Надо полагать, дисциплина как правовая установка свидетельствует о признании и соблюдении субъектами правовых норм, правового поведения и законности. По существу, «дисциплина» расширяет содержание правосознания, приводит его в движение, выступая, тем самым, мотивацией правомерного поведения. Таким образом, сознание дисциплины в данном контексте предстает как рефлексия правомерного поведения, выступает и условием и средством правовой деятельности субъектов права, определяет функционирование сущностной стороны правосознания, выступающей его движущей силой.

Сказанное о правовых установках и их влиянии на правомерное поведение субъектов права позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Важность правовых установок как фактора правомерного поведения субъектов

права раскрывается путем последовательной ретракции понятий и значений правопорядка, законности, справедливости и дисциплины.

2. Правовые установки, выступая важнейшим целевым ориентиром, стимулируют правовую активность, побуждая субъектов права к правомерному поведению, а их специфика, определяемая волевой природой правового сознания, заключается в наполнении его смыслом.
3. Связь между правовыми представлениями и активностью личности в определенных правовых ситуациях обеспечивают правовые установки, которые целесообразно рассматривать как самостоятельный элемент правового сознания.
4. Результатом формирования объективного правового сознания, отражающего восприятие и осмысление правовых явлений, на основе правовых установок, являющихся отражением правовых знаний, является правомерное поведение личности, а также предрасположенность воспринимать и оценивать правовую информацию, процессы, готовность действовать в отношении их в соответствии с этой оценкой, выстраивать профессиональную деятельность в рамках правового поля.

Библиографический список

1. Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. — М.: Госюриздат. 1955.
2. Вебер М. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990.
3. Голубицкая С. Г., Иванов С. А., Казаков В. Н. Теория государства и права / под ред. В. П. Малахова, В. Н. Казакова. — М.: Академический проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2002.
4. Иеринг Р. Борьба за право. — Москва. 1991.
5. Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве. О сущности правосознания. — М.: Русская книга, 1994.
6. Ильин И. А. Путь духовного обновления. — Харьков. Изд. дом Фолио. 2001.
7. Ильин И. А. Теория права и государства. М.: Зерцало, 2008. С. 339.
8. Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. — М.: Юр. Литература. 1961.
9. Керимов Д. А. Методология права. 2-е изд. — М.: Аванта Плюс, 2001.
10. Костенников М. В., Куракин, А. В., Кононов, А. М., Кононов, П. И. Актуальные проблемы административного права. — М.: Изд-во ЮНИТИ-ДАНА. 2013.

¹⁶ Ильин И. А. Теория права и государства. М.: Зерцало, 2008. С. 339.

¹¹ Костенников М. В., Куракин, А. В., Кононов, А. М., Кононов, П. И. Актуальные проблемы административного права. — М.: Изд-во ЮНИТИ-ДАНА. 2013. С. 317.

¹² Иеринг Р. Борьба за право. — Москва. 1991. С. 5.

¹³ Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. — М.: Юр. Литература. 1961. С. 43.

¹⁴ Латушкин М. А. Механизм обеспечения законности // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. 2006. № 8. С. 49–50.

¹⁵ Стариков Ю. Н. Административное право как средство разрушения синдрома бесправия в современном правовом государстве. // Журнал российского права. 2005. № 4 (100). С. 33.

11. Латушкин М. А. Механизм обеспечения законности // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. 2006. № 8.
12. Малахов В. П. Природа, содержание и логика правосознания. Дис. ... докт. юрид. наук.— М., 2001.
13. Стариков Ю. Н. Административное право как средство разрушения синдрома бесправия в современном правовом государстве. // Журнал российского права. 2005. № 4 (100).
14. Узнадзе Д. Н. Психология установки.— СПб.: Питер, 2001.

Смирнов Сергей Николаевич

*Доцент кафедры теории права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»,
директор Института непрерывного образования ФГБОУ ВО «Тверской государственный
университет», кандидат юридических наук.*

E-mail: smirnov-sn@yandex.ru

ПРАВОВЫЕ ПРАКТИКИ КОНСТИТУИРОВАНИЯ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП В КАЧЕСТВЕ СОСЛОВИЙ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация.

Предмет исследования: законодательные и иные меры государства в России и ряде зарубежных стран по оформлению сословной системы и корректировке сословного статуса.

Целью настоящей работы является анализ соответствия деятельности российского законодателя XVII — XIX вв. с деятельностью законодателя ряда иностранных государств различных исторических эпох по оформлению социальных групп в качестве сословий.

Методологию исследования составили сравнительно-правовой, формально-юридический, критико-правовой метод.

В работе на основе рассмотрения законотворческой деятельности проведен краткий обзор правовых практик в России и ряде зарубежных стран по оформлению сословной системы и корректировке сословного статуса. Применительно к России в фокусе внимания находится период XVII — XIX вв. Сделан вывод как о реальном существовании в России сословной структуры в период XVII — XIX вв., так и о принципиальном соответствии деятельности российского законодателя практикам оформления сословной системы ряда зарубежных стран.

Результаты исследования могут быть использованы в исторической и историко-правовой науках и соответствующих учебных дисциплинах.

Ключевые слова: Россия, зарубежные страны, общество, правовой статус, сословие, обычай, нормативно-правовой акт.

Smirnov Sergey N.

Associate professor of the department of Legal Theory of Tver State University, director of the Institute of Continuous Education of Tver State University, Candidate of Science (Law)

E-mail: smirnov-sn@yandex.ru

JURISPRUDENCE OF CONSTITUTING SOCIAL GROUPS AS ESTATES IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES: COMPARATIVE LAW ASPECT

Abstract.

The subject matter are legislative measures and other actions of the State for the formation of the class system and adjusting class status in Russia and some foreign countries. The aim of the work is to analyze the compliance of the Russian legislator of XVII — XIX centuries with the activities of legislator of some foreign countries of constituting social groups as estates in various historical

eras. The study methodology includes comparative law, formal legal and critical legal research methods. On the basis of consideration legislative activities the brief review of jurisprudence for the formation of the class system and adjusting class status in Russia and some foreign countries is done in the work. In relation to the Russian Federation part of the XVII–XIX centuries is in a focus of attention. The conclusion was made that class structure is existed in Russia in the period of XVII — XIX centuries as well as fundamental compliance of Russian legislator's practices on formation of class system of some foreign countries. The results of the study can be used in historical and legal-historical sciences and relevant academic disciplines.

Keywords: Russia, foreign countries, society, legal status, estate, custom, legislation.

В фокусе внимания автора настоящей статьи находится период XVII–XIX вв. Акцент при этом сделан на правовую основу социальной стратификации России. Однако, в целях всесторонности исследования юридического оформления сословий и сословной системы используются факты российской и зарубежной социально-правовой истории, относящиеся к другим историческим периодам.

Актуальность заявленной темы определяется значением сословного статуса в системе правовых статусов человека. В России в рассматриваемый период сословный статус играл весьма существенную роль. Вместе с тем сам факт существования в России сословий и, следовательно, сословного статуса является дискуссионным.

Целью настоящего исследования является анализ соответствия действий отечественного законодателя по урегулированию сословного статуса в период XVII — XIX вв. в сравнительном аспекте с деятельностью высших органов власти ряда иностранных государств различных исторических эпох по оформлению сословной системы.

Предметом рассмотрения являются законодательные и иные меры государства в России и ряде зарубежных стран по оформлению сословной системы и корректировке сословного статуса.

Теоретическую основу настоящей работы составляют труды отечественных и зарубежных правоведов, историков и социологов; эмпирический материал содержится

в работах историков и историков права. В числе авторов указанных исследований необходимо назвать М. Ф. Владимирского-Буданова, И. А. Исаева, В. О. Ключевского, В. И. Кузищина, А. А. Малиновского, Б. Н. Миронова, С. М. Соловьева, Л. В. Черепнина, Г. Ф. Шершеневича, А. Матъеза, Г. Фриза, О. Шпенглера и др.

Тема настоящей работы является оптимальной для применения не только сравнительно-правового и формально-юридического методов исследования, но и критико-правового метода¹.

При анализе стратификации общества следует обратить внимание на конституирование той или иной формы социальной структуры. Прежде всего, необходимо проанализировать два обстоятельства: 1) официальное признание факта наличия или отсутствия сословного деления или факта правового равенства или неравенства жителей страны; 2) реальное закрепление в законодательных или подзаконных актах правового статуса людей.

Необходимость рассмотрения официальной позиции государства по вопросу о правовом статусе его жителей ясна и не требует доказательств. Такая позиция может быть изложена в конституции, ином основном законе, правовом акте или правовом обычае.

Вместе с тем ограничиваться «чтением конституции» исследователь не имеет права. Слишком часто по идеологическим, политическим, психологическим или другим мотивам официально провозглашен-

ная конституционная норма оказывается декларацией, противоречит реально применяемым правовым нормам и не отражает сути явления. Подтверждение этому можно найти как в зарубежной, так и в отечественной истории государства и права.

По вопросу о стратификации российского общества в XVII–XIX вв. в научной историографии сформулированы различные точки зрения. Автор уже имел возможность сделать краткие историографические экскурсы и дать свою оценку различным концепциям². Длительное время в отечественной исторической и правовой литературе господствовала концепция об отсутствии сословной системы в России в XVII — начале XVIII вв.

По Г. Ф. Шершеневичу, сословия «в полном значении этого слова» образуются в период правления Екатерины II.

Объясняя факт образования сословий в XVIII в., многие ученые пишут о заимствовании Россией сословных порядков в Западной Европе³. Исследователь из США М. И. Раев выразил эту мысль в следующей элегантной формуле: Петр I и его преемники должны были создать «матрицы» для будущего общества, аналогичные уже имевшимся на Западе⁴.

Таким образом, в научной литературе до 1917 г. доминировало мнение об отсутствии в России сословий и сословной системы в XVII в., о появлении сословий либо в начале XVIII в. (время правления Петра I), либо в конце XVIII в. (время правления Екатерины II). Для обозначения различных

социальных групп в XVII в. отечественные ученые использовали термины «чин», «ряд», «класс».

В исторической и историко-правовой литературе советского периода при рассмотрении социальной структуры акцент делался не на правовые, а на экономические характеристики положения различных категорий.

Наиболее распространенным термином для обозначения компонентов социальной структуры был «класс», хотя использовались и другие термины. Например, Л. В. Черепнин, предпочитая оперировать термином «класс», тем не менее говорит о «сословных группировках», «сословных интересах». Он также указывает на «формирование сословного строя», в процессе которого складывается система «чинов»⁵. Вместе с тем он не дает определения понятия «сословие» и не раскрывает его соотношение с понятием «класс».

Принято было выделять основные и неосновные классы. Основными классами считались те, которые «порождаются господствующим способом производства, связаны с ним». В качестве примеров называли феодалов и крестьян в феодальном обществе. Некоторые категории населения, в частности интеллигенция, были отнесены не к классам, а к прослойкам, так как интеллигенция «не занимает своего особого положения в системе общественного производства, выходит из различных классов и примыкает к различным классам»⁶. При этом первой интеллигенцией А. В. Луначарский называет духовенство⁷.

¹ Малиновский А. А. Критико-правовой метод как способ юридического познания // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2015. — Т. 13. — С. 2211–2215. URL: <http://e-koncept.ru/2015/85443.htm>. (дата обращения: 25.05.2018)

² Смирнов С. Н. К вопросу о правовом оформлении структуры российского общества в период сословно-представительной монархии // Вестн. ТвГУ. Сер. «Право». 2008. № 16 (76). С. 63–71; Смирнов С. Н. Феномен правового регулирования статуса человека российским законодательством XVII века: некоторые терминологические замечания // Вестн. ТвГУ. Сер. «Право». 2012. № 11. С. 87–95.

³ См.: Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. С. 241.

⁴ См.: Раев М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе в XVII — XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. С. 67.

⁵ Черепнин Л. В. Сословно-представительная монархия и генезис абсолютизма в России. // Черепнин Л. В. Вопросы методологии. М., 1981. С. 221.

⁶ См.: Зотов В. Д. Исторический материализм: О проблемах единства и многообразия общественного развития Западной и Восточной Европы. М.: Прогресс, 1985. С. 118.

⁷ Цит. по: О'Коннор Т. Э. Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1992. С. 52.

Поскольку классовое деление общества объявлялось главным, сословные различия отодвигались исследователями на второй план. По выражению В. Д. Зотова, классовые различия «дополнялись и усиливались» сословными различиями⁸.

Неоднозначно с точки зрения характеристики социальной структуры России рассматриваемого периода как сословной решается вопрос в современной отечественной исторической научной литературе. Например, в фундаментальном труде Б. Н. Миронова обосновывается положение о том, что сословия в России существовали с X–XIV вв. до 1917 г.⁹

В отличие от «гражданской» истории, в современной российской историко-правовой науке понятие «сословный строй» достаточно широко используется применительно к периоду XV–XVII вв. Данное концептуальное положение является настолько распространенным, что получило отражение в научно-популярной и учебной литературе¹⁰.

Рассмотрение вопроса о характеристике государственной политики по конституированию социальной структуры начнем с кратких терминологических замечаний.

В историографии имеется несколько работ, посвященных лексической истории самого термина «сословие». В качестве примера можно назвать работу американского исследователя Г. Фриз отмечает, что вплоть до последней трети XVIII в. данное слово обозначало «некую общность людей без какого-либо указания на наличие формальной

организации». В указанное время оно приобрело ещё одно значение — «организованное общество», «община». В первые годы XIX в. термин «сословие» стал использоваться для обозначения правительственных органов и корпоративных групп, наделенных юридическими правами. Автор приводит примеры обозначения этим термином не только социальных страт, но и государственных учреждений¹¹.

Между прочим, столь сложная лексическая история термина «сословие» показывает, по мнению автора, «аморфное и неуверенное развитие правовой терминологии», что в свою очередь свидетельствует о бессистемности государственной социальной политики России¹². К слову говоря, данное положение, видимо, можно считать противоречащим мысли О. Шпенглера о том, что сословия Петровской эпохи были чистым подражанием и порождались административной практикой¹³.

Таким образом, многозначность или даже «размытость правовой терминологии» не является препятствием ни для существования явлений реальной действительности, ни для регулирования их со стороны законодателя.

Рассматривая развитие общества того времени как социальной системы, следует определить проходившие социальные процессы как сочетание инерционных и направленных. В социологической литературе отмечается, что динамика инерционных социальных процессов определяется свойствами (параметрами), присущими самому

процессу, а динамика направленных процессов — активным вмешательством одного из участников¹⁴. Р. Т. Мухаев говорит о управляющем воздействии государства на социальные группы¹⁵.

Рассмотрим соотношение процессов на примере боярства России. Категория бояр была достаточно многочисленной. Традиционное значение термина «боярин» — «крупный землевладелец, принадлежавший к высшему слою» или, по выражению М. Ф. Владимирского-Буданова, — «свободный землевладелец»¹⁶. Со времен правления великого князя Василия Ивановича (1505–1533 гг.) ведутся списки членов Боярской думы. Следует отметить, что в XVI в. в социальной структуре выделялись группы бывших удельных и служилых князей. О каких-либо преимуществах бояр с княжеским титулом с воцарением династии Романовых говорить сложно. Тем не менее, титулованное боярство продолжало существовать.

Таким образом, налицо планомерные действия законодателя по реформированию категории бояр, исключению из нее значительной части «старомосковского» боярства и включению представителей элиты других русских земель, а также по «выравниванию» статуса бояр независимо от территориальной принадлежности. При этом вряд ли стоит преувеличивать роль иностранных образцов в данном процессе.

Корректировка правового положения различных категорий населения России происходила в течение XVII–начала XX вв. Вплоть до середины XVII в. правовое регулирование положения сословий и других социальных групп проходило преимущественно в формате обычного права. Лишь с середины указанного столетия законодатель стал использовать прежде всего формат нормативно-правовых актов.

С точки зрения полноты научного анализа рассматриваемой проблемы полагаем целесообразным высказать нашу точку зрения по вопросу о формировании сословий в XVIII в.

События, с которыми можно связать возникновение сословий в начале XVIII в., следующие: принятие Указа о единонаследии (1714 г.); введение Табели о рангах (1722 г.); проведение ревизии и установление подушной подати (1724 г.). Все эти события означали, по нашему мнению, осуществление реорганизации социальной структуры, упорядочение сословной системы, но не создание сословий.

Указ о единонаследии затронул правомочия по распоряжению недвижимостью не только вотчинников и помещиков, но и представителей других категорий населения. Табель о рангах урегулировала и, в известном смысле, упорядочила процедуру вхождения в шляхетское сословие, но — применительно к представителям иных сословий. Этот факт лишний раз подтверждает, что шляхетское сословие России в начале XVIII в. оставалось незамкнутым, так же, как и служилые сословия в XVII в. Наконец, подушная подать не внесла принципиальных новшеств в правовое положение горожан и крестьян: эти социальные группы являлись податными и в XVII в. Более того, в ходе преобразований Петра I, благодаря в т.ч. и рассмотренным выше мерам, значительная часть населения изменила свой правовой статус. Например, к концу 20-х гг. XVIII в. число представителей иных сословий, дослужившихся до дворянства, составляло треть всего шляхетского (дворянского) сословия¹⁷. Целый ряд социальных функций (например, государственная служба) и правомочий (например, приобре-

⁸ См.: Зотов В. Д. Исторический материализм: О проблемах единства и многообразия общественного развития Запада и Востока. М.: Прогресс, 1985. С. 118.

⁹ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): В 2 т. — 3-е изд., испр., доп. — СПб.: «Дмитрий Буланин». — XL, 548 + 583 с., 87 + 55 ил. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.imperskiy-fund.com/files/-1.pdf> (дата обращения 01.06.2018).

¹⁰ Например: Исаев И. А. История государства и права России. Учебник для юридических вузов. Изд. 3-е перераб. и доп. М.: Юристъ, 1996; Исаев И. А. История государства и права России: учеб. пособие. М.: ТК Велби, Изво Проспект, 2006; История государства и права России: Учебник / В. М. Клеандрова, Р. С. Мулукаев и др.; под ред. Ю. П. Титова. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006.

¹¹ Фриз Г. Л. Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. С. 131 и след.

¹² Там же. С. 136.

¹³ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. С. 348. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Speng_2/12.php (дата обращения 25.05.2018)

¹⁴ См.: Рой О. М. Исследование социально-экономических и политических процессов: Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2004. С. 25.

¹⁵ Мухаев Р. Т. История государственного управления в России: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Государственное и муниципальное управление» / Р. Т. Мухаев. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. С. 134.

¹⁶ Ожегов С. И., Шведова М. Ю. Толковый словарь русского языка. С. 57; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. С. 180.

¹⁷ См.: Исаев И. А. История государства и права России. Учебник для юридических вузов. Изд. 3-е перераб. и доп. М.: Юристъ, 1996. С. 124.

тение крепостных крестьян) оставался доступным лицам различных сословий.

В целом, мы не находим в реформах эпохи Петра I тех мер, которые можно было бы определить как создание сословий, что называется «с нуля»¹⁸. Примерно такую же оценку мы можем дать и российскому законодательству второй половины XVIII в. Таким образом, все указанные меры государства можно определить не как создание сословной системы, а как ее реорганизацию.

Обратимся к социально-правовой истории других стран. Рассмотрим пример Древнего Вавилона XVIII в. до н.э. Прежде всего необходимо использовать текст законов царя Хаммурапи. Анализируя правовое оформление социальной структуры Древнего Вавилона XVIII в. до н.э., мы можем сделать вывод о существовании сословного деления. Термин «сословие» использует исследователь И. М. Волков: «возглавляемое монархом, вавилонское общество делится на три сословия, резко обособленных одно от другого в отношении их прав и обязанностей»¹⁹. Правда, в дальнейшем он, характеризуя данные сословия, переходит на иную терминологию и говорит о классе свободных (*awilum*), об общественном классе вольноотпущенников (*muskenum*) и о низшем общественном слое рабов (*wardum*)²⁰. Жречество И. М. Волков называет корпорацией. Таким образом, допуская существование сословий в Древнем Вавилоне автор по сути считает понятие «сословие» равнозначным понятию «общественный класс». При этом он отмечает одну общую базовую характеристику правового статуса всех жителей Вавилонии: они в отношениях с царем — «не более как рабы»²¹.

Разделяя мнение И. М. Волкова о правомерности использования термина «сословие» применительно к Древнему Вавилону мы категорически не согласны с предлагаемой им схемой социальной стратификации.

По нашему мнению, сословная система находится внутри категории свободных людей — *авилумов*. Законы царя Хаммурапи не содержат перечня сословий. Лишь из анализа комплекса правовых норм, регулирующих различные виды общественных отношений применительно к разным категориям населения можно сделать вывод о существовании сословий аристократии, жречества, профессиональных военнослужащих и др. Очевидно, что подробнее права и обязанности сословий Вавилонии были урегулированы нормами обычного права.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы о способах конституирования сословий в Древнем Вавилоне:

- 1) Правовое регулирование осуществляется прежде всего нормами обычного права, а не положениями нормативно-правового акта.
- 2) Отсутствуют правовые нормы декларативного характера и развитая правовая терминология.

Аналогичная ситуация с регулированием правового статуса социальных групп сложилась в Древнем Риме в первые века его существования. Первоначально единственным, а затем главным форматом правового регулирования было обычное право. Лишь начиная с Законов XII таблиц нормативно-правовой акт стал играть существенную роль.

При рассмотрении ситуации средневековой Англии и средневековой Франции мы наблюдаем ту же картину отсутствия соответствующей терминологии в первый период Средневековья и доминирования обычного права. В дальнейшем основную роль в оформлении сословной структуры играет нормативно-правовой акт.

Корректировка сословного статуса в европейских странах продолжалась в период Нового времени. Примеры достаточно извест-

ны: «военный ордонанс» 1781 г. во Франции, нормативные акты первой половины XVIII в. о статусе дворянства в Швеции и т.д.²²

Исходя из проведенного рассмотрения практики России и некоторых зарубежных стран по формированию сословного статуса

и сословной системы следует сделать вывод как о реальном существовании в России сословной структуры в период XVII–XIX вв., так и о принципиальном соответствии деятельности российского законодателя практикам оформления сословной системы ряда зарубежных стран.

Библиографический список

1. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. 640 с.
2. Волков И. М. Законы Вавилонского царя Хаммурапи. Под общей редакцией проф. Б. А. Тураева. М.: 1914.
3. Зотов В. Д. Исторический материализм: О проблемах единства и многообразия общественного развития Запада и Востока. М.: Прогресс, 1985. 350 с.
4. Исаев И. А. История государства и права России. Учебник для юридических вузов. Изд. 3-е перераб. и доп. М.: Юристъ, 1996. 544 с.
5. Исаев И. А. История государства и права России: учеб. пособие. М.: ТК Велби, Из-во Проспект, 2006. 336 с.
6. История государства и права России: Учебник / В. М. Клеандрова, Р. С. Мулукаев и др.; под ред. Ю. П. Титова. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. 544 с.
7. Ключевский В. О. Русская история: Русская история: Полный курс лекций: В 3 кн. М., 1995. Кн. 2.
8. Малиновский А. А. Критико-правовой метод как способ юридического познания // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2015. — Т. 13. — С. 2211–2215. URL: <http://e-koncept.ru/2015/85443.htm>.
9. Матьез А. Французская революция. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995 г. 576 с.
10. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): В 2 т. — 3-е изд., испр., доп. — СПб.: «Дмитрий Буланин». — XL, 548 + 583 с., 87 + 55 ил. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.imperskiy-fund.com/files/-1.pdf>.
11. Мухаев Р. Т. История государственного управления в России: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Государственное и муниципальное управление / Р. Т. Мухаев. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. 607 с.
12. О'Коннор Т. Э. Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1992.
13. Ожегов С. И., Шведова М. Ю. Толковый словарь русского языка.
14. Раев М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе в XVII — XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. 332 с.
15. Рой О. М. Исследование социально-экономических и политических процессов: Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2004. 364 с.
16. Смирнов С. Н. К вопросу о правовом оформлении структуры российского общества в период сословно-представительной монархии // Вестн. ТвГУ. Сер. «Право». 2008. № 16 (76).

²² Матьез А. Французская революция. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995 г. С. 40 и след.

¹⁸ Отметим также, что В. О. Ключевский, перечисляя явления и институты, заимствованные Петром I у «старой Руси», называет сословия. См.: Ключевский В. О. Русская история: Русская история: Полный курс лекций: В 3 кн. М., 1995. Кн. 2.. С. 63.

¹⁹ Волков И. М. Законы Вавилонского царя Хаммурапи. Под общей редакцией проф. Б. А. Тураева. М.: 1914. С. 58.

²⁰ Там же. С. 58.

²¹ Там же. С. 58.

17. Смирнов С. Н. Феномен правового регулирования статуса человека российским законодательством XVII века: некоторые терминологические замечания // Вестн. ТвГУ. Сер. «Право». 2012. № 11.
18. Фриз Г. Л. Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. 332 с.
19. Черепнин Л. В. Сословно-представительная монархия и генезис абсолютизма в России. // Черепнин Л. В. Вопросы методологии. М., 1981.
20. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы С. 348. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Speng_2/12.php.

Шандра Марина Юрьевна

Ассистент кафедры лесоводства Института Лесного Хозяйства Приморской сельскохозяйственной академии

E-mail: 18.11.2000@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РОЗНИЧНОЙ КУПЛИ-ПРОДАЖИ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ

Аннотация.

Предмет исследования: условия розничного договора купли-продажи лекарственных средств и обязательства, возникающие на основе его заключения.

Целью настоящей статьи является определение основных характеристик договора розничной купли-продажи лекарственных средств и исследование его содержания.

Методологию исследования составили сравнительный, формально-юридический, аналитический, системный методы.

В работе автором исследовано понятие договора и предложено определение договора розничной купли-продажи лекарственных средств, рассмотрены существенные условия данного договора. В процессе рассмотрения обязанностей продавцов и покупателей лекарственных средств выделяются основные характеристики договора розничной купли-продажи лекарственных средств.

Выводы исследования могут быть использованы в дальнейшем в исследованиях по гражданскому праву, а также в улучшение фармацевтического законодательства.

Ключевые слова: договор, покупатель, продавец, существенные условия договора, лекарственные средства, рецепт.

Shandra Marina Yu.

Assistant of Department of forestry of the Institute of Forest Management, Primorsky State Agricultural Academy

E-mail: 18.11.2000@mail.ru

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF RETAIL SALE OF MEDICINES

Abstract.

The subject of the study: the terms of the retail purchase and sale of medicines, and the obligations arising from its conclusion.

The purpose of this article is to determine the main characteristics of the contract of retail purchase and sale of medicines and to study its content.

The methodology of the research was comparative, formal-legal, analytical, system methods.

In the work the author studied the concept of the contract and proposed the definition of the contract of retail purchase and sale of medicines, the essential conditions of this contract were considered. In the process of considering the obligations of sellers and buyers of medicines, the main characteristics of the contract of retail purchase and sale of medicines are highlighted.

The findings of the study can be used in the future, in studies on civil law, as well as in improving pharmaceutical legislation.

Key words: contract, buyer, seller, essential terms of the contract, medicines, recipe.

Как известно гражданское правоотношение возникает, изменяется или прекращается на основании юридических фактов, установленных в Гражданском кодексе РФ. **Основным юридическим фактом возникновения правоотношений на потребительском рынке лекарственных средств является договор розничной купли-продажи.**

В юридической литературе термин «договор» рассматривается в нескольких значениях: как юридический факт, лежащий в основе обязательства, как само договорное обязательство и как документ (форма соглашения).

В соответствии со статьей 420 ГК РФ договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. О. С. Иоффе отмечал, что понятие договора не следует смешивать с понятием обязательства, которое может возникать не только из договоров, но и из актов, односторонних сделок, неправомερных действий и т.д., т.е. носить как договорной, так и недоговорной характер¹.

Особенность договора как юридического факта заключается в том, что он порождает определенные гражданско-правовые последствия, определяя при этом права и обязанности участников правоотношения. Таким образом, содержание договора влияет на содержание обязательства.

Но при этом следует согласиться с В. Ф. Попондопуло, что содержание договора как юридического факта и содержание договорного правоотношения различны: в первом случае это совокупность достигнутых сторонами договора условий, во втором — совокупность взаимных прав и обязанностей,

основанных на достигнутых сторонами договора условиях².

Таким образом, под договором как юридическим фактом возникновения правоотношений понимается совокупность условий, при которых договор считается заключенным. В свою очередь, заключенный договор порождает правоотношение, содержанием которого уже являются права и обязанности сторон. Содержание правоотношений, порождаемых договором, зависит от особенностей конкретных договоров³.

Исходя из сказанного, интересным представляется рассмотреть существенные условия договора розничной купли-продажи лекарственных средств как юридического факта и содержание правоотношения (права и обязанности), возникающего на основании заключенного договора купли-продажи лекарственных средств.

В свою очередь, под договором розничной купли-продажи лекарственных средств, предлагается понимать соглашение (достижение определенных условий) продавца и покупателя по приобретению лекарственного средства для личного, семейного употребления, т.е. для целей не связанных с предпринимательской деятельностью.

В теории гражданского права условия договора как юридического факта в зависимости от юридической значимости подразделяются на существенные, обычные и случайные. Законодательно определяются только существенные условия — условия, которые необходимы и достаточны для заключения договора. Круг существенных условий зависит от специфики договора. Обычные условия отличаются от существенных тем, что их наличие или отсутствие никакого влияния на факт заключения договора не оказывают. Эти условия сформированы в законе

или иных нормативных актах⁴. Случайные условия также не влияют на заключение договора. При этом не все разделяют мнение о необходимости выделять случайные условия, так как они полностью совпадают с теми существенными условиями, которые по заявлению одной из сторон должны быть согласованы. Это в свою очередь говорит об отсутствии целесообразности выделения их в отдельный вид договорных условий⁵.

Кроме того, следует заметить, что после заключения договора все его условия должны исполняться. И как отмечает В. В. Витрянский, нарушение любого из условий договора влечет применение ответственности⁶.

Существенным условием договора розничной купли-продажи лекарственных препаратов является его предмет — лекарственный препарат, а именно конкретное лекарство, необходимое покупателю в указанном количестве.

Свобода договора позволяет сторонам самостоятельно определять предмет договора, его количество и наименование в зависимости от собственных желаний и потребностей. Однако специфичность лекарственных средств как товара не всегда позволяет сторонам самостоятельно определять их наименование и количество.

Как отмечает И. В. Елисеев, обязанность продавца передать покупателю определенное количество товара не специфична для розничной купли-продажи, а потому особо законом не регулируется⁷. Исключением является рецептурный лекарственный препарат, поскольку в соответствии с фармацевтическим законодательством он отпускается по выписанному рецепту, в количестве необходимом для выполнения врачебного назначения. Нарушение данного требования, а именно продажа продавцом в количестве больше чем указано в рецепте, влечет

для него административную ответственность.

Таким образом, наименование и количество предмета сделки розничной купли-продажи лекарственных препаратов определяется сторонами с учетом, императивно установленных норм и назначений врача.

Вторым существенным условием договора розничной купли-продажи является цена. Статья 500 ГК РФ предусматривает, что покупатель обязан оплатить товар по цене, объявленной продавцом в момент заключения договора розничной купли-продажи. Договор розничной купли-продажи является публичным договором. Поэтому цена товара является одинаковой для всех потребителей. По общему правилу продавец устанавливает цену договора розничной купли-продажи на свое усмотрение. В этом правиле есть исключение. Так, в предусмотренных законом случаях применяются цены (тарифы, расценки, ставки и т.п.), устанавливаемые или регулируемые уполномоченными на то государственными органами и (или) органами местного самоуправления. Лекарственные средства являются тем товаром, на которые государством осуществляется государственное регулирование цен посредством утверждения перечня жизненно необходимых лекарственных препаратов (далее перечень ЖНЛП), обязательной регистрации установленных производителей лекарственных средств предельных отпускных цен, а также установления и контроля оптовых и розничных надбавок. При этом размеры надбавок к фактическим отпускным ценам производителей устанавливаются органами исполнительной власти субъектов РФ.

Урегулировав существенные условия договора розничной купли-продажи, стороны тем самым берут на себя обязательства по выполнению определенных обязанностей, возникающих из заключенного договора.

¹ Иоффе О. С. Обязательственное право. М.: Юрид. лит., 1975. С. 26.

² Попондопуло В. Ф. Общие проблемы частного права // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право. 2009. № 1. С. 5–20.

³ Иоффе О. С. Обязательственное право. 1975. С. 27.

⁴ Иоффе О. С. Обязательственное право. 1975. С. 29.

⁵ См. Серкова Ю. А. Классификация условий договора применительно к существенным условиям договора строительного подряда // Ученые записки казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Том. 150. 2008. № 5. С. 144–152.

⁶ Витрянский В. В. Существенные условия договора // Хозяйство и право. 1998. № 7. С. 3–12.

⁷ Гражданское право: учеб.: в 3 т. / отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. М.: Проспект, 2008. Т. 2. С. 53.

Таким образом, права и обязанности сторон представляют собой содержание договора правоотношения.

Как известно, к обязательствам, возникающим из договора, применяются общие положения об обязательствах, если иное не предусмотрено правилами об отдельных видах договоров, а при отсутствии таких специальных правил — общими положениями о договоре⁸.

Основной обязанностью продавца по договору розничной купли-продажи является передача покупателю товара в определенном месте, которое может быть определено как в договоре, так и в законе. Место же реализации лекарственных средств определяется только в ФЗ «Об обращении лекарственных средств»⁹. Розничная реализация лекарственных средств осуществляется в аптечных организациях, у индивидуальных предпринимателей, имеющих лицензию на фармацевтическую деятельность, в медицинских организациях, имеющих лицензию на фармацевтическую деятельность, и их обособленных подразделениях.

Если иное не предусмотрено договором купли-продажи, вместе с передачей товара продавец обязан одновременно передать покупателю относящиеся к нему документы, предусмотренные законом, иными правовыми актами или договором. В соответствии с законом «О защите прав потребителей»¹⁰ информация о товаре может доводиться до сведения потребителей несколькими способами: в технической документации, прилагаемой к товарам (работам, услугам), на этикетках, маркировкой или иным способом, принятым для отдельных видов товаров. В тех случаях, когда информация доводится до сведения в технической документации, прилагаемой к товару, эта

документация является документом, обязательным для передачи покупателю. Для лекарственных средств таким документом является инструкция по применению. С одной стороны, в ФЗ «Об обращении лекарственных средств» нет конкретной нормы, в соответствии с которой лекарственные средства должны поступать в гражданский оборот только с инструкцией по применению, за исключением обязанности продавца предоставить покупателю инструкцию, листок-вкладыш при нарушении вторичной заводской упаковки. С другой стороны, анализ норм ФЗ «Об обращении лекарственных средств» позволяет сделать вывод, что лекарственные препараты должны реализовываться на потребительском рынке с инструкцией по применению.

Поскольку такая инструкция содержит важную информацию о лекарственном препарате, необходимую для потребителя, представляется правильным внести в ФЗ «Об обращении лекарственных средств» требование об обязательном наличии инструкции по применению в процессе реализации лекарственного средства.

В соответствии с Гражданским кодексом РФ, если по договору купли-продажи передаче подлежат товары в определенном ассортименте, продавец обязан передать покупателю товары в ассортименте, согласованном сторонами. Как отмечает И. В. Елисеев, в сфере розничной торговли условие об ассортименте обычно характеризует не сам товар, а скорее, предмет деятельности торгового предприятия. Ранее в розничной торговле обычно предусматривались обязательные требования к минимальному ассортименту товаров, предлагаемых к продаже¹¹. Ассортимент предлагаемых к продаже товаров определяется продавцом самостоятельно в соответствии с профилем и специа-

лизацией своей деятельности¹². Однако в ФЗ «Об обращении лекарственных средств» закреплена обязанность розничных продавцов обеспечивать, утвержденный Правительством Российской Федерации и формируемый в установленном им порядке, минимальный ассортимент лекарственных препаратов, необходимых для оказания медицинской помощи. Тем самым закреплена обязанность продавца заключать договор розничной купли-продажи лекарственного препарата из минимального ассортимента с каждым, кто к нему обратится. В противном случае для продавца наступает административная ответственность.

По договору розничной купли-продажи продавец обязан передать товар установленного качества. Подтверждением качества лекарственных средств на потребительском рынке является декларация о соответствии. Однако это не гарантирует, что потребитель получит качественный препарат, так как на сохранность полезных свойств оказывает влияние множество факторов, основным из которых является обязанность соблюдать правила хранения лекарственных средств, а также соблюдать требования по санитарному режиму аптечных организаций.

Таким образом, продавец лекарственных средств обязан передать покупателю товар, согласованный сторонами, в месте, определенном законодателем (в аптечной организации, у индивидуального предпринимателя, имеющего лицензию на фармацевтическую деятельность, в медицинской организации, имеющей лицензию на фармацевтическую деятельность, и ее обособленных подразделениях, расположенных в сельских населенных пунктах, в которых

отсутствуют аптечные организации); предоставить инструкцию, листок-вкладыш при нарушении вторичной заводской упаковки; передать товар установленного качества; предоставить, помимо установленной информации о лекарственном средстве как товаре, еще информацию о зарегистрированной предельной отпускной цене и установленной надбавке на определенную группу лекарств.

Основная обязанность покупателя лекарственных средств — оплатить приобретенный товар. Особенность лекарственных препаратов как товара накладывает определенные ограничения и на оплату товара. Поскольку по общему правилу розничный договор купли-продажи считается заключенным с момента оплаты, то в соответствии с нормативно-правовыми актами, запрещающими дистанционную продажу лекарств, оплата их должна быть произведена в месте отпуска препарата.

Одной из обязанностей покупателя лекарственных препаратов, не специфичной для договора розничной купли-продажи иных товаров, является обязанность — предъявить перед заключением договора рецепт на лекарственное средство, которое без него не отпускается.

У покупателя есть право на получение информации о товаре перед заключением договора розничной купли-продажи. Предоставленное покупателю право на информацию о товаре является одним из дополнительных средств его правовой защиты¹³, а информация, предоставляемая покупателю, является одним из критериев выбора потребителя¹⁴.

⁸ Ст. 307.1 ГК РФ.

⁹ Федеральный закон от 12.04.2010 г. № 61-ФЗ (ред. от 15.06.2018) «Об обращении лекарственных средств» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 16, ст. 1815.

¹⁰ Закон РФ от 07.02.1992 г. № 2300-1 (ред. от 29.04.2018) «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3, ст. 140.

¹¹ Гражданское право: учеб.: в 3 т. 2008. Т. 2. С. 53.

¹² Постановление Правительства РФ от 19.01.1998 г. № 55 (ред. от 09.06.2018) «Об утверждении Правил продажи отдельных видов товаров, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование покупателя о безвозмездном предоставлении ему на период ремонта или замены аналогичного товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих возврату или обмену на аналогичный товар других размера, формы, габарита, фасона, расцветки или комплектации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 4, ст. 482. (далее - Постановление Правительства РФ от 19.01.1998 № 55).

¹³ Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй: в 3 т. / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2011. Т. 1. 533 с. // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Кирилловых А. А. Защита прав потребителей: вопросы правового регулирования. М.: Деловой двор, 2012. 304 с. // СПС «КонсультантПлюс».

Нормы Гражданского кодекса РФ о предоставляемой информации о товаре носят отсылочный характер. Перечень необходимой информации, предоставленной покупателю, устанавливается Законом РФ «О защите прав потребителей», Постановлением Правительства РФ от 19.01.1998 № 55, а также ФЗ «Об обращении лекарственных средств», где содержится информация, которая должна быть нанесена на упаковку лекарственного средства.

Специфичность лекарственного средства лишает покупателя права на обмен непродуктового товара надлежащего качества на аналогичный товар.

Таким образом, договор розничной купли-продажи лекарственных средств определяет содержание правоотношений, возникающих в процессе реализации лекарственных средств на потребительском рынке РФ. Сам договор имеет определенные особенности, которые обусловлены, главным образом, предметом договора — лекарственными препаратами.

Данный договор является публичным. Однако заключение розничного договора купли-продажи рецептурного препарата возможно только с тем покупателем, который предъявит соответствующий рецепт, оформленный надлежащим образом. Таким образом, имеется то исключение, которое предусмотрено законом и допустимо в силу ст. 426 ГК РФ.

Договор купли-продажи лекарственных средств является возмездным, но с осо-

бенностями определения цены, для лекарственных средств включенных в перечень ЖНЛП. Особенность оплаты по договору розничной купли-продажи лекарственных средств заключается в том, что она должна быть осуществлена только в месте реализации препарата.

Договор розничной купли-продажи является договором присоединения, так как его условия (предмет и цена) определены продавцом, а покупателю для его заключения достаточно присоединиться к этим условиям. Однако особенность договора розничной купли-продажи лекарственных средств заключается в том, что его условия, в том числе права и обязанности сторон, императивно определены множеством нормативно-правовых актов. Продавец лекарственных средств, в отличие от продавцов иных продовольственных товаров, не может самостоятельно определить наименование реализуемого товара и его количество, необходимое для реализации. Возможное количество, перечень отпускаемых конкретных рецептурных лекарственных препаратов одному пациенту определяется выписанным рецептом.

При этом, несмотря на вышеназванные особенности и проблемы в регулировании заключения договора розничной купли-продажи лекарственных средств, нет оснований для выделения данного договора как самостоятельного вида договора купли-продажи и включение его в Гражданский кодекс РФ.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Российская газета. — 1994. — 08 декабря. (с послед. изм. и доп.)
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер. закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Российская газета. — 1996. — 6 февраля. (с послед. изм. и доп.)
3. Закон РФ от 07.02.1992 г. № 2300-1 (ред. от 29.04.2018) «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3, ст. 140.
4. Федеральный закон от 12.04.2010 г. № 61-ФЗ (ред. от 15.06.2018) «Об обращении лекарственных средств» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 16, ст. 1815.
5. Постановление Правительства РФ от 19.01.1998 г. № 55 (ред. от 09.06.2018) «Об утверждении Правил продажи отдельных видов товаров, перечня товаров длительного поль-

зования, на которые не распространяется требование покупателя о безвозмездном предоставлении ему на период ремонта или замены аналогичного товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих возврату или обмену на аналогичный товар других размера, формы, габарита, фасона, расцветки или комплектации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 4, ст. 482.

6. Витрянский В. В. Существенные условия договора // Хозяйство и право. 1998. № 7. С. 3–12.
7. Гражданское право: учеб.: в 3 т. / Е. Ю. Валявина, И. В. Елисеев [и др.]; отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстого. — М.: Проспект, 2008. — Т. 2. — 848 с.
8. Иоффе О. С. Обязательственное право / О. С. Иоффе. — М.: Юрид. лит., 1975. — 880 с.
9. Кирилловых А. А. Защита прав потребителей: вопросы правового регулирования. М.: Деловой двор, 2012. 304 с. // СПС «КонсультантПлюс».
10. Попондопуло В. Ф. Общие проблемы частного права // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право. 2009. № 1. С. 5–20.
11. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй: в 3 т. / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2011. Т. 1. 533 с. // СПС «КонсультантПлюс».
12. Серкова Ю. А. Классификация условий договора применительно к существенным условиям договора строительного подряда // Ученые записки казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Том. 150. 2008. № 5. С. 144–152.

Казачкова Земфира Мухарбиевна

Профессор кафедры административного и финансового права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор

E-mail: zem7900@yandex.ru

Казачков Владимир Александрович

Доцент кафедры экономики и финансов Одинцовского филиала Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России, кандидат экономических наук

E-mail: kazachkov.stav@yandex.ru

МОНИТОРИНГ РЕГИОНАЛЬНЫХ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ ПРОГРАММ В СВЕТЕ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. В статье анализируются различные региональные антикоррупционные программы, их опорные элементы, позволяющие актуализировать проведение мониторинга антикоррупционных программ для выявления плюсов и минусов предпринимаемых мероприятий, своевременной корректировки управленческих решений; роль гражданского общества и некоммерческих организаций в реализации данных программ.

Предметом исследования в данной статье являются региональные антикоррупционные программы в контексте мониторинговых мероприятий. Методология исследования включает в себя многообразный спектр методов формальной и диалектической логики; статистический и социологический методы; сравнительно-правовой метод.

Результаты исследования заключаются в моделировании алгоритма составления региональных антикоррупционных программ.

Область применения полученных результатов: полученные результаты позволяют экстраполировать существенные структурные элементы антикоррупционной программы региона с учетом его нужд.

Новизна состоит в использовании данных социологических исследований, оригинальных источников, ранее не вводившихся в научный оборот.

Выводы: На наш взгляд, совершенствование измерителей и индикаторов коррупции должно происходить на платформе укрепления потенциала следственных, прокурорских и судебных органов; усиления межведомственной координации.

Ключевые слова: антикоррупционный мониторинг, антикоррупционная политика, региональная программа, инструментальный подход, регион-донор, регион-реципиент, гражданское общество, некоммерческие организации.

Kazachkova Zemfira M.

Professor of the Department of Administrative and Financial Law, Doctor of Law, Candidate of Economic Sciences The All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

E-mail: zem7900@yandex.ru

Kazachkov Vladimir A.

Associate Professor of the Department of National and Regional Economy, Candidate of Economic Sciences. Odintsovo Branch of MGIMO University,

E-mail: zem7900@yandex.ru

MONITORING OF REGIONAL ANTICORRUPTION PROGRAMS IN THE LIGHT OF NATIONAL ANTICORRUPTION POLICY

Abstract.

The article analyzes various regional anti-corruption programs, their supporting elements, allowing to update the monitoring of anti-corruption programs to identify the pros and cons of actions taken, timely correction of management decisions; the role of civil society and non-profit organizations in the implementation of these programs.

The subject of the research in this article are regional anti-corruption programs in the context of monitoring activities. The research methodology includes a diverse spectrum of methods of formal and dialectical logic; statistical and sociological methods; comparative legal method.

The results of the study consist in modeling the algorithm for compiling regional anti-corruption programs.

Scope of the results: the results allow extrapolating the essential structural elements of the region's anti-corruption program, taking into account its needs.

The novelty consists in using data from sociological studies, original sources that were not previously introduced into scientific circulation.

Conclusions: In our view, the improvement indicators of corruption should take place on a platform for strengthening the capacity of investigative, prosecutorial and judicial bodies; strengthening of interdepartmental coordination.

Key words: anticorruption monitoring, anticorruption policy, regional program, instrumental approach, region-donor, region-recipient, civil society, noncommercial organizations.

Известно выражение Ли Куан Ю, что «когда откаты и взятки становятся обычным делом, вся страна скатывается по пути саморазрушения»¹.

В духе Национального плана противодействия коррупции, мероприятия по противодействию коррупции в Российской Федерации должны быть направлены на совершенствование правовых основ и организационных механизмов предотвращения и выявления конфликта интересов, повышение эффективности противодействия коррупции в федеральных органах испол-

нительной власти и государственных органах субъектов Российской Федерации и др.

Первый заместитель Министра юстиции Российской Федерации Плохой О. А. отмечал, что «при работе с общественными организациями Кремль намерен уделять особое внимание регионам», что общественные организации, что «...выступающие от имени гражданского общества, должны осуществлять свою деятельность исходя из общественного интереса. Попытки же воспользоваться антикоррупционной темой в корыстных целях, а также в интересах частных лиц

¹ На пути из третьего мира в первый. Взгляды и убеждения Ли Куан Ю. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. — С. 105–106.

попросту недопустимы. С другой стороны, госструктуры должны предоставлять им достаточный объем информации»².

Международный опыт борьбы с коррупцией многообразен в плане расстановки региональных акцентов, требующих программно-целевых управленческих решений.

Региональные антикоррупционные программы — это актуальный вектор исследовательских и прикладных работ на различных уровнях.

Так, Организация экономического сотрудничества и развития выделяет антикоррупционные инициативы в различных географических сегментах, включая Азиатско-Тихоокеанский регион, Восточную и Центральную Азию, Африку, Латинскую Америку, Ближневосточный регион, дифференцированные по критерию актуальности и сходства стратегических и тактических задач. На национальном уровне в ряде стран перешли к решению задач, направленных, например, на установлении и поддержании бизнес-среды, свободной от коррупционных влияний.

На уровне регионов внутри страны нередко усилия правоохранительных органов, судов направлены на установление и поддержание режима ответственности руководителей, должностных лиц, на создание правовых ограничителей, препятствующих делегированию задач, содержащих коррупционные ловушки, с высшего на более низкий уровень управленческой системы, стремясь завуалировать незаконные действия и операции. Так, в Канаде, одном из крупнейших государств мира, акцентировано внимание на проведении антикоррупционных внешнеэкономической деятельностью. Это направление усилилось особенно после принятия в 1999 году Акта «О коррупции иностранных публичных должностных лиц», который, хотя и не содержал директивных

указаний, адресованных бизнесу, стимулировал подъем общего настроения деятельности правоохранительных органов по борьбе с коррупцией, что незамедлительно сказалось на росте принятых программ и инициатив обеспечения соблюдения правил, в том числе для бизнеса.

Немаловажную роль в проведении антикоррупционной политики играют и суды, порою усиливая на региональном уровне акценты антикоррупционной политики. Так, Уголовный кодекс Канады определяет понятие «должностного лица» как любое лицо, которое играет существенную роль в определении политики или управлении важной частью деятельности организации. Кроме того, Министерство юстиции Канады предлагает, чтобы определение должностного лица касалось функции отдельного лица, а не его конкретного наименования. Такой подход не позволяет высокопоставленным директорам и должностным лицам делегировать безнаказанность, перекладывать решение неправомерных задач на руководителей нижестоящих уровней³.

В Российской Федерации региональному вектору реализации антикоррупционной политики придается ключевое значение. В каждом субъекте Российской Федерации разработаны антикоррупционные программы. Данные программы подвергались всестороннему анализу, например, в трудах Кабанова П. А.⁴ При всем сходстве данных программ, все же, они обладают определенной спецификой, отражающей особенности социального планирования в данном регионе, динамику развития регионов. Это касается и различий в объеме и порядке действия механизма антикоррупционного мониторинга в субъектах РФ.

Антикоррупционный мониторинг — это мощный инструмент, который, позволя-

ет интерполировать и экстраполировать классические измерители коррупции, прибегнуть к использованию статистических и экономико-математических методов, к правовому эксперименту, к синтезу усилий специалистов-криминологов, социологов, специализированных антикоррупционных агентств, омбудсменов, а также математиков, программистов и специалистов по экономической и математической статистике.

Изучение особенностей регулирования и реализации антикоррупционного мониторинга в субъектах Российской Федерации нашло отражение в юридической литературе в ряде современных работ.⁵

Данный инструмент прочно обосновался в антикоррупционной политике на региональном уровне. Даже беглый взгляд на эту проблему в региональном разрезе позволяет выстроить гипотезу о том, что чем активнее используется данный инструмент, тем значительнее вклад региона в социально-экономическое развитие всей страны⁶. Так, в России активная работа в данном направлении ведется практически во всех 12 регионах-донорах⁷. Вместе с тем, есть и иной аспект проблемы, на который указывал Ю. Трутнев: «Никакие новые формы работы не смогут поменять экономическую, демографическую ситуацию на Дальнем Востоке, если мы не решим старые, десятилетиями сложившиеся проблемы. Прежде всего, это проблема коррупции».

Ценность региональных антикоррупционных программ состоит, в том числе, в том, что они позволяют сконцентрироваться на специфических проблемах региона, учесть

отраслевые аспекты антикоррупционной политики. Так, антикоррупционная программа Татарстана органично связана со стратегическими приоритетами. Вместе с тем, в Архангельской области, это проблемы лесной отрасли.

В ряде регионов антикоррупционный мониторинг рассматривается как составная часть многосторонних социологических исследований. Так, именно в данном ключе публикуются результаты антикоррупционного мониторинга в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре⁸.

Для успешного осуществления мероприятий по мониторингу необходима увязка данного инструмента со стратегическими и тактическими антикоррупционными программными документами, а также определение ключевых направлений мероприятий по мониторингу⁹. Так, в ноябре 2017 года вновь (уже третий раз за год!) были пересмотрены параметры ведомственной целевой программы «Обеспечение безопасности и противодействие коррупции в Астраханской области на 2017–2019 годы».

Как правило, антикоррупционный мониторинг включает в себя комплексное и непрерывное наблюдение состояния и уровня коррупции, обоснование оценки стратегических и текущих мероприятий, выявление нарастания и спада коррупционных угроз, прогноз коррупционных рисков, факторов, проявлений, выявление, количественная и качественная оценка конфликта интересов. Однако центральная задача мониторинга — определение достоверной оценки эффективности проведения антикоррупцион-

² Российская газета — Федеральный выпуск № 6655 // Режим доступа: <https://rg.ru/2015/04/21/korruptziya-site.html> (дата обращения: 01.09.2018).

³ Christopher J. Ramsay. The anti-bribery and anticorruption review. Edition 6. Published: January 2018 // Режим доступа: <https://thelawreviews.co.uk/edition/the-anti-bribery-and-anti-corruption-review-edition-6/1151845/canada> (дата обращения: 01.09.2018).

⁴ Антикоррупционные программы в субъектах Российской Федерации: опыт критического анализа. // Режим доступа: http://e-notabene.ru/pr/article_12103.html (дата обращения: 01.09.2018).

⁵ См., например: Кабанов П. А. Антикоррупционный мониторинг в субъектах Российской Федерации: вопросы теории и практики правового регулирования: монография. — Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2015; Павлушкин А. В. Реализация механизма антикоррупционного мониторинга в субъектах Российской Федерации // Журнал российского права. 2013. № 8; Хабриева Т. Я., Андриченко Л. В., Цирин А. М. О результатах анализа практики реализации программ противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации и предложениях по повышению их эффективности // Журнал российского права. 2012. № 11.

⁶ Кабанов П. А. Антикоррупционный мониторинг в субъектах Российской Федерации. // cgrimpravo.ru

⁷ См. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 17 декабря 2009 года № 1448 «О порядке проведения антикоррупционного мониторинга в Санкт-Петербурге» (с изменениями на 3 февраля 2016 года) // gov.spb.ru

⁸ См.: Раздел «Противодействие коррупции» официального сайта Правительства ХМАО-Югры. // Режим доступа: corruption.admhmao.ru (дата обращения: 01.09.2018).

⁹ См.: Указ Губернатора Свердловской области «О мониторинге состояния и эффективности противодействия коррупции (антикоррупционном мониторинге) в Свердловской области. // Режим доступа: minzdrav.midural.ru (дата обращения: 01.09.2018).

ной политики¹⁰. Разумеется, уровень проводимых мероприятий продиктует конечную оценку для общенациональных, региональных, локальных антикоррупционных нужд. Не исключается дальнейшая детализация оценочных работ в региональном, локальном, отраслевом и межотраслевом разрезе, на уровне корпорации или ее структурных подразделений¹¹.

Наиболее детализированные региональные программы проведения антикоррупционного мониторинга сдержат в себе не менее полутора десятка ключевых разделов. Это разделы, объединяющие организационные и законодательные мероприятия; планирование мероприятий по оценке противодействия коррупции при прохождении государственной гражданской службы; при проведении административной реформы; внедрении информационных систем; устранении административных барьеров, обоснование методики определения конфликта интересов. Это комплексное исследование результативности создания и работы многофункциональных центров, эффективности института государственных закупок. Так, во Владимирской области результаты проведения антикоррупционного мониторинга в первом полугодии 2017 года аккумулированы по 35 разделам, последний раздел посвящен проблемам в данной сфере.

Одно из основных направлений антикоррупционного мониторинга — это оценка взаимодействия государства и институтов гражданского общества; причин нарастания активности граждан и циклических спадов, пассивности инициативных групп гражданского общества, ослабления их роли в реализации антикоррупционных мероприятий. Так, в Санкт-Петербурге по мере необходимости происходит корректировка перечня показателей и информационных материалов мониторинга¹².

Мониторинг позволяет выявлять уровень активности общественных организаций, в том числе, по линии формирования антикоррупционного климата, пропаганды антикоррупционных знаний, проведения тренингов и семинаров, повышения квалификации по ключевым направлениям антикоррупционной просветительской политики. Однако магистральное направление в этом ключе — это освоение всего потенциала взаимодействия государственных и общественных структур с целью противодействия коррупции, который, по справедливому мнению О. А. Плохого, далеко не исчерпан. Здесь не допустимы пробелы в работе, ибо наличие пробелов способствует появлению мифов об уровне коррупции в стране, которые активно тиражируют СМИ. Общественное мнение формируется на основе некомпетентно поданной информации — и это серьезная проблема и в региональном и в глобальном измерении. Вместе с тем, обращает на себя внимание, что СМИ стали акцентировать внимание на позитивных результатах, достигнутых в борьбе с коррупцией. Так, отвечая на реплику одного из гостей, журналист В. Соловьев рассказал про глав Калужской, Белгородской и Смоленской областей: «Попробуйте в Смоленской губернии дать взятку Островскому — тут же в тюрьме окажетесь! Мгновенно! Просто не успеете выйти из кабинета». Участники и зрители передачи согласились с высказыванием ведущего.

Антикоррупционный мониторинг в контексте оценки образовательной политики, участия образовательных учреждений — это работа, призванная учесть вклад университетов, специализированных учреждений профессионального образования. Грамотный антикоррупционный мониторинг позволяет оценить экономическую эффективность антикоррупционных мер,

в том числе, проводимых за счет бюджета, что немаловажно в контексте ограниченности бюджетных ресурсов. Интересно оценить вложения бизнеса в данную работу, провести сравнительный анализ результативности антикоррупционных усилий государства и бизнеса. Здесь интересный опыт накоплен во многих регионах, однако системность, качество такой работы достигается только на основе комплексной, последовательной работы. Для проведения этой работы формируются специализированные информационные ресурсы, разрабатываются и публикуются специальные методики.

Мониторинг может проводиться по всем ключевым направлениям антикоррупционной политики, позволяет оценить усилия правоохранительных органов, гражданского общества, образовательных учреждений, СМИ, неправительственных учреждений. В ряде субъектов Российской Федерации антикоррупционный мониторинг целенаправленно рассматривается, как одно из эффективных профилактических средств¹³. В основе замеров лежит стремление оценить экономический вклад антикоррупционных усилий государства. Ведь ни для кого не секрет, что коррупция отвлекает огромные средства на поддержание криминальных элементов, воспроизводство безопасной среды для организованной преступности.

Значение антикоррупционного мониторинга актуализируется при подведении итогов в долгосрочном, среднесрочном и текущем формате; при постановке новых задач не только от достигнутого уровня, но и с учетом необходимости выведения институциональных усилий на новый качественный уровень. Временной фактор также важен при обосновании подобного рода работ, как и определение ответственных исполнителей. Многие региональные программы нацелены на проведение ежеквартальных мониторинговых работ, с ежегодным подведением и опубликованием итогов. Разумеется, регулярность обнародования итоговых протоколов мониторин-

га — залог эффективного управления антикоррупционной политикой.

Антикоррупционный мониторинг направлен на отслеживание тенденций в отношении трех основных видов коррупции. Это оценки таких областей, как эффективность государственного управления и замеры так называемой малой коррупции, уличной, низовой коррупции. Существенное значение имеет измерение коррумпированности бизнеса, коррупционных связей бизнеса и государства. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что в четырех регионах России бытовая коррупция составляет 80% всех коррупционных преступлений. На это указал Генеральный прокурор страны Юрий Чайка на координационном совещании руководителей правоохранительных органов РФ по вопросу выполнения мероприятий Национального плана противодействия коррупции. В эту четверку регионов попали, наряду с Воронежской и Белгородской областями также Алтайский край и Ивановская область. Это означает: нигде, как в этих субъектах, так не распространены «подарки» от граждан должностным лицам, медикам и педагогам.

Третий уровень — это измерение уровня коррупции в сфере финансовых институтов, банков, страховых организаций, различных фондов.

Представляется, что именно эти параметры можно восполнить в проектируемых новых стратегических документах через ввод имеющихся и прогнозных оценок Росфинмониторинга, ЦБ РФ относительно финансовой статистики в регионе.

Дальнейшие шаги должны, на наш взгляд, состоять во всестороннем анализе устойчиво сохраняющихся проблем в различных сегментах общественной жизни, несмотря, казалось бы, на правильность и своевременность предпринимаемых шагов. В этом контексте важно обоснование репрезентативной выборки и размера выборки по различным направлениям антикоррупционного

¹⁰ Стороженко И. В. Антикоррупционный мониторинг в криминологическом значении // Режим доступа: law.edu.ru (дата обращения: 01.09.2018).

¹¹ См.: Сводный отчет «О результатах проведения антикоррупционного мониторинга Нижегородской области за 2014 год» // Режим доступа: government-nov.ru (дата обращения: 01.09.2018).

¹² Постановление от 26 ноября 2015 года N1097 «О Плана мероприятий по противодействию коррупции в Санкт-Петербурге на 2016–2017 годы (с изменениями на 14 сентября 2016 года) // Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/822405478 (дата обращения: 01.09.2018).

¹³ См.: Закон «О противодействии коррупции в Калужской области» // Режим доступа: pandia.ru (дата обращения: 01.09.2018).

мониторинга, детализации «древа целей» антикоррупционной политики, определения приоритетов антикоррупционной стратегии.

Экспресс-анализ данных проведенных в разные годы оценочных работ свидетельствует о необходимости переноса центра тяжести антикоррупционной политики на новый уровень, уровень муниципальных образований. Наиболее трудоемкая работа связана со скрупулезным изучением преломления муниципальных антикоррупционных политик.

Отрадно отметить, что и в этом сегменте антикоррупционной политики происходит активное накопление положительного опыта. Так, Всероссийский совет местного самоуправления провел в Нефтеюганске конференцию, посвященную памяти бывшего мэра города Владимира Петухова. Представители муниципальной власти и эксперты, съехавшиеся со всей страны, обсудили проблемы реализации антикоррупционного законодательства на муниципальном уровне и взаимодействие власти и граждан. Основная тема конференции была заявлена как «служение и ответственность». Как известно, в Нефтеюганске 18 лет назад был убит мэр Владимир Петухов. Фактически он погиб, защищая свой город, вступив в неравную схватку с олигархическими структурами», — отметил председатель Всероссийского совета местного самоуправления, глава профильного комитета Совета Федерации Дмитрий Азаров. Муниципальные лидеры еще раз подтвердили, что для местного самоуправления он является своего рода моральным ориентиром.

Наряду с положительным региональным и муниципальным опытом сокращают на себя внимание и проблемные регионы с точки зрения эффективности антикоррупционной политики. Для наиболее проблемных регионов целесообразно прибегнуть к использованию инструментов «дорожных карт» для планирования качественной работы по устранению коррупционных ловушек, коррупционных рисков.

Так, Генпрокуратура России опубликовала рейтинг коррупционных регионов за девять месяцев 2017 года. Согласно данным, первое место в этом списке занимает Москва (132), на втором месте Смоленская область (102), а на третьем — Московская область (97). Далее идут Волгоградская область (74) и Краснодарский край (73).

В Петербурге зафиксировано 50 преступлений. Брянская область и Карелия замыкают топ-10 городов, в этих регионах было зарегистрировано 39 преступлений.

Вместе с тем, эти цифры также требуют дополнительного обоснования, например, в контексте оценки эффективности работы правоохранительных органов. При этом ни одной дачи взятки не было зарегистрировано в Магаданской области, Чукотской и Еврейской автономных областях.

Эксперты в регионах прибегают к тематическим исследованиям для описания типичных проявлений коррупции в точных деталях, которые позволяет реконструировать коррупционную схему. Такие подходы применяются для воссоздания и в дальнейшем, недопущения схем уклонения от налогов и сборов, построения незаконных схем отмывания денег, незаконного перевода земель из одной категории в другую и т.д.

Этот подход помогает каждому в деталях понять, как происходит на самом деле коррупционная схема. Тщательное документирование практических тематических исследований также позволяет помочь антикоррупционным агентствам доработать свои профессиональные усилия, правильно выстроить правоохранительную деятельность, внести коррективы в инструменты противодействия коррупции.

Одновременно такой подход может помочь в информировании общественности. В правоохранительной сфере такой подход обогащает инструментарий оперативно-розыскных работ. Один из важнейших аспектов оценочной работы — это формирование надлежащей правовой оценки.

Там, где выявляются проблемы и несоответствия, анализируются варианты ком-

плексного решения проблемы для укрепления всей правовой системы. Главная цель заключается в том, чтобы оценить, в какой степени весь государственный аппарат, законодательные, исполнительные и судебные органы участвуют в деле предотвращения и борьбы с коррупцией.

На наш взгляд, совершенствование измерителей и индикаторов коррупции должно происходить на платформе укрепления потенциала следственных, прокурорских и судебных органов; усиления межведомственной координации.

Библиографический список

1. Антикоррупционные программы в субъектах Российской Федерации: опыт критического анализа // http://e-notabene.ru/pr/article_12103.html
2. Антикоррупционный мониторинг в субъектах Российской Федерации: вопросы теории и практики правового регулирования: монография / П. А. Кабанов. — Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2015.
3. Кабанов П. А. Антикоррупционный мониторинг в субъектах Российской Федерации // scrimpravo.ru
4. Кабанов П. А. Антикоррупционный мониторинг в субъектах Российской Федерации: понятие, содержание, классификация и специфика правового регулирования // Следователь. 2011. № 9.
5. На пути из третьего мира в первый. Взгляды и убеждения Ли Куан Ю. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015.
6. Павлушкин А. В. Реализация механизма антикоррупционного мониторинга в субъектах Российской Федерации // Журнал российского права. 2013. № 8.
7. Стороженко И. В. Антикоррупционный мониторинг в криминологическом значении // law.edu.ru
8. Хабриева Т. Я., Андриченко Л. В., Цирин А. М. О результатах анализа практики реализации программ противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации и предложениях по повышению их эффективности // Журнал российского права. 2012. № 11.
9. Christopher J. Ramsay. The anti-bribery and anticorruption review. Edition 6. Published: January 2018. // <https://thelawreviews.co.uk/edition/the-anti-bribery-and-anti-corruption-review-edition-6/1151845/canada>

Корчагин Олег Николаевич

Директор программы факультета управления персоналом и государственной службы Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук

E-mail: on.korchagin@migsu.ru

ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО МОРАЛИ И ПРАВА В ANTI-КОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВА

Аннотация.

Предметом исследования является соотношение права, морали и нравственности в антикоррупционной политике государства на примере Российской Федерации. Цель настоящей статьи заключается в определении уровня диалектического взаимопроникновения норм морали и права в современной антикоррупционной политике России. Методологию исследования составили логический, сравнительный, формально-юридический, аналитический методы, системный подход.

Проведенный в статье анализ некоторых статистических данных в сфере противодействия коррупции позволил получить вывод о сложившейся закономерности трансформации, но не искоренения коррупционных практик под влиянием применяемых в настоящее время в системе профилактики коррупции правовых запретов. Сформулирован вывод о необходимости формирования единого методического обеспечения антикоррупционного просвещения посредством гармонизации антикоррупционных норм права и морали. Полученные в процессе написания статьи выводы и результаты, могут быть использованы при проведении научных исследований по проблематике противодействия коррупции, в образовательной деятельности и в процессе формирования антикоррупционного мировоззрения в обществе.

Ключевые слова: государство, право, коррупция, противодействие, диалектика, просвещение, общество, мораль, нравственность.

Korchagin Oleg Nikolaevich

Director of program, Faculty of personnel management and public administration of the Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, candidate of legal sciences

E-mail: on.korchagin@migsu.ru

DIALECTICAL UNITY OF MORALITY AND LAW IN THE ANTI-CORRUPTION POLICY OF THE STATE

Abstract.

The subject of the research is the correlation of law, morality and morality in the anti-corruption policy of the state on the example of the Russian Federation. The purpose of this article is to determine the level of dialectical interpenetration of morality and law in the modern anti-corruption policy of Russia. The research methodology consists of logical, comparative, formal-legal, analytical methods, systematic approach.

The analysis of some statistical data in the sphere of anti-corruption, carried out in the article, allowed to draw a conclusion about the current pattern of transformation, but not the eradication of corruption practices under the influence of currently used in the system of prevention of corruption legal prohibitions. The conclusion about the need to form a unified methodological support of anti-corruption education through the harmonization of anti-corruption law and morality. The conclusions and results obtained in the process of writing the article can be used in research on the problems of combating corruption, in educational activities and in the process of forming an anti-corruption worldview in society.

Key words: state, law, corruption, opposition, dialectics, enlightenment, society, morality.

Для автора статьи и, наверно, для многих российских граждан в большинстве случаев мораль и нравственность являются категориями если не тождественными, то синонимичными. Тем более что устоявшегося в обществе какого-то единого подхода к их разделению и соответствующих признаков разделения нет. Тем не менее, автору статьи импонирует и в контексте изучения антикоррупционной политики больше подходит, на наш взгляд, разделить мораль и нравственность. Можно попробовать это сделать по субъектному признаку принадлежности морали и нравственности.

Нравственность понимается автором, как присущие человеку показатели того, как он отвечает за свое поведение и следует своим принципам. Нравственность связана с характером и темпераментом человека, его душевными качествами. Человек руководствуется своими нравственными основами в своей жизнедеятельности и при принятии тех или иных решений.

Мораль же предполагает определенные нормы и ценности поведения в обществе, которые складываются исторически и не предусматривают применения государством властной силы. Мораль представляется нам, как нравственные нормы, совокупность которых существует в обществе. После усвоения этих норм они становятся внутренними убеждениями человека. В этот момент, на взгляд автора, происходит слияние нравственности и морали.

Мораль может отличаться в зависимости от времени и места. Нравственность зависит от личных мироощущений человека,

которые так же могут меняться, изменяя и саму нравственность человека.

С учетом представленного подхода может возникнуть резонный вопрос о том, что первично мораль или нравственность. На взгляд автора мораль может выступать первичной и формировать нравственность человека или как принято говорить — его нравственный облик, но и нравственность отдельного индивида может влиять на мораль и ее нормы, которые формируются в отдельных группах и коллективах людей, что в итоге может повлиять и на формирование морали всего общества. В то же самое время человек приходит в этот мир с отсутствующей нравственностью и отсутствием понимания общественной морали и попадает в сферу общественных отношений, регулируемых морально-правовыми нормами, действующими в момент его появления на свет и последующего взросления.

Право же — как и государство является объектом общественного развития и представляет собой систему общеобязательных формально определенных правил поведения, регулирующих общественные отношения. Отличие права от морали и нравственности заключается в том, что правовые нормы устанавливаются и охраняются государством с помощью мер государственного принуждения. А нормы морали, например, дружба — государством никак не регулируется.

На взгляд автора, очень хорошо прослеживается изменчивость нравственности и морали в словах Цезаря устами Шекспира «...Хочу я видеть в свите только тучных, прилизанных и крепко спящих ночью. А Кас-

сий тощ, в глазах холодный блеск. Он много думает, такой опасен». Или «O tempo, o tempo!» «O времена о нравы» — крылатое выражение Цицерона из «Первой речи против Катилины».

Автор статьи — сторонник теории самоконтроля при анализе детерминантной составляющей преступности. Теория самоконтроля М. Р. Гаттфредсона и Т. Хирши основана на одном из самых важных последствий процесса социализации, которое проявляется в жизни ребенка очень рано. Под самоконтролем указанные исследователи понимают «...разницу в мере подверженности людей соблазнам, барьер, который находится между действующим лицом и очевидной мгновенной выгодой, которую сулит преступление»¹. Самоконтроль не является силой, побуждающей к преступлению и наоборот по мнению некоторых отечественных криминологов² уровень самоконтроля в обществе — определяет то, насколько сильна или слаба преступность в этом обществе.

По мнению Гаттфредсона и Хирши «...индивидуумы с низким уровнем самоконтроля, как правило, «импульсивные, нечувствительные, физически грубые, идущие на риск, недальновидные и бессловесные». Они с большей вероятностью будут втягиваться в преступные действия, а до наступления возраста ответственности — заниматься аналогичной деятельностью, например, демонстрировать проблемное поведение в школе»³.

Как считали указанные исследователи, «...низкий уровень самоконтроля развивается главным образом в результате неправильного воспитания ребенка. У родителей, не следящих должным образом за поведением ребенка, неспособных распознать девиантное поведение, когда оно встречается, и не наказывающих эффективно за такое поведение, вероятно, вырастут дети, которым будет трудно противостоять соблазнам»⁴.

На взгляд автора статьи, на самоконтроль может повлиять и другой опыт, например, школьный или уже взрослый опыт.

Коррупция практически всегда связана с использованием лицом своего служебного и должностного положения или с попыткой использовать такое положение этим или другими лицами. А большинство экспертов признают в качестве причин коррупции в нашей стране:

- жадность и аморальность российских чиновников и предпринимателей;
- низкий профессиональный уровень правоприменителей;
- правовую неграмотность населения.

Кроме того, в качестве еще одной из причин коррупции рассматривается сложившаяся традиция или менталитет народа. Автор статьи не согласен с тем, что причиной коррупции может являться менталитет, скорее — это сложившиеся в обществе устойчивые коррупционные практики, обусловленные в том числе той моралью, которая в этом обществе существует.

В той или иной мере все указанные причины — это следствие низкого уровня самоконтроля отдельного индивида, обладающего определенными нравственными основами или низкий групповой, или общественный уровень самоконтроля с присущей ему моралью на определенном этапе развития общества.

Учитывая существующий уровень криминализации российского общества и уровень коррупции, который существует в Российской Федерации, читатели статьи могут сами попробовать сделать вывод об уровне самоконтроля российских граждан, качестве моральных норм и эффективности морально-нравственного регулирования в нашем обществе.

Автор статьи склоняется к тому, что в нашей стране в последнее десятилетие была

характерна такая криминологическая закономерность, при которой уровень преступности не уменьшается, а по отдельным категориям и видам преступлений возрастает, но и уровень социального контроля в этой сфере находится в состоянии стагнации.

По мнению некоторых исследователей «...проблема коррупции с неизбежностью становится особенно острой в странах, переживающих период кризиса или модернизации. Для таких периодов характерно сужение сферы действия позитивного права (отсутствие адекватного законодательства и несовершенство институтов исполнения законов), а также деформация общественной нравственности, и потому возможности для коррупции оказываются практически неограниченными»⁵. Действительно, в таких условиях коррупция становится серьезным препятствием для реализации объективно разворачивающихся процессов модернизации, поскольку отсутствует здоровая конкуренция направлений и стратегий модернизации.

В настоящее время антикоррупционное правовое регулирование включает в себя морально-нравственные нормы. Тем не менее, если посмотреть пристально, то мы поймем, что общественная мораль не всегда меняется под действием правовых норм. Например, в Национальной стратегии противодействия коррупции⁶ (далее — Стратегия) в качестве цели Стратегии указано на искоренение причин и условий, порождающих коррупцию в российском обществе. А одной из задач является обеспечение выполнения членами общества норм антикоррупционного поведения, включая применение в необходимых случаях мер принуждения в соответствии с законодательными актами Российской Федерации. К основным направлениям Стратегии относятся расширение системы правового просвещения населения и дальнейшее развитие правовой основы

противодействия коррупции. В качестве основного инструмента антикоррупционной политики рассматриваются нормы антикоррупционного поведения, так и указано «нормы антикоррупционного поведения».

Т.е., меры принуждения рассматриваются, как меры, которые должны применяться в необходимых, или отдельных случаях.

Морально-нравственные нормы, на взгляд автора, следует рассматривать как основную составляющую антикоррупционной политики, подкрепляемую угрозой применения государством мер принуждения. В России же ситуация в настоящее время складывается иначе. Основная составляющая антикоррупционной политики — это меры принуждения, а антикоррупционное поведение для значительной части общества — это своего рода необходимость, обусловленная наличием юридической ответственности за коррупционные деяния.

В национальных планах противодействия коррупции к одним из основных мер в разное время было отнесено — формирование у госслужащих и иных граждан негативного отношения к взяточничеству, массовое разъяснение им норм уголовного права, предусматривающих ответственность за получение и дачу взятки. Т.е., формирование антикоррупционного мировоззрения осуществляется не за счет разъяснения причин и социально-экономических последствий коррупции для всего общества и отдельно взятого гражданина, а фактически за счет устрашения мерами ответственности.

Автор статьи считает, что практически все наши граждане уже давно знают о том, что за взяточничество и коррупцию предусмотрена ответственность, однако не все понимают истинную сущность коррупционных отношений и их влияние на общественные отношения.

¹ Akers R. L. Criminological theories: Introduction and Evaluation 2nd ed. Los Angeles, 1997. P. 91.

² См., например: Лунев В. В. преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции / В. В. Лунев. - изд. 2-е, перераб. и доп. - м. 2005. с. 14.

³ Akers R. L. Criminological theories: Introduction and Evaluation 2nd ed. Los Angeles, 1997. P. 91.

⁴ См.: там же.

⁵ Прошина Е. М. К вопросу об антикоррупционном образовании государственных служащих // Участие структур гражданского общества в процессе предотвращения коррупции. Итоговая конференция по одноименной Программе / Под ред. М. Б. Горного. — СПб., 2000.

⁶ См.: Указ Президента РФ от 13.04.2010 № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы» // Собрание законодательства РФ от 19 апреля 2010 г. № 16 ст. 1875.

Важная особенность морали заключается в том, что она воздействует на область правовых отношений и на реализацию законодательных положений не непосредственно, а лишь преломляясь определенным образом в правосознании людей. Воздействие того или иного антикоррупционного правового запрета без наличия соответствующего морального запрета или осуждения обедняется, лишается своего воспитательного значения, оно сводится лишь к подавлению и принуждению. И наоборот, правовая норма, имеющая поддержку нравственной составляющей, оказывает огромное воспитательное влияние на общество.

Устойчивые коррупционные практики, которые существуют в нашем обществе, формировались десятилетиями, какие-то из них — веками. Причем процесс их формирования проходил в условиях, когда практически отсутствовало адекватное организационно-правовое противодействие этим практикам. Очевидно, что сегодня правовые запреты не способны полностью исправить эту ситуацию без изменения общественной нравственности. Безусловно закон практически всегда является средством реализации антикоррупционной политики. Тем не менее, закон не может быть единственным средством, на него нельзя возлагать решение тех задач, осуществление которых зависит от других мер, в том числе и от развития морально-нравственных норм в обществе.

То, о чем было сказано выше, можно попробовать объяснить через призму экономических отношений. Есть спрос на коррупционные отношения и есть предложение таких отношений. Конечная цель заключается в получении некой экономической ренты. В условиях, когда усиливается запрет на извлечение этой незаконной экономической ренты — за счет эластичности цены может сократиться объем предложения этой ренты, но ведь запрет, на наш взгляд, слабо по-

влияет на спрос, так как спрос в данном случае будет менее эластичным. Внутренняя потребность человека правовым установлением, как уже было отмечено, изменяется мало. При этом будут возрастать издержки рентополучателя и, как следствие, расти его потребность в получении ренты большего объема, что мы, собственно говоря, в последнее время и наблюдаем при проведении анализа статистической отчетности.

По последним данным Верховного Суда Российской Федерации⁷, осужденных за коррупционные преступления стало на 19% меньше. В то же время по выявленным фактам в 2017 году российские чиновники требовали откаты и взятки в полтора раза крупнее, чем в 2016 году. Так, в 2017 году средний размер взятки и коммерческого подкупа составлял по стране 357 тысяч рублей. В 2016 году — 247 тысяч рублей. И эта динамика наблюдается все последние годы.

Меняется и сам процесс взяточничества, что свидетельствует о тех предельных издержках, которые испытывают коррупционеры. Все чаще используются не банальные «конверты», а так называемая сетевая коррупция, которая основывается на связях, вхождении в элитные клубы, группы и «семьи». Они оказывают влияние на хозяйственную деятельность подконтрольных предприятий и учреждений; осуществляют присвоение средств бюджетов всех уровней при помощи аффилированных компаний, торговлю служебной информацией; лоббирование интересов коммерческих структур при определении объемов их финансирования⁸. Для отмывания коррупционных доходов используются сложные многофазные схемы, включающие трансграничные перемещения коррупционных доходов посредством использования электронных платежных систем, отчисления в различные рода фонды под видом благотворительной дея-

⁷ Данные судебной статистики по делам коррупционной направленности за 2017 и 2016 годы [Электронный ресурс]. — Режим доступа <http://www.cdep.ru/index.php?id=216> (дата посещения 3.09.2018).

⁸ Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (постатейный) / Т. Я. Хабриева, А. В. Габов, А. М. Цирин и др.; отв. Ред. Т. Я. Хабриева. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2018. С. 30.

тельности, вывод коррупционных доходов в офшоры и др.

Если мы дальше посмотрим статистику, то становится понятно, что почти половина российских граждан, осужденных за коррупционные преступления, — это взяточдатели, осужденные по статье о мелком взяточничестве (291.2 УК РФ)⁹. Очевидно, что эти люди ничего общего с государственным аппаратом, государственной или муниципальной службой не имеют. И это тоже свидетельствует о состоянии морали в российском обществе. Кстати говоря, указанная статья относительно недавно была введена в законодательство и направлена на искоренение так называемой бытовой коррупции.

Среди тех, кто чаще всего фигурирует в рамках возбужденных уголовных дел по фактам коррупции — водители, занимающиеся извозом без создания ИП или контракта со службой такси, потребители наркотических средств и психотропных веществ и лица, принадлежащие к маргинализированным слоям населения, которые при столкновении с полицией предлагают взятку. На лицо еще одна демонстрация влияния морально-нравственных норм на принятие решения о совершении противоправного деяния.

Хотелось бы предположить, что складывающаяся правоприменительная практика по указанной статье отчасти повлияет на отношение наших граждан к подобного рода деяниям и трансформируется в моральное неприятие бытовой коррупции.

Следует все-таки отметить и позитивное начало права в формировании моральных норм в обществе. Во-первых, сам подход, сформулированный президентом страны, который сейчас применяется в антикоррупционном законодательстве РФ «...вопрос не в тяжести наказания, а в его неотвратимости, к этому мы будем стремиться»¹⁰ — прямо направлен на изменение отношения к коррупции в обществе. Если законом

предусмотрены положения о наказании, значит необходимо наказывать. В противном случае — отсутствие наказания за противоправное деяние влечет дискредитацию самого средства наказания, способствует нравственному развращению человека, который подлежал наказанию, приводит к моральному разложению общества.

Да, все-таки существует проблема правоприменения. Но ведь проблема правоприменения — это не всегда проблема, истоками которой является право. Проблема правоприменителя и любое отступление или исключение из закона, которое самим этим законом не предусмотрено — вот именно это порождает дефект норм права.

На взгляд автора, наиболее явно диалектическое единство норм морали и права сочетается в мерах по предотвращению, выявлению и урегулированию конфликта интересов. Во-первых, конфликт интересов основан на личной заинтересованности лица. Во-вторых, такая ситуация влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных обязанностей. Категории «личная заинтересованность», «объективность», «беспристрастность» автором относятся к характеристикам скорее личности человека. Это свойства, характеризующие наличие или отсутствие у человека приверженности к одному из возможных вариантов принятия решения. Меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов формируют моральные основы поведения государственных служащих. «Непринятие лицом мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов, стороной которого оно является, влечет за собой увольнение служащего. Непринятие гражданским служащим, являющимся представителем нанимателя, которому стало известно о возникновении у подчиненного ему гражданского служащего личной заинтересованности, которая приводит или может

⁹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, №25, ст. 2954.

¹⁰ Прямая линия с Владимиром Путиным [Электронный ресурс]. — Режим доступа <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20796> (дата посещения 3.09.2018).

привести к конфликту интересов, мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов является правонарушением, влекущим увольнение гражданского служащего, являющегося представителем нанимателя, с гражданской службы»¹¹.

Антикоррупционное законодательство постоянно развивается. Вот только что российские граждане стали свидетелями принятия новых законодательных инициатив президента. Сам факт возникновения новых юридических правил и установок нельзя рассматривать в качестве «вытеснения» морали правом. Наоборот в определенных случаях подобные факты могут свидетельствовать о силе морально-нравственных начал, об их воздействии на правовые основы.

Коррупция не появляется там, где все хорошо. Коррупционные явления — это следствие социальных просчетов. В том, что моральный облик российского общества сегодня далек от идеала, наверно, есть определенная вина представителей образовательного и научного сообщества. Особенно учитывая тот факт, что восприятие и понимание морали, нравственности и даже права у всех людей разнятся. Вместе с тем, сложившаяся система профилактики коррупции, когда практически отсутствует единое методическое обеспечение антикоррупционного просвещения, никак не способствует повышению уровня антикоррупционного мировоззрения. Соотношение морали и права должно быть предметом для изучения на протяжении всей жизни человека, учитывая, что категории эти, на мой взгляд из-

менчивые. Право тоже категория изменчивая, но форма проявления права достаточно часто может оставаться неизменной.

Эффективная антикоррупционная политика любого государства должна основываться на диалектическом взаимопроникновении норм морали и права, этических принципов государственных служащих, должностных лиц, граждан и положений законодательных актов. Правовое регулирование способно включать в себя значительный объем морально-нравственных норм, которым следовало бы придать юридическое значение, в то время как общественная мораль будет наполнена рядом общесоциальных прав. Таким образом, диалектическое единство и взаимосвязь морали и права в антикоррупционной политике государства должны проявляться в следующем: активно воздействуя на мораль, антикоррупционные нормы права должны способствовать более глубокому ее укреплению в обществе.

В то же время право само под влиянием морального фактора должно постоянно обогащаться: необходимо расширять его нравственную основу, повышать его авторитет при возрастании его роли как государственного регулятора общественных отношений. Гармоничность и действенность их будет достигнута в том случае, когда мы будем иметь системное этическое обоснование права и систематическое юридическое, правовое обеспечение морально-нравственных норм.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N63-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, N25, ст. 2954.
2. Федеральный закон от 25.12.2008 N273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ, 29.12.2008, N52 (ч. 1), ст. 6228.
3. Указ Президента РФ от 13.04.2010 № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы» // Собрание законодательства РФ от 19 апреля 2010 г. N16 ст. 1875.

4. Данные судебной статистики по делам коррупционной направленности за 2017 и 2016 годы [Электронный ресурс].— Режим доступа <http://www.cdep.ru/index.php?id=216> (дата посещения 3.09.2018).
5. Лунеев В.В. преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции / В.В. Лунеев. -изд. 2-е, перераб. и доп. -м. 2005. с. 14.
6. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (постатейный) / Т. Я. Хабриева, А. В. Габов, А. М. Цирин и др.; отв. Ред. Т. Я. Хабриева.— М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2018.— 424 с.
7. Прошина Е.М. К вопросу об антикоррупционном образовании государственных служащих // Участие структур гражданского общества в процессе предотвращения коррупции. Итоговая конференция по одноименной Программе / Под ред. М. Б. Горного.— СПб., 2000.
8. Прямая линия с Владимиром Путиным [Электронный ресурс].— Режим доступа <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20796> (дата посещения 3.09.2018).
9. Akers R. L. Criminological theories: Introduction and Evaluation 2nd ed. Los Angeles, 1997.

¹¹ См.: Федеральный закон от 25.12.2008 N273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ, 29.12.2008, N52 (ч. 1), ст. 6228.

Щукина Татьяна Владимировна

*Заведующая кафедрой административного и финансового права Липецкого филиала РАНХиГС,
доктор юридических наук, доцент*

E-mail: shukiha-tv@rambler.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ, ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ КЛАСТЕРОВ, СЕТЕВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ОБЛАСТИ УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ И ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЩЕСТВЕННЫХ СЕТЕЙ

Аннотация.

Предметом настоящей статьи выступает исследование теоретических и практических представлений о правовом регулировании промышленной политики и деятельности промышленных кластеров в форме их сетевого взаимодействия с государством; рассмотрение новых тенденций преобразования публичного управления в условиях стратегического развития Российской Федерации. Тема статьи отражает вопросы трансформации современной системы государственного и муниципального управления с точки зрения характеристики сетей в области публичного управления промышленностью, их видов и рисков функционирования; новых методов управления и особенностей правового регулирования. Целью настоящей статьи являются выявление на современном этапе национальных драйверов преобразования публичного управления в сфере промышленной политики, места и роли государства в этом процессе; особенностей реализации новых стратегий государственного развития. Методологию данной работы составили сравнительный, формально-юридический, аналитический методы. Результаты работы — это формулирование особенностей публичного управления в сфере промышленной политики; определение значения, содержания и видов сетевого взаимодействия в указанной сфере; формулирование выводов о последующих направлениях совершенствования соответствующего законодательства. Область применения результатов работы включает в себя систему государственного и муниципального управления. Выводы исследования могут быть использованы для дальнейшего совершенствования правовой регламентации и практики применения новых стратегий в публичном управлении.

Ключевые слова: новые стратегии государственного и муниципального управления, общественные сети, публичное управление в сфере промышленной политики, национальные драйверы преобразования публичного управления в сфере промышленной политики; тематико-модульный тип законодательства в сфере управления промышленной политикой.

Schukina Tatyana V.

Head of the Department of Administrative and Financial Law, Lipetsk Branch of RANEPA,

Doctor of Law, Associate Professor

E-mail: shukiha-tv@rambler.ru

LEGAL REGULATION OF INDUSTRIAL POLICY OF THE ORGANIZING AND ACTIVITIES OF INDUSTRIAL CLUSTERS, NETWORKING IN THE FIELD OF INDUSTRIAL MANAGEMENT AND CHARACTERISTICS OF PUBLIC NETWORKS

Abstract.

The subject of this article is the study of theoretical and practical ideas on the legal regulation of industrial policy and the activities of industrial clusters in the form of their network interaction with the state; consideration of new trends in the transformation of public administration in the context of the strategic development of the Russian Federation. The topic of the article reflects the transformation of the modern system of state and municipal management from the point of view of the characteristics of networks in the field of public management of industry, their types and risks of functioning; new management methods and features of legal regulation. The purpose of this article is to identify at the current stage the national drivers of the transformation of public administration in the sphere of industrial policy, the place and role of the state in this process; peculiarities of the implementation of new strategies of state development. The methodology of this work was made up of comparative, formal-legal, analytical methods. The results of the work are the formulation of the features of public administration in the sphere of industrial policy; determination of the meaning, content and types of network interaction in this area; formulating conclusions on the subsequent directions for improving the relevant legislation. The field of application of results of work includes a system of state and municipal control. The findings of the study can be used to further improve the legal regulation and practice of applying new strategies in public administration.

Keywords: new strategies of state and municipal management, public networks, public administration in the field of industrial policy, national drivers of the transformation of public administration in the field of industrial policy; thematic-modular type of legislation in the field of industrial policy management.

Развитие промышленности и отечественного машиностроения, реализация совместной предпринимательской инициативы в этой области обусловили формирование соответствующего массива законодательства и его тематической части. Прежде всего, первоначальный импульс к созданию взаимосвязанного между собой федерального и регионального законодательства об управлении промышленностью, промышленной политике и промышленных кластерах был сформулирован федеральным законом «О промышленной политике в Российской Федерации» от 31 декабря 2014 года № 488-ФЗ.

Этот стратегический законодательный акт, равно как и иные федеральные стратегические нормативные правовые акты, служит, по нашему мнению, прочным основанием к структурированию современной системы законодательства о публичном

управлении по отраслям управления и тематико-модульному типу. Подобная систематизация законодательства вполне соответствует требованиям времени и запросам по преобразованию публичного управления согласно международным и национальным драйверам его преобразования. Как ранее упоминалось, мировой импульс глобального изменения публичного управления регламентирован в Повестке дня устойчивого развития до 2030 года в отношении производства, промышленности и их инфраструктуры заключается в содействии всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям (индустриализация, инновации и инфраструктура). И отношение укрепления средств осуществления и активизации работы в рамках глобального партнерства в интересах устойчивого развития (партнерство в интересах устойчивого развития).

Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации», в свою очередь, формирует национальные драйверы преобразования публичного управления в сфере промышленной политики, укрепляющей развитие промышленного потенциала РФ, обеспечение производства конкурентоспособной промышленной продукцией. С авторской точки зрения, к ним относятся:

- 1) утверждение целей, задач и принципов промышленной политики, направленных на устойчивое развитие отечественной промышленности, ее инноваций и цифровой инфраструктуры; на повышение производительности труда и эффективного сетевого взаимодействия — партнерства частного и публичного секторов, включая управление, науку, образование и промышленность;
- 2) признание обширного круга субъектов публичного управления промышленностью: федеральные органы исполнительной власти, исполнительные органы государственной власти субъектов РФ, исполнительно — распорядительные органы местного самоуправления, Счетная палата РФ; субъекты, осуществляющие деятельность в сфере промышленности;

3) закрепление статуса субъекта управления за субъектами, осуществляющими деятельность в сфере промышленности¹. В их число включаются:

- а) организации, входящие в состав инфраструктуры поддержки промышленности (с публичным элементом):
 - государственные фонды развития промышленности²;
 - центры кластерного развития промышленности в субъектах Российской Федерации³;
 - региональные консалтинговые центры и центры инжиниринга⁴;
 - ассоциации промышленных предприятий субъектов Российской Федерации⁵;
 - государственные корпорации (акционерные общества) развития в субъектах Российской Федерации⁶;
 - ассоциация промышленных кластеров⁷;
 - ассоциация индустриальных парков России⁸;
 - управляющие компании ОЭЗ — акционерные общества⁹;

- б) отраслевые публичные субъекты, осуществляющие деятельность в сфере промышленности:
 - государственные корпорации¹⁰;
- в) частно-публичные субъекты, осуществляющие деятельность в сфере промышленности:
 - индустриальные (промышленные) парки¹¹;
 - промышленные технопарки¹²;
 - промышленные кластеры¹³.
- 4) инновационные промышленные предприятия, входящие в промышленный кластер и осуществляющие выпуск импортозамещающей продукции¹⁴, относятся к категории объектов публичного управления.
- 5) закрепление публичного управления в государственно — общественной форме, регулируемой правовыми нормами законодательства о промышленности;
- 6) утверждение выражения государственно-общественной¹⁵ формы публичного управления промышленностью в формате стратегического планирования и проектного управления;
- 7) признание и моделирование разных типов общественных¹⁶ партнерских сетей публичной сети в системе публичного управления промышленностью;
- 8) внедрение системы публичных договоров (контрактов) в практику партнер-

ской деятельности субъектов публичного управления промышленностью. Это совокупность специальных инвестиционных контрактов, заключение которых устанавливает создание либо модернизацию производства промышленной продукции на территории Российской Федерации, в исключительной экономической зоне Российской Федерации с использованием государственной поддержки. Особое внимание уделяется финансовой поддержке промышленных предприятий, выпускающих импортозамещающую продукцию.

- 9) расширение методологической базы публичного управления промышленностью;
- 10) формирование комплекса взаимосвязанных, субсидиарных полномочий федеральных органов исполнительной власти, исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации и исполнительных органов местного самоуправления в сфере развития и поддержки российской промышленности.
- 11) создание комплексной системы мер по стимулированию и поддержке промышленности. Ю. Н. Стариков отмечает, что всякое государственное мероприятие должно быть гарантировано. Все намечаемые планы развития страны, улучшения экономической и политической

¹ Ранее указанные предприятия и организации в системе государственного управления рассматривались в качестве объектов государственного управления.

² Фонды создаются Российской Федерацией или субъектами Российской Федерации в организационно-правовой форме фонда или автономного учреждения либо создаваемые Российской Федерацией или субъектами Российской Федерации совместно с организациями, входящими в состав инфраструктуры поддержки деятельности в сфере промышленности, в организационно-правовой форме фонда: О промышленной политике в Российской Федерации: федеральный закон от 31 декабря 2014 года № 488-ФЗ; Фонд развития промышленности Липецкой области на условиях софинансирования (30/70%) с Федеральным Фондом развития промышленности, предоставляет финансовую поддержку субъектам деятельности в сфере промышленности в виде целевых займов по ставке до 5% годовых и сроком до 5 лет в объеме от 20 до 100 млн. рублей. Официальный сайт Фонда развития промышленности Липецкой области. Режим доступа. URL: <http://frplo.ru/index.php/o-fonde>

³ АОУ «Центр кластерного развития Липецкой области». URL: <http://ckr48.ru/>; АО «Центр кластерного развития Пензенской области». URL: <http://ckr58.ru/91/181/> и другие.

⁴ Консалтинговая компания «Верное решение». URL: <http://xn--dtbhaacat8bfloi8h.xn--p1ai/>; Региональный центр инжиниринга Липецкой области. URL: <https://rci-48.ru/> и другие.

⁵ Липецкая областная Ассоциация промышленных предприятий. URL: <http://app-lip.ru/node/5> и другие.

⁶ АО «Корпорация развития Липецкой области». URL: <http://www.oezru.ru/> и другие.

⁷ Ассоциация организаций содействующих развитию кластеров и технопарков. URL: akitrf.ru/about_association/documents/

⁸ Некоммерческое партнерство «Ассоциация индустриальных парков». URL: <http://www.indparks.ru/>

⁹ АО «ОЭЗ ППТ Липецк». URL: <https://sezlipetsk.ru/about/upravlyayushchaya-kompaniya/>; АО «ОЭЗ ППТ Алабуга». URL: <https://alabuga.ru/ru/>; АО «ОЭЗ ТВТ Дубна». URL: http://oezdubna.ru/upload/controls-docs/ustav_AO_OEZ_TV_T_Dubna.pdf и другие.

¹⁰ Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом», Государственная корпорация по космической деятельности «Роскосмос».

¹¹ Индустриальный промышленный парк «Созидатель» (Липецк) и индустриальный промышленный парк «Рождество» (Липецкая область). URL: <http://invest-lipetsk.com/list/industrialnye-parki>; ТехнополисХимград (Татарстан).

¹² Муниципальное бюджетное учреждение «Технопарк Липецк». URL: <http://www.technopark48.ru/about/>; Нанотехнологический центр «Технопарк» (Москва). URL: <http://technopark.ru/otkryt-nanotehnologicheskij-tsentr-t/>; «СИГМА.Новосибирск». URL: <http://www.sygma.ru/> и другие.

¹³ «Московский Композитный Кластер». URL: <http://mcc.emtc.ru/>; Промышленный кластер станкостроения и станкоинструментальной промышленности «ЛИПЕЦКМАШ» (Липецк). URL: <http://lipetskmash.ru/>; Воронежский областной кластер производителей нефтегазового оборудования. URL: <http://www.cluster36.ru/Cluster/Index/57> и другие.

¹⁴ Участниками промышленного кластера станкостроения и станкоинструментальной промышленности «ЛИПЕЦКМАШ» являются более 11 промышленных и научных предприятий.

¹⁵ Общественная форма представлена в широком смысле, как включающая в себя организации частного и государственного секторов, в качестве общественных институтов.

¹⁶ Общественная сеть понимается как совокупность коммерческих и (или) некоммерческих организаций, общественных институтов, выполняющая определенные социальные задачи, и, как правило, не являющаяся юридическим лицом, то есть не обладающая четко очерченным правовым статусом.

системы, формирования гражданского общества и его дальнейшего укрепления невозможны без установления и реального действия института государственных гарантий¹⁷. Она включает, по мнению автора, предоставление ее субъектам:

- финансовой поддержки;
- информационно-консультационной поддержки;
- поддержки научно-технической деятельности и инновационной деятельности в сфере промышленности;
- поддержки развития кадрового потенциала;
- поддержки внешнеэкономической деятельности;
- государственных и муниципальных преференций и иных мер поддержки.

12) формирование информационной инфраструктуры развития и поддержки промышленности — государственной

информационной системы промышленности.

Законодательство о промышленных кластерах в настоящее время формируется и развивается взаимосвязано и одновременно на трех властных уровнях: федеральном¹⁸, региональном и муниципальном. На федеральном уровне управления промышленными кластерами разрабатываются законодательные и иные нормативные правовые акты, отражающие:

- стратегическое планирование в области промышленной политики и кластерную политику государства;
- требования к промышленным кластерам, порядок их создания и функционирования, внесения в реестр промышленных кластеров;
- процедуру отбора проектов и предоставления из федерального бюджета субсидий участникам промышленных кластеров на возмещение части затрат

¹⁷ Старилов Ю. Н. Правотворчество и правоприменение как основные формы «административно-правовой жизни» // Правотворчество и правоприменение: проблемы теории и практики. Сборник научных трудов (по материалам международной научно-практической конференции 28 марта 2008 года) / Под общ. ред. А. Д. Моисеева. Липецк: Изд-во «Институт ИТОУР», 2009. С. 131.

¹⁸ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года; Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 8 декабря 2011 года N2227-р; Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика»: постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 года № 316; Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»: постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 328; Об утверждении условий конкурсного отбора субъектов Российской Федерации, бюджетами которых предоставляются субсидии из федерального бюджета на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства, включая крестьянские (фермерские) хозяйства, и требований к организациям, образующим инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства: приказ Министерства экономического развития РФ от 25 марта 2015 года № 167; О промышленных кластерах и специализированных организациях промышленных кластеров: постановление Правительства РФ от 31 июля 2015 г. N779; Об организации работы в Министерстве промышленности и торговли Российской Федерации по подтверждению соответствия промышленного кластера и специализированной организации промышленного кластера требованиям к промышленным кластерам и специализированным организациям промышленных кластеров в целях применения к ним мер стимулирования деятельности в сфере промышленности: приказ Министерства промышленности и торговли РФ от 26 января 2016 г. N130; Об утверждении методических рекомендаций по отбору организаций для проведения экспертизы сметной стоимости совместного проекта по производству промышленной продукции кластера в целях импортозамещения: приказ Министерства промышленности и торговли РФ от 18 марта 2016 г. N752; Об утверждении Порядка ведения реестра промышленных кластеров и специализированных организаций, соответствующих требованиям к промышленному кластеру и специализированной организации, в том числе обеспечения своевременного внесения изменений в содержащиеся в указанном реестре сведения: приказ Министерства промышленности и торговли РФ от 9 февраля 2016 г. N304; Об организации работы в Министерстве промышленности и торговли Российской Федерации по подтверждению соответствия промышленного кластера и специализированной организации промышленного кластера требованиям к промышленным кластерам и специализированным организациям промышленных кластеров в целях применения к ним мер стимулирования деятельности в сфере промышленности: приказ Минпромторга России от 26 января 2016 года № 130.

при реализации совместных проектов по производству импортозамещаемой промышленной продукции.

Создание промышленного кластера по стратегическим документам необходимо для развития промышленного потенциала его участников, создания высокотехнологичной, конкурентоспособной продукции в единой взаимосвязанной производственной цепочке и осуществляется согласно постановлению Правительства РФ от 31 июля 2015 г. N779 «О промышленных кластерах и специализированных организациях промышленных кластеров». Основным требованием государства к промышленному кластеру является, что он должен создаваться частными промышленными предприятиями по собственной воле для решения конкретных технологических и организационных задач производства конечного инновационного продукта при участии гарантийной публичной организации. Как правило, предприятия-участники промышленного кластера заключают между собой соглашение о создании промышленного кластера, а специализированная организация промышленного кластера (Центр кластерного развития) гарантирует реализацию и поддержку этого проекта. По сути, промышленный кластер рассматривается органами власти как инновационный промышленный проект с участием государства. Если промышленные кластеры создаются на уровне субъектов РФ в качестве субъектов территориального развития промышленности, то технопарки вполне могут создаваться на территории муниципальных образований и силами муниципалитетов, например: муниципальное бюджетное учреждение «Технопарк Липецк». Поэтому и законодательство о промышленных кластерах неразрывно связано между собой на всех уровнях, пронизано единством решения стратегических задач промышленной политики.

К промышленному кластеру, который будет зарегистрирован и включен в Реестр

промышленных кластеров Минпромторга России, предъявляются определенные требования:

- участие в производстве промышленной продукции;
- не менее 20 процентов общего объема промышленной продукции, материалов и комплектующих, произведенных каждым участником промышленного кластера, используется другими его участниками;
- наличие не менее 10 участников промышленного кластера, являющихся субъектами деятельности в сфере промышленности и осуществляющих промышленное производство промышленной продукции;
- наличие не менее одного участника промышленного кластера, являющегося субъектом деятельности в сфере промышленности, осуществляющим конечное промышленное производство промышленной продукции с использованием промышленной продукции участников промышленного кластера в целях реализации ее на внутреннем и внешних рынках;
- формирование инфраструктуры промышленного кластера: не менее одной образовательной организации высшего образования, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего или среднего профессионального образования; не менее 2 объектов технологической инфраструктуры, необходимых участникам промышленного кластера для создания совокупности субъектов деятельности в сфере промышленности;
- количество высокопроизводительных рабочих мест в организациях — участниках промышленного кластера составляет не менее 50 процентов всей численности рабочих мест;
- производительность труда в промышленном кластере за предыдущий отчетный период должна быть выше средней

производительности труда в обрабатывающей промышленности субъектов Российской Федерации.

Кроме того, участники промышленного кластера принимают участие в разработке программы развития промышленного кластера и формировании функциональной карты промышленного кластера; представляют отчеты о показателях экономической деятельности Центру кластерного развития, Минпромторгу России, уполномоченному исполнительному органу государственной власти субъекта Российской Федерации. Подтверждение соответствия промышленного кластера осуществляется каждые 3 года при намерении получить меры стимулирования деятельности в сфере промышленности. Процедура конкурсного отбора совместных проектов промышленных кластеров, проводимая Минпромторгом России, в определенной степени сложная и длительная. Проходит она в два этапа. Первый этап заключается в допуске проектов к участию в конкурсном отборе в течение 7 рабочих дней. Второй этап — это конкурсный отбор проектов, реализуемый специальной комиссией 1 раз в год¹⁹. В подобных конкурсах могут принять участие исключительно промышленные кластеры, имеющие решение о соответствии требованиям Минпромторга России.

Решение о соответствии промышленного кластера и специализированной организации требованиям выдается Министерством промышленности и торговли Российской Федерации сроком на 3 года. Отметим, что предлагаемые государством меры поддержки промышленным кластерам требуют от предприятий — участников промышленного кластера максимальной прозрачности экономической деятельности, устойчивого включения в единую технологическую

цепочку производства промышленной продукции и вложения собственных сил и средств наряду с финансовыми мерами поддержки²⁰.

Отметим, что административно-правовой статус промышленных кластеров, индустриальных (промышленных) парков, промышленных технопарков не имеет четко очерченных границ. Это, как правило, не юридические лица; создаются на основе соглашений между участниками; их деятельность направлена прямо или косвенно на достижение стратегических задач государства. Одновременно предъявление определенных требований государства к подобным социально-экономическим образованиям, внесение их в соответствующие реестры, предоставление системы гарантий их деятельности, отражает публичный интерес в существовании этих структур. Совокупность таких образований и создает общественную партнерскую сеть.

Коснемся правового статуса специализированной организации промышленного кластера. Это — коммерческая или некоммерческая организация, осуществляющая методическое, организационное, экспертно-аналитическое и информационное сопровождение развития промышленного кластера. Специализированная организация промышленного кластера в рамках разработки и содействия реализации программы развития промышленного кластера осуществляет:

- оказание консультационных услуг участникам промышленного кластера по направлениям реализации программы;
- организацию предоставления участникам промышленного кластера услуг в части правового обеспечения и продвижения промышленной продукции промышленного кластера;

- проведение информационных кампаний в средствах массовой информации по осведомлению деятельности промышленного кластера, включая производство промышленной продукции и перспективы развития промышленного кластера;
- обеспечение привлечения кредитных и инвестиционных ресурсов в рамках программы развития промышленного кластера;
- обеспечение координации мероприятий программы развития промышленного кластера с мероприятиями программ развития участников промышленного кластера для достижения цели создания промышленного кластера;
- проведение маркетинговых исследований на различных рынках, связанных с продвижением продукции промышленного кластера.

По характеру своей деятельности специализированная организация промышленного кластера является консалтинговой организацией для участников промышленного кластера и в тоже время гарантийной организацией, которая подтверждает работу данного проекта перед федеральными и региональными исполнительными органами государственной власти. Как правило, специализированные организации учреждаются органами государственной власти субъектов РФ в форме областных автономных учреждений либо иных организационно-правовых формах с публичным участием.

В Липецкой области 29 июня 2016 года был создан промышленный кластер станкостроения и станкоинструментальной промышленности «ЛИПЕЦКМАШ», который на 2018 год включает в себя 17 производственных предприятий и 18 юридических лиц, представляющих инфраструктуру кластера, включая региональный инновационный образовательный центр по подготовке операторов и наладчиков станков с ЧПУ «Эксперт». Этот промышленный кластер действует на основании большого количества нормативных правовых актов субъекта РФ, взаимосвязанных с федеральными нормативными документами²¹. Субъекты РФ разрабатывают и принимают нормативные правовые акты в развитие положений федеральных нормативных правовых актов о промышленной политике и поддержке промышленности. В настоящее время на территории субъектов РФ насчитывается 137 промышленных кластеров в 52 субъектах РФ, где 25 кластеров включены в Реестр Минпромторга России. В 2017 году Минпромторгом России было субсидировано 7 промышленных кластеров в Воронежской, Липецкой, Псковской, Московской областях и Республике Бурятия²².

На муниципальном уровне осуществляется создание технопарков. Так, в городе Липецке функционирует МБУ «Технопарк Липецк» на базе ОЭЗ РУ ТВТ «Липецк — Технополус». Его деятельность основана на постановлении города Липецка от 2 февраля 2012 года № 113 «О создании муниципального бюджетного учреждения «Тех-

¹⁹ Представители из пятидесяти регионов России приехали в Липецк на научно — промышленную конференцию. URL: <http://lipetskmedia.ru/news/view/98726-Pryedstavitelyeli.html>

²⁰ «Странно, что в Екатеринбурге нет кластеров, ведь это промышленный регион. Физически, кластеры, конечно, есть, но они не проходили аккредитации в Минпромторге, не заявлялись на получение мер господдержки — предприниматели пока не видят в этом необходимости», — заявил Денис Цуканов. // Свердловские промышленники указывают на недоступность мер поддержки (июль 2018 года). URL: <http://pravdaurfg.ru/news/166793-minpromtorg-rf-predlozhit-sozdat-v-ekaterinburge>.

²¹ Стратегия социально-экономического развития Липецкой области на период до 2020 года»: закон Липецкой области от 25 декабря 2006 года; О правовом регулировании некоторых вопросов промышленной политики на территории Липецкой области: закон Липецкой области от 1 апреля 2016 г. N507-03; Об утверждении порядка ведения и формы кластеров Липецкой области: постановление администрации Липецкой области от 20 августа 2013 года № 383; О создании областного автономного учреждения «Центр кластерного развития Липецкой области»: постановление администрации Липецкой области от 31 июля 2013 года № 346; Об утверждении Порядка предоставления субсидий юридическим лицам на возмещение затрат на оплату услуг, связанных с консультационным, методическим, организационным, экспертно — аналитическим, юридическим и информационным сопровождением деятельности участников промышленного кластера на 2018 год: постановление администрации Липецкой области от 27 июня 2018 г. N418; Об утверждении областной целевой программы «Модернизация и развитие промышленности Липецкой области на 2013–2020 годы»: постановление администрации Липецкой области от 19 декабря 2012 года № 521; программа создания и развития инновационного территориального кластера станкостроения и станкоинструментальной промышленности «ЛИПЕЦМАШ».

²² III Ежегодный обзор «Кластеры России» — 2017. URL: http://akitrf.ru/upload/iblock/633/63383_ea5dd27629d5c2a0cf7ff5ae53f.pdf

нопарк — Липецк» и Концепции создания и развития Технопарка в г. Липецке на 2018–2027 годы. В настоящее время на территории Российской Федерации насчитывается 125 технопарков в 44 субъектах Российской Федерации, включая 57 промышленных технопарков²³.

С учетом вышесказанного отметим, что на современном этапе действует взаимосвязанная и комплексная система законодательства в области управления промышленностью на всех уровнях власти и обладающая тематико-модульным характером.

Ранее в качестве драйверов преобразования публичного управления в сфере промышленной политики нами упоминалось закрепление публичного управления в государственно — общественной форме. Законодательные акты о промышленной политике не выделяют отдельно раздела «Управление промышленностью», поэтому и легально не регламентируется форма управления в этой области. Напротив, в федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 года существует глава 12 «Управление системой образования. Государственная регламентация образовательной деятельности», в которой есть статья 89 «Управление системой образования». Согласно данной статье федерального закона «Об образовании...» управление системой образования осуществляется на принципах законности, демократии, автономии образовательных организаций, информационной открытости системы образования и учета общественного мнения и носит государственно-общественный характер. Следовательно, государство признает наличие государственно-общественной формы управления. И ее необходимо рассматривать в широком смысле слова. В научной литературе также рассматриваются современные под-

ходы к публичному управлению, касающиеся широкого внедрения общественных элементов в данную систему²⁴.

Исходя из анализа законодательства и научной литературы, представим авторское понятие термина «государственно-общественная форма публичного управления в промышленности». На наш взгляд, она представляет собой деятельность органов исполнительной власти и местного самоуправления как совокупности мероприятий:

- по стимулированию создания и функционирования общественных партнерских сетей промышленных предприятий, где по собственной воле объединяются субъекты деятельности в области промышленности (промышленные предприятия) для решения конкретных технологических и организационных задач производства конечного инновационного продукта, относящегося к приоритетам стратегического планирования государства;
- по формированию эффективной общественно — государственной сети организаций, входящих в состав инфраструктуры поддержки промышленности;
- по признанию единства органов государственной и муниципальной власти, участвующих в управлении промышленностью и промышленной политикой, чья деятельность пронизана однородностью и вертикальной обязанностью совместного решения стратегических задач промышленной политики;
- по формированию комплексной системы мер по стимулированию и поддержке промышленности, включающей в себя финансовую поддержку; информационно-консультационную поддержку; поддержку научно — технической деятель-

ности и инновационной деятельности в сфере промышленности; поддержку развития кадрового потенциала; поддержку внешнеэкономической деятельности и государственных и муниципальных преференций;

- по установлению стратегических задач и приоритетных направлений устойчивого развития промышленности, реализуемых исполнительными органами государственной власти всех уровней и местного самоуправления совместно с организациями, входящими в состав инфраструктуры поддержки промышленности (с публичным элементом в правосубъектности) и промышленными предприятиями.

Автор считает, что государственно-общественная форма публичного управления промышленностью выражается в создании и функционировании общественных партнерских сетей, которые обязательны в этом сегменте управления с точки зрения законодательства и являются базисом для решения конкретных задач промышленной политики и реализации приоритетных инновационных проектов. Законодательство формулирует несколько типов общественных партнерских сетей в системе публичного управления промышленностью. Один тип сети с сильно выраженным публичным элементом — это сеть организаций, входящих в состав инфраструктуры поддержки промышленности. Второй тип сети — без публичного элемента — это сеть промышленных предприятий, создаваемая для решения конкретных технологических и организационных задач производства конечного инновационного продукта, относящегося к приоритетам стратегического планирования государства. И существует публичная сеть в виде системы органов государственной и муниципальной власти по реализации задач стратегического планирования в области управления промышленностью.

Реализация государственно-общественной формы публичного управления про-

мышленностью, с авторской точки зрения, проходит в формате стратегического планирования и проектного управления. Во-первых, территориальные сети развития промышленности (промышленные кластеры, технопарки, индустриальные парки) рассматриваются государством как инновационные промышленные проекты с участием государства. Во-вторых, государством поддерживаются именно проекты совместной деятельности по производству промышленной инновационной продукции частных промышленных сетей (объединение предприятий). В-третьих, все мероприятия по поддержке субъектов в области промышленности осуществляются на основе документов стратегического планирования, принимаемых взаимообусловлено на всех уровнях власти.

Изменение государственных подходов к управлению промышленностью, применение методов из предпринимательской деятельности, опора государства на независимые предприятия частного сектора ведут к расширению методологической базы публичного управления в этой области. По нашему мнению, появляются новые методы управления, имеющие и правовое, и экономическое, и организационное обоснование: проектный метод; метод планирования стратегического управления отраслью промышленности; метод прогнозирования стратегического развития отрасли промышленности; метод общественного партнерства (кооперации).

В связи с изменением в подходах к публичному управлению, отраженному в действующем законодательстве в сфере государственного и муниципального управления, применяются новые методы в управлении — сетевые²⁵. Общественные и гуманитарные науки под «сетью» подразумевают социальную структуру, состоящую из узлов, которыми являются люди, организации и связи (взаимоотношения) между ними²⁶.

²³ III Ежегодный обзор «Технопарки России» — 2017. URL: <http://akitrf.ru/upload/o211217.pdf>

²⁴ Jenny M. Lewis, Lykke Margot Ricard, Erik Hans Klijn How innovation drivers, networking and leadership shape public sector innovation capacity // International Review of Administrative Article Sciences. 2018, Vol. 84(2). 288–307; Hanna de Vries, Lars Tummars, Victor Bekkers A stakeholder perspective on public sector innovation: why position matters // International Review of Administrative Sciences 2018, Vol. 84(2). 269–287; Victor Bekkers, Lars Tummars Innovation in the public sector: Towards an open and collaborative approach // International Review of Administrative Sciences 2018, Vol. 84(2). 209–213; Polya Katsamunsa Classical and Modern Approaches to Public Administration // Economic Alternatives, Issue 1, 2012. 74–81.

²⁵ Сетевые методы в государственном управлении / Л. В. Савин, С. Н. Федорченко, О. К. Шварц. М.: ООО «Сам полиграфист», 2015. С. 5–7.

²⁶ Там же. С. 15.

Представим мнение автора о характеристике сетей в публичном управлении в РФ, их видах и рисках и роли государства и участников сети в ее функционировании. Общественная регулируемая сеть позволяет реализовывать совместное управление между органами государственной (муниципальной) власти и частным сектором на интегративной основе (далее — общественная сеть). Интегративная основа представляет собой совокупность правовых регуляторов таких составляющих, как:

- доступности, производства и обмена информацией о партнерстве;
- имущества и финансов;
- фискальной политики;
- прибыли и социальных преимуществ;
- статуса участника общественной сети;
- миссии общественной сети.

Общественную сеть необходимо отличать от стихийной саморегулируемой сети, которая может организовываться и с позитивным социальным значением (объединение граждан для уборки мусора и т.п.), и с негативным социальным эффектом (сеть несанкционированных террористических организаций и т.п.).

Главным элементом всей сетевой модели управления является обмен информацией с максимальным расширением форм производства этой информации, доступа к ней, ее распределения и обратной связи. «Сеть» — это новое информационное пространство, в котором разворачиваются основные стратегические процессы, а также их медийное, дипломатическое, экономическое и техническое обеспечение²⁷. Сформированное на данных принципах информационное поле с соответствующим сопровождением и ресурсами порождает новую общественную сеть, деятельность которой координируется определенными лидерами.

Первоначальным импульсом к созданию общественной регулируемой сети является инициатива исполнительных органов государственной власти. Ее можно именовать

«стратегией start-up кооперации (сотрудничества)» разных социальных групп и кластеров негосударственного сектора и органов власти в отраслях экономики, технологий и социальных направлениях. Государство выстраивает модель правового регулирования каждой общественной сети, опираясь на предоставление участникам сети законодательной, финансовой, налоговой, имущественной и информационной поддержки. Лидерство в общественной регулируемой сети на начальном этапе координируется органами власти, так как активность населения и его волеизъявление к объединению изначально не высокая. Подобное недоверие граждан связано с существованием определенного количества рисков при вхождении в эту сеть, поэтому координация, внутриорганизационный контроль и поддержка развития сети исходит со стороны исполнительных органов государственной власти, органов местного самоуправления.

С расширением и стабилизацией функционирования общественной регулируемой сети внутриорганизационные связи и отношения по взаимодействию участников внутри сети регулируются самостоятельно субъектами сети. В любом случае общественная сеть испытывает на себе внешние и внутренние воздействия, которые представляют определенные угрозы для существования сети. Архитектура сети, по своему характеру и содержанию, достаточно нестабильная структура, и без поддержки государства общественная сеть вполне может распасться. Действие внешних и внутриорганизационных угроз ощущают все участники сети, вплоть до потери имущества у большинства ее участников. Это обусловлено коллективным характером сети, взаимной ответственностью участников и тесной взаимозависимостью от добросовестных действий друг друга. Только интегрированная платформа функционирования сети является залогом ее успешного существования. И здесь роль государства проявляется в реализации стра-

²⁷ Там же. С. 15.

тегической функции кооперации (сотрудничества), начиная от осмысления проекта сети и завершая мониторингом ее эффективности. Государство выступает стратегическим участником управленческой системы и стратегическим модератором общественных регулируемых сетей, в частности, поэтому оно не может выступать исключительно администратором публично-го управления и сервис менеджером.

Риски, которым подвергается сеть в течение всего своего существования, следует дифференцировать на внешние и внутриорганизационные.

К внешним рискам относятся:

- экономические риски (высокий уровень налогообложения, небольшой размер финансовой поддержки);
- риски логистики (хранение, перевозка, отсутствие складов надлежащего уровня и т.п.);
- риски взаимодействия с институтами частного сектора и иными общественными регулируемыми сетями (отсутствие достижения соглашений с крупными торговыми сетями при реализации продукции; неготовность перерабатывающих предприятий принять продукцию и т.п.);
- коррупционные риски;
- законодательные риски (пробелы и несогласованность правового регулирования и др.);
- кадровые риски (отсутствие необходимых компетенций у работников, достаточного количества сотрудников, современной системы подготовки кадров);
- информационные риски;
- производственные и технологические риски (низкая производительность труда, старая технологическая база, слабое внедрение инновационных технологий и сопротивление их внедрению);

- сырьевые риски (качество земельных ресурсов, семенная база и т.п.);
- административные барьеры (избыточный либо недостаточный контроль и т.п.).

Учитывая имеющиеся внешние риски, при функционировании общественной регулируемой сети государство обязательно участвует в этом процессе как стратегический участник сети со специальным автономным статусом, не обладающим правом участия в деятельности сети.

Внутриорганизационные риски могут быть связаны с отсутствием:

- компетентного лидерства в сети;
- надлежащего качества преодоления внутренних и внешних «вызовов»;
- отлаженной процедуры урегулирования внутренних взаимосвязей и структуры сети;
- эффективной обратной связи;
- конструктивной социальной миссией сети;
- результативной системы мотивации участников сети.

Классификация общественных сетей, их виды. Общественные регулируемые сети (носят общественно государственный характер, социально значимые и конструктивные, признаются государством). Можно классифицировать по отраслевой и функциональной направленности. Общественные нерегулируемые сети (стихийные) — не признаны государством, носящие, как правило, деструктивный социальный характер.

В совокупности все риски деятельности общественных регулируемых сетей и их ликвидация возлагаются на участников сети, поэтому даже усиленная роль государства в поддержке и координации деятельности сети может не сработать. Представим на примере сети сельскохозяйственной кооперации ситуацию ее возможного распада (рис. 1).

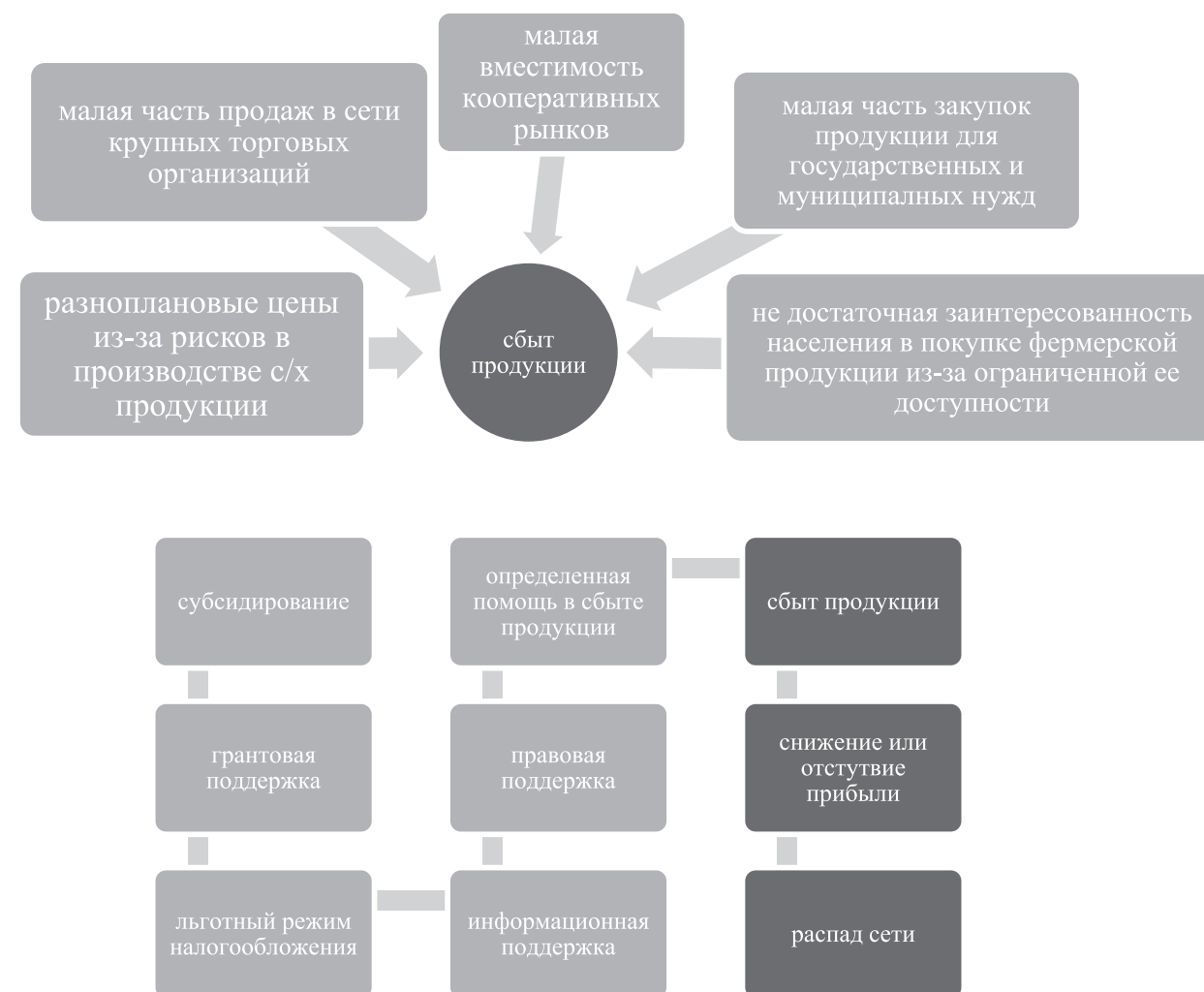

Рис. 1. Действие рисков общественной регулируемой сети.

Рассмотрев процесс возможного распада общественной регулируемой сети, отметим, что государство должно реагировать на запросы сетей и принимать отвечающие им законодательные и иные нормативные

правовые акты. В части функционирования общественных регулируемых сетей именно правовые акты выступают их главным инструментом координации и жизнеспособности.

Библиографический список

1. III Ежегодный обзор «Кластеры России» — 2017. URL: http://akitrf.ru/upload/iblock/633/63383_ea5dd_27629d5_c2a0cf7ff5ae53f.pdf
2. Представители из пятидесяти регионов России приехали в Липецк на научно — промышленную конференцию. URL: <http://lipetskmedia.ru/news/view/98726-Pryedstavityeli.html>
3. Сетецентрические методы в государственном управлении / Л. В. Савин, С. Н. Федорченко, О. К. Шварц. М.: ООО «Самполиграфист», 2015. С. 5–7.
4. Стариков Ю. Н. Правотворчество и правоприменение как основные формы «административно-правовой жизни» // Правотворчество и правоприменение: проблемы теории и практики. Сборник научных трудов (по материалам международной научно-практической конференции 28 марта 2008 года) / Под общ. ред. А. Д. Моисеева. Липецк: Изд-во «Институт ИТОУР», 2009. С. 131.

5. Hanna de Vries, Lars Tummers, Victor Bekkers A stakeholder perspective on public sector innovation: why position matters // *International Review of Administrative Sciences* 2018, Vol. 84(2). 269–287;
6. Jenny M. Lewis, Lykke Margot Ricard, Erik Hans Klijn How innovation drivers, networking and leadership shape public sector innovation capacity // *International Review of Administrative Article Sciences*. 2018, Vol. 84(2). 288–307
7. PolyaKatsamunsk Classical and Modern Approaches to Public Administration // *Economic Alternatives*, Issue 1, 2012. 74–81.
8. Victor Bekkers, Lars Tummers Innovation in the public sector: Towards an open and collaborative approach // *International Review of Administrative Sciences* 2018, Vol. 84(2). 209–213;

ТАМОЖЕННОЕ ПРАВО

Попова Елена Владимировна

Доцент кафедры «Таможенное дело и ВЭД» Московского социально-экономического института
E-mail: mseu@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ (ТАМОЖЕННОЕ ДЕЛО)¹

Аннотация.

Профессиональная социализация непосредственно связана с вопросами социализации и становления личности.

В статье сделана попытка исследовать некоторые проблемы профессиональной социализации студентов, обучающихся по специальностям экономической направленности, в частности по специальности «таможенное дело».

Автором показана необходимость взаимосвязи процесса обучения, производственной практики и рабочего процесса.

Для минимизации профессиональных рисков, сохранения интереса к специальности предложен ряд рекомендаций, направленных на профессиональную социализацию в процессе обучения в высшем учебном заведении, а также непосредственно в реализации полученных навыков.

Ключевые слова: социализация, профессиональная социализация, экономическая специальность, молодой специалист, высшее учебное заведение, производственная практика, профессиональная идентификация.

Popova Elena Vladimirovna

Associate Professor of the Department "Customs and Foreign Trade"
of the Moscow Socio-Economic Institute

E-mail: mseu@mail.ru

SOME PROBLEMS OF THE PROCESS OF PROFESSIONAL SOCIALIZATION OF STUDENTS LEARNING IN SPECIALTIES OF THE ECONOMIC DIRECTION (CUSTOMS)

Abstract.

Professional socialization is directly related to the issues of socialization and personal development.

The article attempts to explore some of the problems of professional socialization of students studying in the field of economic orientation, in particular in the specialty "customs".

¹ «Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №№ 16-06-00925 Теория и методика профессиональной социализации студентов, обучающихся по специальностям экономической направленности».

The author shows the need for the relationship of the learning process, practice and work process.

To minimize professional risks, maintain interest in the specialty, a number of recommendations aimed at professional socialization in the process of learning in higher education, as well as directly in the implementation of the skills.

Key words: socialization, professional socialization, economic specialty, young professional, high school, work experience, professional identity

Вся наша жизнь состоит из вопросов и ответов. Вопросы, которые мы задаем сами себе, наверное, чаще всего: «Быть как все?» или «Быть индивидуальным, оставаться самим собой»? С одной стороны два взаимоисключающих мотива, но, в то же время, именно это взаимоотрицание лежит в основе развития личности и ее социализации.

Социализация — это сложный процесс освоения человеком окружающей его реальности: с правилами, которые действуют в обществе, элементами культуры и духовными ценностями. Объективная оценка этих мотивов позволяет человеку адаптироваться и социализироваться в обществе как индивид.

Термин «социализация» стал использоваться в научных кругах лишь конца XIX века, когда социология начала оформляться в самостоятельную дисциплину. Этот термин упоминался в работах таких видных социологов, как Э. Дюркгейм, Г. Тард, М. Вебер и ряда других, однако родоначальником этого понятия считается американский социолог Э. Гиддингс. По его мнению, можно говорить о социализации и в случаях общения и освоения с миром ребенка, и в случаях возникновения симпатий при знакомстве и общении между собой уже взрослых людей, кроме того, социализация логически продолжает процесс «оценивания», «использования» и «характеризации».²

Современная же теория социализации исходит из научных трудов Г.Тарда, который считал что социализация это процесс «включение индивида в нацию (народ) путем достижения сходства в языке, образовании, воспитании с другими индивидами, со-

ставляющими общество»³. Он также одним из первых сопоставил освоение людьми общественных ценностей с процессами социального межличностного взаимодействия.

Социализация индивида находит свое отражение в его социальном статусе в обществе и процесс его социальной идентификации. Главным в этом процессе, конечно, является то общество, в котором проходит процесс роста индивида, ведь именно окружающие его социальные группы и является стимулом к его развитию (или же деградации).

Механизм действия социализации построен во времени, охватывая разные этапы жизни человека, начиная с малых групп и получения начальных знаний о мире, и продолжая на уровне больших групп, когда сфер общения о получения знаний и представлений становится все больше. И в том и в другом случае задействованы механизмы социализации, в качестве которых выступают семья, друзья, однокурсники, преподаватели, коллеги и работодатели, организации и компании.

Именно окружение зачастую влияет на выбор школы, института, профессии, будущего места работы.

Так, например, среди абитуриентов и студентов, имеющих достаточно высокий социальный статус, (который является, как правило, следствием высокого уровня дохода семьи, занятием определенных должностей родителями), считается обязательным получение образования в престижных высших учебных заведениях (далее, ВУЗах) страны. Кроме того, именно фактор дохода, определяет и выбор профессиональной на-

² О теории социализации Франклина Гиддингса [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». № 3 (май — июнь). URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/3/Lukovs_Theory-Socialization-Giddings [архивировано в WebCite]

³ Тард, Г. Законы подражания / Г. Тард. — М.: Академический проект, 2011..

правленности, который в настоящее время обусловлен не только социальными факторами, но и экономическими. Выбирая будущую профессию, кто-то руководствуется возможностью последующего успешного трудоустройства, кто-то оценивает наличия военной кафедры в ВУЗе или обязательного распределения, кто-то — делает выбор между отечественным и иностранным образованием.

В настоящее время специальность «таможенное дело» получает все большее распространение в силу следующих причин: закончив ВУЗ по такой специальности, выпускник получает квалификацию не бакалавра, а специалиста. Кроме того, в последнее время государственная служба приобретает все большую популярность среди молодых специалистов, и получение специальности «таможенное дело» дает возможность трудоустройства в таможенные органы.

Развиваясь и достигая определенного возраста, возникает необходимость в профессиональной социализации.

Профессиональная социализация строится на базовом восприятии индивида обществом, его роли в этом обществе — то есть социализации в целом, и тех профессиональных навыков, которые приобретаются в ходе получения профессии или специальности. Именно поэтому нельзя разделять эти два процесса или рассматривать их обособленно, самостоятельно друг от друга.

Более того, необходимо обратить особое внимание на место социализации в профессиональном развитии и адаптации личности, а именно на тот факт, что вопросы профессиональной социализации затрагивает три среды: студенческую, преподавательскую и среду работодателя. У каждого представителя своей среды свои функции, цели, источники развития, в то же время достижимый результат есть эффективное взаимодействие, построенное на феномене социализации как таковом.

Профессиональная социализация является одним из наиболее важных элементов вторичной социализации индивида, она по-

могает ему войти и адаптироваться в новой для него роли профессионала своего дела.

К особенностям профессиональной социализации можно отнести, во-первых, то, что этот процесс не ограничен временем. Человек растет и развивается всю жизнь, получая на каждом этапе своего развития разные навыки, умения и знания.

Во-вторых,— профессиональная социализация сопряжена с профессиональным самовоспитанием. Обращаясь к предыдущему тезису хотелось бы его скорректировать — человек растет и развивается всю жизнь при условии, что он сам предпринимает к этому определенные усилия. Очень сложно научить школьника, а тем более студента,— если он не хочет учиться.

В практике автора статьи были примеры студентов, которым очень сложно давались профессиональные предметы, попытка «вызубрить, заучить» — как правило, не давала результата. И одновременно были студенты, для которых процесс получения знаний и их восприятие позволяли «хватать на лету».

Профессиональная социализация является одним из важных элементов социализации индивида. На наш взгляд можно выделить две важных составляющих профессиональной социализации: получение профессионального опыта в определенной области знаний и получение опыта общения, знание делового этикета. При этом очень важно, что бы профессия приносила удовольствие ее заниматься, в этом случае происходит и социальный рост индивида, который позволяет ему не оглядываться на конкурентов. С точки зрения межличностных отношений в коллективе важны понятия взаимосвязи и взаимозаменяемости, как профессиональной, так и человеческой. Профессиональная взаимосвязь и взаимозаменяемость позволяют эффективней решать трудные задачи, дают осознание того, что всегда есть тот, с кем можно посоветоваться. Личностные отношения позволяют миновать психологические барьеры, обеспечить комплексные решения, которые будут способствовать развитию общего дела.

Ситуация которая сейчас складывается в экономической жизни страны накладывает на будущих специалистов в этой отрасли особые требования.

В реализации профессиональной социализации неизменно возникает процесс «социального ожидания», в котором можно выделить ожидание индивида и ожидание общества.

В ожиданиях индивида есть две цели — получение профессиональных навыков и умений, а также приобретение определенного социального статуса — должности, уровня доходов и жизни.

В зависимости от того, как расставлены приоритеты — мы получаем совершенный разный тип профессиональной социализации. При этом, разумеется нельзя забыть об обществе — которое, ожидает от индивида как профессиональных знаний и так и установление определенной роли в жизни общества.

Таким образом, структурно-функциональный подход в изучении феномена молодого специалиста должен быть рассмотрен с учетом профессиональных и межличностных отношений, в формальной и неформальной среде.

Профессиональная социализация — это, с одной стороны, процесс рождения индивида в профессиональную среду, овладение стандартами и ценностями профессионального сообщества, а с другой — процесс активной реализации накопленного профессионального опыта⁴.

То есть успешная профессиональная социализация студента — это не только успешное выполнение профессиональных трудовых обязанностей, но и неформальное взаимодействие людей, которое зачастую позволяет более глубоко овладеть профессиональными компетенциями. В качестве примера, можно привести результаты преддипломной практики студентов специальности «таможенное дело», которую они проходят как в государственных органах (та-

можнях), так и в коммерческих организациях являющихся таможенными представителями или транспортно-экспедиторскими компаниями. Полученные теоретические знания пропускаются через призму практики с учетом особенностей их применения на конкретном предприятии. В то же время необходимо отметить, что иногда не правильно выбранное место прохождения практики приводит к отторжению от профессии, так как студент получает отказ в помощи, профессиональном взаимодействии и возникает ситуация — «не мое место». Такие проблемы, к сожалению чаще всего возникают при прохождении практики в таможнях и на таможенных постах.

Как правило, профессиональные сообщества объединяют специалистов работающих в одной области, имеющих единую систему ценностей и социальных нормативов, и именно это делает процесс управления профессиональной социализацией одной из главных задач системы высшего образования.

Зачастую, именно социокультурная среда ВУЗа определяет то самое специфическое пространство, в котором происходит становление студента. Автор статьи, имея опыт и практику преподавания в различных учебных заведениях г. Москвы, обратил внимание, что зачастую именно ВУЗ в лице декана факультета, заведующих кафедрами, кураторов групп определяет психологическое состояние студента, которое сказывается на его желании учиться и обучаться, овладевать новыми навыками и стараться применить полученные навыки на практике. В тех ВУЗах, где взаимодействие указанных руководителей со студентами отсутствует или находится на минимальном уровне, студенты, как правило, достаточно несерьезно относятся к процессу овладения знаниями или не совсем делают попытки расширить студенческий минимум при прохождении практики.

Развивая компетентностный подход, руководители направлений в ВУЗах посто-

⁴ Перинская, Н. А. Социальная идентичность как результат профессиональной социализации / Н. А. Перинская. — М.: Социум, 1998. — С. 37.

янно расширяют объем знаний и умение использовать их для достижения профессиональных целей. Хорошо известно — мало знать, нужно понимать, как эти знания можно использовать. Поиск работы сопряжен с возможностью представить себя — молодого специалиста — конкурентоспособным, не только с точки зрения теоретических знаний, но и демонстрации своих практических навыков. Знания и умения — это средство развития личности специалиста, который должен уметь их создавать как в профессиональной деятельности, так и для ее развития.

Остановимся на ряде проблем, возникающих в процессе профессиональной социализации:

1. Проблема перехода от обучения к профессиональной деятельности с учетом изменения механизма регулирования социально-трудовых отношений. Обучение в ВУЗе предполагает, как правило, пятидневную учебную неделю, с посещением лекционных занятий, выполнением самостоятельных работ. Некоторая часть студентов делает попытку совмещать учебный процесс с работой, не всегда по специальности, а чаще в той отрасли, которая позволяет совмещать учебу и работу: предприятия обслуживания, курьерский компании. И в результате по окончании ВУЗа, когда молодые специалисты попадают в профессиональную среду, соответствующую направлению образования, возникает проблема адаптации. Достаточно высокие требования современного бизнеса и государственной службы вызывают неуверенность в своих силах, зачастую необоснованную низкую оценку своим знаниям.
2. Проблема несоответствия уровня образования и квалификации фактической работе молодых специалистов. Такие случаи зачастую вызваны отсутствием связи теории и практики в образовательном процессе. Сторонники классического образования считают, что при серьезной теоретической базе выпускник ВУЗа сможет легко войти в произ-

водственный процесс. Преподаватели, которые совмещают педагогическую деятельность с рабочим процессом, зачастую сталкиваются с проблемой применения студентами теоретических знаний в практике. Многие ВУЗы сейчас по пути использования в процессе обучения реальных кейсов, практических заданий, однако если эти кейсы не инкорпорированы в реальность, результативность их применения ничтожна.

3. Проблема восприятия общественных ценностей через потребительские запросы выражается зачастую, что студентом выбирается «модная, престижная» специальность, которая по их мнению может обеспечить высокий социальный статус, позволит получить высокие доходы. При этом не всегда дается оценка собственным способностям и навыкам.
4. Низкий мотивационный уровень студентов ВУЗов в профессиональной и трудовой деятельности.

Для устранения этих проблем и возможности более эффективного применения профессиональной социализации необходим комплексный подход, который должен в свою очередь включать следующие элементы:

1. Содействие в получении профессионального образования со стороны государства. Зачастую, будущий студент не может позволить себе оплачивать обучение в престижном ВУЗе, а количество бюджетных мест не всегда отражает реалии региона.
2. ВУЗами должна активнее реализовываться программы обучения предпринимательской деятельности, что бы работодатель был заинтересован в будущем выпускнике, так как он получает молодого специалиста с определенными практическими навыками.
3. Целесообразно разработать программу, предусматривающую квотирование рабочих мест, в частности для студентов с высоким уровнем знаний.

Это только некоторые шаги, которые бы позволили минимизировать риски профессиональной невостребованности или разочарования в профессии у молодых специалистов.

Профессионализация претерпевает как наиболее важный аспект процесса социализации в целом, потому что, по мере её прохождения, у индивида появляется четкое представление того, каким он хочет видеть себя в обществе, что для этого может сделать

и, таким образом, конструирует свой образ личности. А помочь ему в этом может выбор дальнейшей профессиональной деятельности, с помощью которой возможно получить удовлетворение, не только реализовав свой внутренний потенциал, но также и преобразовывая мир вокруг себя. Происходит распределение всистеме социальных и профессиональных связей, индивид утверждает себя в социальных структурах и идентифицирует себя в соответствии с ними.

Библиографический список

1. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N1662-р (ред. от 08.08.2009) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW; n=90601#0>
2. О теории социализации Франклина Гиддингса [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». № 3 (май — июнь). Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/3/Lukovs_Theory-Socialization-Giddings [архивировано в WebCite]
3. Перинская, Н. А. Социальная идентичность как результат профессиональной социализации / Н. А. Перинская. — М.: Социум, 1998. — С. 37.
4. Тард, Г. Законы подражания / Г. Тард. — М.: Академический проект, 2011.

Скрынченко Борис Леонидович

Профессор кафедры таможенного права и организации таможенного дела.
Юридический институт Российского университета транспорта (МИИТ),
кандидат экономических наук, профессор

E-mail: sbl-66@mail.ru

Мороз Владимир Дмитриевич

Доцент кафедры экономических теорий и военной экономики.
Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации (ФГКВУ ВО «Военный университет» МО РФ), кандидат исторических наук, доцент

E-mail: morozv.vladimir@rambler.ru

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ И ЕЕ РОЛЬ В ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ, КАК МЕХАНИЗМ УСКОРЕНИЯ ТАМОЖЕННОГО ОФОРМЛЕНИЯ И ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ

Аннотация: Предмет исследования: система управления рисками.

Целью настоящей статьи является проведение анализа системы управления рисками и определение её роли в организации работы таможенных органов как механизма ускорения таможенного оформления и повышения качества таможенного контроля.

Методологию исследования составили сравнительный, формально-юридический, аналитический методы, системный подход.

В работе, на основе обобщения системы управления рисками, проведен анализ системы управления рисками в организации работы таможенных органов, а также рассмотрены основные составные части системы управления рисками. Сделан вывод о том, что в целях обеспечения проведения качественной таможенной политики и принятия рациональных и своевременных управленческих решений следует выбирать более эффективные подходы к управлению таможенными рисками.

Выводы исследования могут быть использованы в организации работы таможенных органов, а также для совершенствования механизма ускорения таможенного оформления и повышения качества таможенного контроля.

Ключевые слова: риск, таможенный риск, товары, таможенный контроль, система управления рисками, ущерб.

Skrynchenko Boris Leonidovich

Professor of customs law and customs Affairs. Law Institute of the Russian University of transport (MIIT), Candidate of economic Sciences, Professor

E-mail: sbl-66@mail.ru

Moroz Vladimir Dmitrievich

Docent of the Department of economic theories and military economy. Federal state military educational institution of higher professional education «Military University» of the Ministry

of defence of the Russian Federation (FGKVOU VO «Military University» Ministry of defense of the Russian Federation), Candidate of historical Sciences, associate Professor

E-mail: morozv.vladimir@rambler.ru

THE RISK MANAGEMENT SYSTEM AND ITS ROLE IN ORGANIZING THE WORK OF THE CUSTOMS AUTHORITIES, AS A MECHANISM TO SPEED UP CUSTOMS CLEARANCE AND IMPROVE THE QUALITY OF CUSTOMS CONTROL

Abstract. Subject of research: risk management system.

The purpose of this article is to analyze the risk management system and determine its role in the organization of the customs authorities as a mechanism to accelerate customs clearance and improve the quality of customs control.

The methodology of the study was comparative, formal-legal, analytical methods, systematic approach.

In the work, on the basis of generalization of risk management system, the analysis of risk management system in the organization of work of customs authorities, and also considered the main components of the risk management system. It is concluded that in order to ensure the implementation of quality customs policy and rational and timely management decisions should choose more effective approaches to the management of customs risks.

The findings of the study can be used in the organization of the work of customs authorities, as well as to improve the mechanism of acceleration of customs clearance and improve the quality of customs control.

Keywords: risk, customs risk, goods, customs control, risk management system, damage.

В первую очередь следует отметить, что проблемы, которые касались управления рисков, подробно рассматривались как на территории постсоветского пространства, так и за рубежом. Данным вопросом занимались многие российские и зарубежные ученые и эксперты, которые много внимания уделяли отдельным аспектам управления риском. Исследования в области рисков заложили концептуальный фундамент общей теории оценки рисков. Развитие теории управления рисками шло по пути развития предметных областей. В России управление рисками применяется чаще всего в коммерческой сфере для минимизации возможного ущерба.

Внешнеэкономическая политика России направлена на интеграцию с мировой экономикой. Российская Федерация принимает усилия для включения в международную торговлю и международное разделение

труда, при этом соблюдая условия соблюдения юридических и правовых требований международного и национального законодательства. По этой причине в системе органов государственного управления внешнеэкономической деятельностью таможенной службе отводится ключевая роль в регулировании внешней торговли страны как наиболее динамично развивающейся структуре, своевременно и качественно обслуживающей участников ВЭД.¹

Эффективным механизмом таможенного контроля является система управления рисками — как приоритетное направление деятельности таможенных органов. В Концепции системы управления рисками в таможенной службе РФ таможенным риском называется вероятность несоблюдения таможенного законодательства.

Таким образом, таможенный риск представляется сочетанием вероятности нару-

¹ Бойко А. П. Совершенствование управления таможенным контролем с учетом факторов риска: Автореферат дис. к.э.н. — М., 2008.

шения таможенного законодательства и как следствие отрицательные последствия.

В первую очередь следует отметить, что проблемы, которые касались управления рисков, подробно рассматривались как на территории постсоветского пространства, так и за рубежом. Данным вопросом занимались многие российские и зарубежные ученые и эксперты, которые много внимания уделяли отдельным аспектам управления риском. В России управление рисками нашло применение прежде всего в коммерческой сфере для минимизации возможного ущерба.

Существует огромное количество рисков. Перемещение товаров через таможенную границу влечёт за собой огромное количество рисков.

Во-первых, это недостоверное декларирование с целью занижения суммы уплаченных пошлин. Например, импортер может неверно указать страну происхождения товара и получить определённые преференции.

Во-вторых, в товаре может быть спрятана контрабанда. Нарушители таможенных законов могут перевозить наркотические препараты, оружие и боеприпасы, запрещенную литературу и многое другое.

В-третьих, участники внешнеэкономической деятельности могут вывозить предметы искусства и исторического наследия, выдавая их за копии. Это лишь немногие риски из всех возможных, но и они уже могут нанести значительный вред экономической безопасности государства.

Российская Федерация принимает усилия для включения в международную торговлю и международное разделение труда, при этом соблюдая условия международного и национального законодательства.

В 2014–2015 существенно сократился товарооборот, в связи с санкциями государств Европейского Союза, Северной Америки и многих других стран. Тем не менее,

в данное время темпы товарооборота практически восстановлены и к тому же увеличиваются за счет торговли со странами Азии. В связи с этим, одной из главных проблем в организации работы таможенных органов государства является получение таможенных платежей не в должном объёме, так как увеличивается возможность пересечения таможенной границы контрабандных или недостоверно декларированных товаров.

Принимая это во внимание, перед таможенной службой России появилась необходимость применения существующей системы управления рисками как механизма эффективной организации таможенного контроля.

Основу системы управления рисками составляют ряд базовых принципов призванных, обеспечить решение возложенных задач на таможенную службу:

- принцип целевой направленности,
- принцип целостности;
- принцип информационного единства;
- принцип законности;
- принцип единства управления рисками.

Руководство вышеизложенными принципами позволит таможенным органам:

- сосредоточить внимание на наиболее важных и приоритетных направлениях работы;
- увеличить возможности по выявлению и прогнозированию нарушений таможенного законодательства РФ;
- оказать благоприятные условия лицам, осуществляющим внешнеэкономическую деятельность;
- ускорить перемещение товаров и транспортных средств через таможенную границу РФ.
- сформировать единое информационное обеспечение функциональных подсистем управления рисками.²

² Стратегия развития таможенных органов РФ до 2020 года» Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2012 г. № 2575-р.— [Электронный ресурс] — Официальный сайт ФТС России — URL: http://www.customs.ru/index.php?id=17220&Itemid=2375&option=com_content&view=article (дата обращения 08.06.2016).

Одним из основных принципов данной системы является принцип выборочности при организации проведения таможенного контроля. При реализации данного принципа, сокращается количество таможенных досмотров. Проведение досмотров целесообразно только при срабатывании профилей риска, прямыми мерами, по минимизации которых определен таможенный досмотр, либо по заявлению декларанта, когда участникам внешней торговли нужно идентифицировать получаемые ими товары.

Основные составные части системы управления рисками представлены на рисунке 1.

Исходя из вышеизложенного, в РФ в настоящий момент времени в профилях риска числятся более 55% импортируемых товаров.

Следует заметить, что существуют значительные отличия между региональными таможенными управлениями, а именно между особенностями их деятельности благодаря масштабам территории России. Данная особенность системы ФТС доставляет определённые трудности при централизованном управлении и анализе внешней торговли.

Рисунок 1. Основные составные части системы управления рисками.³

Анализируя данные по отечественному и зарубежному опыту, мы можем прийти к выводу, что уровень надежности проведения таможенного контроля в России не настолько высок, чем в Соединённых Штатах Америки и странах Европейского Союза. Поэтому увеличение количества

проверок не в состоянии обеспечить достаточный рост надежности проведения таможенного контроля.⁴

Следовательно, в целях обеспечения проведения качественной таможенной политики и принятия рациональных и своевременных управленческих решений следует

³ Приказ ГТК РФ от 26.09.2003 № 1069. Об утверждении Концепции системы управления рисками в таможенной службе Российской Федерации [Электронный ресурс].— Режим доступа: // www.tks.ru/news/law/2003/10/06/0007, свободный. Яз.рус. (дата обращения 01.02.2012).

⁴ Некрасов В. А. Совершенствование управления таможенными процессами посредством использования системы анализа и управления рисками // Вестник КРСУ.— Бишкек: Кыргызско-Российский Славянский университет.— 2011.— Т. 11.— № 2.

выбирать более эффективные подходы к управлению таможенными рисками. Экспертам и научным деятелям следует разрабатывать новые усовершенствованные модели системы управления рисками, которые позволят минимизировать риски и оптимизировать проведение таможенного контроля.

Библиографический список

1. Приказ ГТК РФ от 26.09.2003 № 1069. Об утверждении Концепции системы управления рисками в таможенной службе Российской Федерации [Электронный ресурс].— Режим доступа: // www.tks.ru/news/law/2003/10/06/0007, свободный. Яз.рус. (дата обращения 01.02.2012).
2. Стратегия развития таможенных органов РФ до 2020 года» Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2012 г. № 2575-р.— [Электронный ресурс] — Официальный сайт ФТС России — URL: http://www.customs.ru/index.php?id=17220&Itemid=2375&option=com_content&view=article (дата обращения 08.06.2016).
3. Некрасов В. А. Совершенствование управления таможенными процессами посредством использования системы анализа и управления рисками // Вестник КРСУ.— Бишкек: Кыргызско-Российский Славянский университет.— 2011.— Т. 11.— № 2.— С. 165.
4. Бойко А. П. Совершенствование управления таможенным контролем с учетом факторов риска: Автореферат дис...к.э.н.— М., 2008.— 36 с.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Карташов Игорь Игоревич

*Доцент кафедры уголовно-процессуального права Центрального филиала
Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук*

E-mail: iik_vrn@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ НА ОСНОВЕ ЦИФРОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация.

Предмет исследования: особенности формирования доказательств по уголовному делу на основе цифровой информации.

Целью настоящей статьи является анализ некоторых проблем, возникающих в процессе доказывания по уголовным делам при использовании цифровой информации в условиях активного развития цифровой среды.

Методологию исследования составили сравнительный, формально-юридический, системный методы.

В работе рассматриваются теоретические и практические вопросы формирования доказательств по уголовному делу на основе цифровой информации, полученной, как в ходе производства следственных действий, так и проведения оперативно-розыскных мероприятий. Автор акцентирует внимание на наиболее значимых, по его мнению, проблемах, возникающих в данной сфере и предлагает возможные пути их решения.

Выводы исследования могут быть использованы для совершенствования нормативной правовой регламентации доказывания по уголовным делам, а также в дальнейших научных исследованиях по рассматриваемой проблематике.

Ключевые слова: цифровая информация, доказательства, уголовное судопроизводство, оперативно-розыскная деятельность, расследование преступлений.

Kartashov Igor I.

*Associate Professor of criminal law and procedure the Russian State University of Justice
(Central Branch), Russia, Voronezh (FGBOUVO DF), PhD In law*

E-mail: iik_vrn@mail.ru

PROBLEMS OF FORMATION OF EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS ON THE BASIS OF DIGITAL INFORMATION

Abstract.

Subject of research: features of the formation of evidence in a criminal case based on digital information.

The purpose of this article is to analyze some problems arising in the process of proving criminal cases when using digital information in the conditions of active development of the digital environment.

The research methodology consisted of comparative, formal legal, systemic methods.

The paper examines the theoretical and practical issues of the formation of evidence in a criminal case based on digital information obtained both in the course of investigative actions and the conduct of operational-search measures. The author focuses on the most significant, in his opinion, the problems arising in this area and suggests possible solutions.

The findings of the study can be used to improve the regulatory legal regulation of evidence in criminal cases, as well as in further research on the issues at hand.

Key words: digital information, evidence, criminal proceedings, operational and investigative activities, crime investigation

Развитие средств и технологий обработки, передачи, хранения информации существенным образом влияет на жизнь человека. Не осталось в стороне от происходящих изменений и уголовное судопроизводство. Все чаще в ходе расследования уголовных дел следователи сталкиваются с необходимостью использовать в доказывании информации, хранящейся в цифровом виде. Между тем и в законодательстве, и в теории уголовного процесса отсутствует единство терминологии относительно рассматриваемых вопросов. Анализ научных работ изобилует многообразием применяемой терминологии: «машинная информация»¹, «компьютерная информация»², «электронно-цифровой объект»³, «цифровая информация»⁴. Отсутствует единство в подходе и у законодателя. Так, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» оперирует понятием «компьютерная информация» (ст. 6), не раскрывая его содержания. Уголовно-процессуальный кодекс РФ использует термин «электронный носитель информации» (п. 5 ч. 2 ст. 82 УПК РФ), несмотря на то, что для доказывания имеет значение непосредственно информация, со-

держащаяся на носителе, а не сам носитель как объект материального мира⁵.

В этой связи нам импонирует «технологический» подход авторов, предлагающих использовать термин «цифровая информация, то есть информация зафиксированная на машинных носителях, или передаваемая в пространстве в виде дискретных сигналов — вне зависимости от их физической природы»⁶.

Однако, несогласованность терминологии не самая большая проблема в формировании доказательств на основе цифровой информации. Полагаем, что отсутствие в уголовно-процессуальном законе указания на процедуру ее получения создает еще большие трудности. Традиционно принято считать, что получить цифровую информацию в рамках расследования уголовного дела можно посредством производства таких следственных действий как осмотр, обыск и выемка⁷.

Отметим, что следователь не всегда имеет дело непосредственно с физическим «электронным носителем информации» в том понимании, которое содержится в УПК РФ.

Особенностью функционирования информационных телекоммуникационных сетей является то обстоятельство, что получить информацию, имеющую значение для уголовного дела, можно и не имея физического доступа к конкретному физическому носителю и даже не зная его точного пространственного местоположения. В частности, речь идет об использовании «облачных хранилищ», когда данные хранятся и обрабатываются в так называемом «облаке», которое представляет собой, с точки зрения клиента, один большой виртуальный сервер. Физически же такие серверы могут располагаться удаленно друг от друга географически, вплоть до расположения на разных континентах.

Для получения информации из таких источников некоторыми авторами предлагается проводить «обыск посредством удаленного доступа»⁸. На наш взгляд, такое решение обладает существенными недостатками. Обыск в классическом его понимании подразумевает обнаружение и последующее изъятие предметов, документов и ценностей, имеющих значение для уголовного дела (ст. 182 УПК РФ). Тогда как, «обыск посредством удаленного доступа» позволяет лишь получить копию обнаруженной информации. Кроме того, технология такого действия предполагает использование специальных программно-аппаратных средств не только для обнаружения и закрепления (копирования) информации, но и для получения доступа к ней (обход или взлом паролей), что приводит к модификации исходных данных. Указанное обстоятельство ставит под сомнение возможность дальнейшего использования такой информации в качестве доказательств.

Во-вторых, цифровая информация может храниться на физическом носителе вне юрисдикции Российской Федерации. Между тем, в соответствии со ст. 2 УПК РФ действие уголовно-процессуального закона ограни-

чивается территорией РФ, исключение составляют лишь случаи, предусмотренные ст. 12 УК РФ. В связи с чем возникает резонный вопрос: на сколько закономерно получение в процессе расследования информации, хранящейся на носителе, расположенном за пределами государства, посредством использования удаленного доступа? Полагаем, что при буквальном толковании закона мы приходим к отрицательному ответу, поскольку юрисдикция российских органов расследования не распространяется на территорию иностранных государств.

Существенное значение для доказывания зачастую имеет не только информация, хранящаяся на тех или иных серверах, но и передающаяся по информационно-телекоммуникационным сетям в режиме on-line, в частности, сообщения электронной почты, переписка в разного рода мессенджерах, IP-телефония, общение в сетевых форумах и т.д. Однако, имеющиеся в УПК РФ нормы ст.ст. 185, 186, 186.1 УПК РФ не дают органам предварительного расследования получить соответствующую информацию посредством проведения следственных действий. В связи с чем, в научной литературе можно встретить предложения о введении в УПК РФ такого следственного действия, как наложение ареста на электронно-почтовую корреспонденцию⁹. В целом поддерживая указанный подход, полагаем, что данное следственное действие не должно ограничиваться лишь электронно-почтовой корреспонденцией, а распространяться на получение всех видов электронной информации, циркулирующей в инфотелекоммуникационных системах, содержащей сведения, имеющие значение для уголовного дела.

Получение цифровой информации сопряжено с определенными трудностями и в случаях, когда следователь имеет непосредственный доступ к носителю такой информации. Следует констатировать, что стала привычной практика изъятия в ходе произ-

¹ Вехов В.Б. Криминалистическая характеристика и совершенствование практики расследования и предупреждения преступлений, совершаемых с использованием средств компьютерной техники: дис. ... канд. юрид. наук. — Волгоград, 1995. — 282с.

² Зигура Н.А. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. — 234 с.

³ Мещеряков В.А. Электронные цифровые объекты в уголовном процессе и криминалистике // Воронежские криминалистические чтения: сб. науч. тр. Вып.5. — Воронеж, 2014. — С. 153-169.

⁴ Иванов Н.А. Цифровая информация в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2013. № 5 (10). — С. 93-102.

⁵ Карташов И.И. «Цифровые доказательства» в уголовном процессе // Центральный научный вестник. 2016. Т. 1. № 5. С. 23-25

⁶ Иванов Н.А. Цифровая информация в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2013. № 5 (10). — С. 97.

⁷ Мещеряков В.А., Трухачев В.В. Формирование доказательств на основе электронной цифровой информации // Вестник Воронежского института МВД России. 2012. № 2. — С. 108.

⁸ Иванов А.Н. Удаленное исследование компьютерной информации: уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы // Известия Саратовского университета. Сер. Экономика. Управление. Право. 2009. № 2. — С. 75.

⁹ Усов А.И. Концептуальные основы судебно-компьютерно-технической экспертизы: автореф. Дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2002. — С. 14.

водства следственных действий различных средств коммуникации (смартфонов, планшетных компьютеров и т.п.) с последующим направлением их для проведения компьютерно-технической экспертизы. Отметим, что современные программно-аппаратные средства с успехом обходят установленные на средствах коммуникации пароли, и открывают доступ ко всей хранящейся на них информации. Если технический аспект таких действий не вызывает вопросов, то правовой порождает множество. Главный из них: не является ли такой порядок получения информации нарушением конституционных прав и интересов гражданина, поскольку осуществляется в отсутствие разрешения суда? Нам могут возразить, что для производства экспертизы его и не требуется. Это, безусловно, так. Но в памяти смартфона зачастую хранится значительное количество разнообразной информации о частной жизни его владельца, в том числе электронная переписка, сведения о телефонных переговорах и т.д. А не защиту ли тайны данных сведений декларирует Конституция РФ (ст. 23)?

С одной стороны законодатель признает производство такого следственного действия, как получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, ограничивающим конституционные права граждан (ст. 186.1 УПК РФ). При том, что в ходе его производства органы расследования получают лишь информацию о дате, времени и продолжительности соединения, тогда как содержание разговора или текстового сообщения остается недоступной.

С другой стороны в ходе производства компьютерно-технической экспертизы открывается доступ не только к информации о соединениях владельца устройства, но и содержание SMS-переписки, голосовым сообщениям, не говоря о фото- и видеозаписях, геопозиционировании и т.д. Однако, никакого судебного разрешения в данном случае не требуется.

Производство следственных действий — не единственный способ получения цифровых данных для целей уголовного судопроизводства, а в условиях пробельности уголовно-процессуального закона, о которых мы говорили выше, он еще и не основной.

Как показывает анализ судебно-следственной практики, основным «поставщиком» цифровых данных для обеспечения интересов расследования на сегодняшний день стала оперативно-розыскная деятельность (далее — ОРД)¹⁰. Не вдаваясь в полемику о месте результатов ОРД в уголовном процессе и их соотношении с доказательствами, отметим, что цифровые данные, полученные в процессе оперативно-розыскной деятельности в последующем без каких-либо изменений их содержательной части встраиваются в систему доказательств по уголовному делу.

Полагаем, что возможностей получения цифровых данных у оперативно-розыскного органа (далее — ОРО) много больше, чем у следователя. Во-первых, ОРО не связан процессуальной формой получения доказательств. Во-вторых, законодатель дал субъектам ОРД возможность самостоятельной трактовки содержания тех или иных оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ), установив лишь минимум требований в виде оснований и условий их проведения. Тем более, что и они сформулированы в самом общем виде.

Внесение изменений в ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» в 2016 году еще больше расширили возможности субъектов ОРД по получению цифровых данных. Видимо, введение нового ОРМ «получение компьютерной информации» по мнению законодателя должно было придать этой процедуре больше легальности, разграничив с другими мероприятиями (наблюдение, снятие информации с технических каналов связи). Получение компьютерной информации, наряду с такими ОРМ, как контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных

сообщений, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, относится к разряду оперативно-технических, что обуславливается положением ч. 4 ст. 6 ФЗ об ОРД. Полагаем, что это обстоятельство обуславливает возможность проведения названных мероприятий исключительно силами оперативно-технических подразделений федеральной службы безопасности и органов внутренних дел.

На практике проведение перечисленных оперативно-розыскных мероприятий осуществляется только при наличии соответствующего судебного разрешения, поскольку все они ограничивают конституционные права человека и гражданина или потенциально могут повлечь такое ограничение.

С учетом сказанного, вернемся вновь к вопросу получения цифровой информации из памяти смартфона (иного устройства коммуникации), изъятого у лица. Имея физический доступ к устройству, оперативный сотрудник (следователь, специалист, эксперт)

может получить не только информацию, хранящейся в самом устройстве, но и находящуюся в иных местах (например, облачных хранилищах). При этом в отсутствие смартфона, изъятого у лица, получения этой информации было бы возможно только посредством проведения ОРМ, требующего судебного санкционирования.

Такой подход представляется нам нелогичным и непоследовательным. В связи с чем полагаем, что в случае, когда телекоммуникационное средство или его носитель информации изымается в ходе производства следственного действия, оперативно-розыскного мероприятия, производимого без судебного решения, то для производства последующих манипуляций с цифровыми данными, содержащимися в его памяти необходимо соответствующее разрешение суда.

Необходимо перейти от декларирования соблюдения конституционных прав человека и гражданина к их реальному соблюдению, несмотря на трудности, которые это добавит оперативным и следственным органам.

Библиографический список

1. Вехов В. Б. Криминалистическая характеристика и совершенствование практики расследования и предупреждения преступлений, совершаемых с использованием средств компьютерной техники: дис. ... канд. юрид. наук. — Волгоград, 1995. — 282с.
2. Зигура Н. А. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. — 234 с.
3. Мещеряков В. А. Электронные цифровые объекты в уголовном процессе и криминалистике // Воронежские криминалистические чтения: сб. науч. тр. Вып.5. — Воронеж, 2014. — С. 153-169.
4. Иванов Н. А. Цифровая информация в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2013. № 5 (10). — С. 93-102.
5. Карташов И. И. «Цифровые доказательства» в уголовном процессе // Центральный научный вестник. 2016. Т. 1. № S15. С. 23-25.
6. Мещеряков В. А., Трухачев В. В. Формирование доказательств на основе электронной цифровой информации // Вестник Воронежского института МВД России. 2012. № 2. — С. 108-110.
7. Иванов А. Н. Удаленное исследование компьютерной информации: уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы // Известия Саратовского университета. Сер. Экономика. Управление. Право. 2009. № 2. — С. 74-77.
8. Усов А. И. Концептуальные основы судебно-компьютерно-технической экспертизы: автореф. Дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2002. — 41с.
9. Дядченко А. А., Карташов И. И. Проблемы представления результатов оперативно-розыскной деятельности для использования в процессе доказывания // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 1. С. 186-191.

¹⁰ Дядченко А. А., Карташов И. И. Проблемы представления результатов оперативно-розыскной деятельности для использования в процессе доказывания // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 1. С. 186-191.

Корнилов Алексей Радионович

Доцент кафедры теории государства и права, международного и европейского права
Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: magelan7@mail.ru

Кудряшов Эдуард Евгеньевич

Начальник кафедры административного права и административной деятельности
Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук.

E-mail: kudner@mail.ru

Кутякин Сергей Алексеевич

Профессор кафедры административного права и административной деятельности
Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

E-mail: kutiakin@yandex.ru

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ И МЕРЫ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КРИМИНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ОСУЖДЕННЫХ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ**

Аннотация.

Статья посвящена изучению современных проблем уголовно-правовой квалификации деятельности криминальной организации осужденных в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы России. Авторы приходят к выводу о том, что наличие организационно-управленческих структур криминальной организации осужденных выражается в создании и общем руководстве ворами «в законе» институтом «смотрящих» в местах лишения свободы. Криминальная организация осужденных относится к категории формальных составов преступления. Для организаторов («воров» и «авторитетов») оно будет окончательным с момента создания преступного объединения, для непосредственных руководителей («смотрящих») — с момента принятия на себя руководящих функций. По мнению авторов, наиболее перспективное направление противодействия криминальной организации осужденных заключается в выработке механизма трансформации формальных по своей сути методов исполнения уголовного наказания в неформальные методы воздействия на сознательно-мотивационную сферу осужденных и идеологическую природу их криминальной организации.

Ключевые слова: воры «в законе»; исправительные учреждения; криминальная организация; организованная преступность; противодействие криминальной организации осужденных; «смотрящие»; уголовно-правовая квалификация.

Kornilov Alexey R.

Associate Professor of the Department of Theory of State and Law, International and European
Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia,
candidate of jurisprudence, associate professor

E-mail: magelan7@mail.ru

Kudryashov Eduard E.

Head of the Department of Administrative Law and Administrative Activity
of the Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named
after V. Ya. Kikotya, candidate of jurisprudence

E-mail: kudner@mail.ru

Kutyakin Sergey A.

Professor of the Department of Administrative law and administrative activities of the Ryazan branch
Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named after V. Ya. Kikotya, candidate of
jurisprudence, associate professor

E-mail: kutiakin@yandex.ru

**CRIMINALLY-LEGAL QUALIFICATION AND MEASURES
OF COUNTERACTION TO THE CRIMINAL ORGANIZATION
OF CONVICTS IN CORRECTIONAL FACILITIES OF THE CRIMINAL
EXECUTIVE SYSTEM OF RUSSIA**

Abstract.

The article is devoted to the study of modern problems of the criminal legal qualification of the activity of the criminal organization of convicts in correctional institutions of the criminal-executive system of Russia. The authors come to the conclusion that the existence of organizational and managerial structures of the criminal organization of convicts is expressed in the creation and overall management of thieves “in law” by the institution “watching” in places of deprivation of liberty. The criminal organization of convicts belongs to the category of formal elements of a crime. For organizers (“thieves” and “authorities”) it will be over from the moment of creation of a criminal association, for immediate leaders («watching») — from the moment of assuming the leading functions. According to the authors, the most promising direction of countering the criminal organization of convicted persons is to develop a mechanism for transforming formal methods of criminal punishment into informal methods of influencing the conscious and motivational sphere of convicts and the ideological nature of their criminal organization.

Key words: thieves «in the law»; correctional facilities; criminal organization; organized crime; counteraction to the criminal organization of convicts; «Looking»; criminally-legal qualification.

Согласно постановлению Пленума Верховного суда Российской Федерации под преступной организацией следует понимать объединение организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп, созданных для совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений¹. Для данной формы организованной преступности характерно сочетание в различной совокупности таких признаков, как наличие организационно-управленческих структур, общей матери-

ально-финансовой базы, образованной, в том числе, из взносов от преступной и иной деятельности, иерархии, дисциплины, установленных ими правил взаимоотношений и поведения участников преступного сообщества. По сути, эти признаки, присущи и криминальной организации осужденных в местах лишения свободы России². Наличие организационно-управленческих структур криминальной организации осужденных выражается в создании и общем руководстве ворами «в законе» институтом «смотрящих»

¹ См.: О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации): постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 10 июня 2008 г. № 8 // Рос. газ. 2008. 18 июня.

² Кутякин С. А. Современная парадигма криминальной организации (самоорганизации) и криминального менеджмента в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы России // Человек: преступление и наказание. 2013. № 4. С. 9–12.

в местах лишения свободы³. Общая материально-финансовая база криминальной организации осужденных проявляет себя в виде формируемых в местах лишения свободы «воровских» и «общезоновских общаков»⁴. Иерархическое построение и дисциплина являются неотъемлемыми качествами криминальной организации осужденных, обусловленными отношениями власти и подчинения, существующими между ее руководителями и рядовыми участниками. В основе установленных правил взаимоотношения и поведения участников криминальной организации осужденных лежат неформальные нормы — «понятия»⁵.

Под структурным подразделением криминальной организации в соответствии с ч. 1 ст. 210 УК РФ следует понимать входящую в нее функционально обособленную группу под руководством «смотрящего» за объектом или направлением деятельности (за отрядом, за «общаком», за промзоной и т.д.). Такие группы могут совершать как отдельные преступления (убийства, дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, взятничество, побеги, вымогательство, кражи, мошенничество, подделку документов и т.п.), так и выполнять функции по обеспечению криминальной организации финансами, материальными ресурсами, информацией, силовой поддержкой⁶.

Действия руководителей криминальной организации осужденных в масштабах всего исправительного учреждения в лице воров «в законе», «положенцев», «смотрящих» за «зоной» и других равнозначных им лидеров, выполняющих координирующую функцию, подпадают под уголовно-правовую квалификацию по ч. 1 ст. 210 УК РФ. Постановле-

ние Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2008 года разъясняет, что под объединением организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп следует понимать группу, созданную в целях координации преступных действий различных самостоятельно действующих организованных групп, разработки совместных планов для совершения тяжких и особо тяжких преступлений, распределения сфер преступной деятельности между группировками, создания устойчивых связей с руководителями или иными представителями других организованных преступных групп и т.п. Под это определение подпадают не только лидеры и активные члены криминальной организации осужденных внутри исправительного учреждения, но и возглавляемые «ворами» и другими «авторитетами» группы преступников, осуществляющие общее руководство и координирующие деятельность криминальной организации осужденных в масштабах региона или нескольких исправительных учреждений. Этим криминальным структурам подчиняются «смотрящие» за исправительными учреждениями. Помимо лидеров, в состав таких объединений входят иные представители организованных групп, в том числе лица, отвечающие за хранение и распределение финансовых средств, и другие лица, уполномоченные на это руководителями организованных групп⁷.

Действие ст. 210 УК РФ распространяется и на рядовых участников криминальной организации осужденных. Исходя из смысла постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2008 г. под участием в преступной организации следует понимать принятие на себя обязательств по выполнению поставленных перед этим преступным сообществом задач по совершению тяжких или

особо тяжких преступлений, а также непосредственное участие в решении указанных задач. В то же время участие в преступной организации может выражаться в выполнении функциональных обязанностей по обеспечению ее деятельности (материальное обеспечение, финансирование, поддержание организационного единства, информационное обеспечение, ведение документации и т.п.). Уголовная ответственность за участие в преступной организации наступает с момента вступления лица в члены этого преступного сообщества, принятия на себя определенных обязательств и функциональных обязанностей либо с момента фактического участия в совещании («сходке») организаторов, руководителей или иных представителей преступной организации.

Уголовная ответственность для лидеров и организаторов криминальной организации осужденных должна наступать и в тех случаях, когда они непосредственно не участвовали в исполнении конкретных преступлений (за исключением состава преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ), совершенных другими участниками криминальной организации. Это обусловлено тем, что их умыслом охватывалось совершение этих преступлений. Криминальная организация осужденных относится к категории формальных составов преступления. Для организаторов («воров» и «авторитетов») оно будет окончено с момента создания преступного объединения, для непосредственных руководителей («смотрящих») — с момента принятия на себя руководящих функций.

Учитывая специфику неформальных правовых норм, регламентирующих деятельность криминальной организации осужденных как преступной организации, нельзя обойти вниманием тот факт, что часть из них направлены на противодействие уголовному преследованию, представляющее собой одну из мотивационных основ возникновения криминальной организации осужденных в местах лишения свободы.

Действия руководителей криминальной организации осужденных в масштабах всего исправительного учреждения в лице воров «в законе», «положенцев», «смотрящих» за «зоной» и других равнозначных им лидеров, выполняющих координирующую функцию, подпадают под уголовно-правовую квалификацию по ч. 1 и ч. 4 ст. 210 УК РФ. Существующая практика непривлечения лидеров и активных участников криминальной организации осужденных к уголовной ответственности обусловлена, по мнению авторов, сложностями доказывания фактов создания преступной организации и участия в ней, а также нежеланием руководителей мест лишения свободы ухудшать отчетность о состоянии преступности во введенных им учреждениях.

Совершая преступления в местах лишения свободы, криминальная организация осужденных непосредственно нарушает права и интересы государства в сфере исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы. Также, ее противоправная деятельность наносит ущерб правам и интересам общества. Прежде всего, это выражается в посягательстве на его моральные и нравственные устои. В связи с этим, авторы приходят к выводу о том, что необходимо указать в уголовно-процессуальном законе на защиту законных интересов общества и государства как на цель уголовного судопроизводства.

Также, авторы приходят к выводу о том, что назрела необходимость разработки ведомственного нормативно-правового акта, регламентирующего перечень и содержащее содержание мер по противодействию формированию и противоправной деятельности криминальной организации осужденных в исправительных учреждениях и следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы России⁸. В этом нормативно-правовом акте должны быть сформулированы: понятие криминальной организации осужденных; понятие, виды и принципы противодействия криминаль-

³ Кутякин С. А. Криминологическая и структурно-функциональная характеристика деятельности «смотрящих» в ИУ-СИЗО // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2007. № 4. С. 15–21.

⁴ Кутякин С. А. Криминальный «общак»: назначение, структура и способы формирования в местах лишения свободы // Вопросы правоведения. 2010. № 3. С. 351–363.

⁵ Билоус Е. Н., Кутякин С. А., Напханенко И. П. Антагонистический характер факторов, обуславливающих возникновение неформальных тюремных норм («понятий») в среде осужденных к лишению свободы // Философия права. 2016. № 1 (74). С. 82–87.

⁶ Кутякин С. А. Понятие, содержание и структура криминальной оппозиции в местах лишения свободы России // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2009. № 1. С. 11–15.

⁷ Кутякин С. А., Курбатова Г. В. Воры в законе: на рубеже веков. Лекция. Рязань, 2003.

⁸ Кутякин С. А. Организационная и правовая основа деятельности территориальных органов ФСИН России и их оперативных подразделений по противодействию криминальной оппозиции в местах лишения свободы // Человек: преступление и наказание. 2009. № 4. С. 19–22.

Библиографический список

ной организации осужденных; конкретные мероприятия организационно-тактического и оперативно-тактического характера, направленные на предотвращение формирования и противоправной деятельности криминальной организации осужденных, а также оперативно-розыскного и уголовно-исполнительного обеспечения раскрытия и расследования совершенных этой организацией преступлений и нарушений режима отбывания наказания и содержания под стражей⁹.

Практика показывает, что в настоящее время в работе с лидерами и активными членами криминальной организации осужденных преимущественно используется метод кнута и пряника, облеченный в формально-правовые юридические конструкции уголовного и уголовно-исполнительного закона¹⁰. С предельной ясностью сущность этого метода раскрыта пенитенциарными психологами-практиками Е. Берлейн и А. Краснощековым: «Оптимальным здесь является строго подобранная индивидуальная программа, четкая и однозначная: либо путь к исправлению, либо ужесточение режима»¹¹. Главный недостаток формально-правового метода противодействия заключается в том, что он позволяет воздействовать преимущественно на форму криминальной организации осужденных как внешнее выражение ее деятельности. При этом ее внутреннее содержание, идеологическая, духовная и нравственная (а точнее,

бездуховная и безнравственная) неформальная природа остаются к этому методу практически невосприимчивыми. В результате практика ужесточения режима в отношении лидеров криминальной организации осужденных очень часто не дает желаемого результата.

«Устрашительный характер наказаний ни на кого и никогда, как доказывает история всех народов и веков, не имел решительно никакого влияния на воздержание преступной воли. Оттого все государства постепенно смягчали наказания, заменяя их нравственным воздействием на ум и сердце преступников»¹². В связи с этим одна из важнейших задач науки и практики в сфере исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы и противодействия криминальной организации нам видится в выработке механизма трансформации формальных по своей сути методов исполнения уголовного наказания в неформальные методы воздействия на сознательно-мотивационную сферу осужденных и идеологическую природу их криминальной организации¹³. Мы считаем, что этот механизм идеологического противодействия должен иметь в своей основе непреходящие духовные и нравственные идеалы человеческого общества, лежащие в основе ведущих мировых религий¹⁴. «Нравственный идеал, принятый обществом, привитый каждому его члену, будет препятствовать сползанию на кажущийся легким преступный путь»¹⁵.

1. Берлейн Е., Краснощеков А. Особенности социально-психологической работы с осужденными-лидерами положительной и отрицательной направленности // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2010. № 5 (96). С. 27–30.
2. Билоус Е.Н., Кутякин С.А., Напханенко И.П. Антагонистический характер факторов, обуславливающих возникновение неформальных тюремных норм («понятий») в среде осужденных к лишению свободы // Философия права. 2016. № 1 (74). С. 82–87.
3. Корнилов А.Р., Согаев С.С. Современные проблемы института юридической ответственности и его значение в правоприменительной практике исправительных учреждений // Экономика и право: теоретические и практические проблемы современности. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Негосударственное образовательное учреждение высшего образования «Московская академия экономики и права», Рязанский филиал. 2016. С. 94–99.
4. Кутякин С.А., Корнилов А.Р. Ресоциализация осужденных к лишению свободы в механизме реализации охранительной функции права // Право и политика: теоретические и практические проблемы сборник материалов 4-й Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. А.В. Малько. 2015. С. 70–74.
5. Кудряшов Э.Е. Обеспечение безопасности подозреваемых и обвиняемых от криминальных угроз в следственных изоляторах: дисс... канд. юрид. наук. Рязань, 2011.
6. Кутякин С.А. Современная парадигма криминальной организации (самоорганизации) и криминального менеджмента в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы России // Человек: преступление и наказание. 2013. № 4. С. 9–12.
7. Кутякин С.А. Криминальный «общак»: назначение, структура и способы формирования в местах лишения свободы // Вопросы правоведения. 2010. № 3. С. 351–363.
8. Кутякин С.А. Понятие, содержание и структура криминальной оппозиции в местах лишения свободы России // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2009. № 1. С. 11–15.
9. Кутякин С.А., Курбатова Г.В. Воры в законе: на рубеже веков Лекция / Рязань, 2003.
10. Кутякин С.А. Криминологическая и структурно-функциональная характеристика деятельности «смотрящих» в ИУ-СИЗО // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2007. № 4. С. 15–21.
11. Кутякин С.А. Организационная и правовая основа деятельности территориальных органов ФСИН России и их оперативных подразделений по противодействию криминальной оппозиции в местах лишения свободы // Человек: преступление и наказание. 2009. № 4. С. 19–22.
12. Кутякин С.А. Духовное и нравственное противодействие криминальной оппозиции в местах лишения свободы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2011. № 10 (113). С. 12–16.
13. Никитин В.Н. Тюрма и ссылка. СПб., 1880. С. 394.
14. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2008 г. № 8 // Рос. газ. 2008. 18 июня.
15. Смирнов Д. Духовность, нравственность, право [Электронный ресурс] // Православие и современность. Электронная библиотека. URL: <http://www.lib.eparhia-saratov.ru> (дата обращения: 02.08.2018).

⁹ Кудряшов Э.Е. Обеспечение безопасности подозреваемых и обвиняемых от криминальных угроз в следственных изоляторах: дисс... канд. юрид. наук. Рязань, 2011.

¹⁰ Корнилов А.Р., Согаев С.С. Современные проблемы института юридической ответственности и его значение в правоприменительной практике исправительных учреждений // Экономика и право: теоретические и практические проблемы современности. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Негосударственное образовательное учреждение высшего образования «Московская академия экономики и права», Рязанский филиал. 2016. С. 94–99.

¹¹ Берлейн Е., Краснощеков А. Особенности социально-психологической работы с осужденными-лидерами положительной и отрицательной направленности // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2010. № 5 (96). С. 27–30.

¹² Никитин В.Н. Тюрма и ссылка. СПб., 1880. С. 394.

¹³ Кутякин С.А., Корнилов А.Р. Ресоциализация осужденных к лишению свободы в механизме реализации охранительной функции права // Право и политика: теоретические и практические проблемы. Сборник материалов 4-й Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. А.В. Малько. 2015. С. 70–74.

¹⁴ Кутякин С.А. Духовное и нравственное противодействие криминальной оппозиции в местах лишения свободы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2011. № 10 (113). С. 12–16.

¹⁵ Смирнов Д. Духовность, нравственность, право [Электронный ресурс] // Православие и современность. Электронная библиотека. URL: <http://www.lib.eparhia-saratov.ru> (дата обращения: 02.12.2010).

Кузнецова Наталья Николаевна

Старший преподаватель кафедры административного и финансового права

Липецкого филиала РАНХиГС

E-mail: kuznetsova-nn@yandex.ru

НАРУШЕНИЕ ТАЙНЫ ГОЛОСОВАНИЯ, КАК ФОРМА ВОСПРЕПЯТСТВОВАНИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

Аннотация.

Предметом настоящей статьи выступают исследование уголовной ответственности в сфере избирательных прав граждан, нарушения тайны голосования, как форма воспрепятствования осуществлению избирательных прав граждан

Тема статьи посвящена вопросам определения особенностей противодействия преступлений в избирательной сфере, а так же особенности реализации принципов избирательного законодательства, такого как тайна волеизъявления граждан. Определение места нарушения тайны голосования, в диспозиции ст. 141 УК РФ.

Целью настоящей статьи являются проблем реализации диспозиции ч. 1 ст. 141 УК РФ, определение места нарушения тайны голосования, как формы воспрепятствования осуществления избирательных прав граждан.

Методологию данной работы составили сравнительный, формально-юридический, аналитический методы.

Результаты работы — это проведение анализа нарушения тайны голосования, как способа воспрепятствования избирательных прав граждан, предложения по совершенствованию уголовного законодательства.

Область применения результатов работы включает в себя сферу избирательного законодательства, противодействия совершению преступлений в избирательной сфере.

Выводы исследования могут быть использованы для дальнейшего совершенствования правовой регламентации и практики применения уголовного законодательства в избирательной сфере.

Ключевые слова: избирательные правоотношения, избирательные права граждан, воспрепятствование осуществлению избирательных прав, нарушение тайны голосования.

Kuznetsova Natalia N.

Senior lecturer in Administrative and financial law Department at Lipetsk branch of RANEPА

E-mail: kuznetsova-nn@yandex.ru

VIOLATION OF THE SECRECY OF VOTING, AS A FORM OF OBSTRUCTION OF ELECTORAL RIGHTS OF CITIZENS

Abstract.

The subject of this article is the study of criminal liability in the field of electoral rights of citizens, violations of the secrecy of voting, as a form of obstruction of the exercise of electoral rights of citizens.

The subject of the article is devoted to the determination of the peculiarities of combating crimes in the electoral sphere, as well as the peculiarities of the implementation of the principles of electoral legislation, such as the secret of the will of citizens. Determination of the place of violation of the secrecy of voting, in the disposition of Art. 141 of the criminal code.

The purpose of this article are the problems of implementation of the disposition of part 1 of article 141 of the criminal code, determining the place of violation of secrecy of voting as a form of obstruction of the exercise of electoral rights of citizens.

The methodology of this work consists of comparative, formal-legal, analytical methods.

The results of the work are the analysis of the violation of the secrecy of voting, as a way of preventing the electoral rights of citizens, proposals to improve the criminal law.

The scope of application of the results of the work includes the sphere of electoral legislation, combating the Commission of crimes in the electoral sphere.

The findings of the study can be used to further improve the legal regulation and practice of criminal law in the electoral sphere.

Keywords: electoral legal relations, electoral rights of citizens, obstruction of the exercise of electoral rights, violation of the secrecy of voting.

Свободное волеизъявление является основой демократического государства и гражданского общества. Свободные и периодические выборы являются трансформацией воли народа. Конституция РФ закрепила, что выборы и референдум — это прямая форма волеизъявления граждан. Государство призвано защищать права и свободы граждан от преступных посягательств, в том, числе и в области избирательных правоотношений. Законодатель выстраивает систему охраны избирательных прав граждан и устанавливает иерархию от более общественно опасным к менее общественно опасным. Хронология изложения, закрепленная в Уголовном кодексе Российской Федерации, позволяет сделать вывод, что воспрепятствование осуществлению избирательных прав является одним из наиболее общественно опасных деяний. Анализируя преступления, которые посягают на избирательные права граждан, необходимо отметить, что вред причинен не только конкретным гражданам или неопределенному кругу лиц, но избирательной си-

стеме и избирательному процессу в целом, демократическому порядку формирования представительных органов, а также выборных должностных лиц. В советский период ряд ученых в том числе С. Г. Келина указывали на то, что непосредственный объект преступления, направленные против избирательных прав граждан гораздо шире родового объекта.¹ Объектом преступления по воспрепятствованию осуществлению избирательных прав, по мнению ряда исследователей, являются политические права и свободы граждан², другие же исследователи приходят к мнению, что объектом преступления воспрепятствования необходимо считать свободное и беспрепятственное осуществление избирательных прав гражданами³.

При рассмотрении вопроса о воспрепятствовании избирательных прав важно определиться в терминологии. Толковый словарь определяет воспрепятствовать следующим образом — это не допустить кого-нибудь, сделать что-нибудь, помешать кому-нибудь в чем-нибудь, не допустить че-

¹ Келина С. Г. Об уголовно-правовой защите политических и трудовых прав граждан // Сов. государство и право. 1963. № 8. С. 66.

² Советское уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. П. И. Гришаева, Б. В. Здравомыслова. — М.: Юрид. лит., 1988. С. 198.

³ Келина С. Г. Об уголовно-правовой защите политических и трудовых прав граждан // Сов. государство и право. 1963. № 8. С. 64.

го-нибудь»⁴. В словаре Ожегова воспрепятствовать определяется через препятствие, создавать препятствие, служить препятствием, не допускать чего-нибудь.⁵

В уголовном законе воспрепятствование используется в 14 составах преступлений, в некоторых воспрепятствование это цель совершения преступления.

В научном сообществе нет единого мнения, по вопросу о том, что понимать под воспрепятствованием, зачастую складывается подход, когда ученые в области уголовного права дают понятие воспрепятствования исходя из контекста диспозиции уголовно-правовой нормы. Некоторые ученые придерживаются точки зрения, что воспрепятствование избирательным правам граждан включает в себя действия нарушающие права избирательные граждан, а так же действия нарушающие нормальное функционирование избирательных комиссий. При этом в соответствии с диспозицией статьи 141 УК РФ, подразделяют на три группы, в первую группу входят деяния, направленные на воспрепятствование свободному волеизъявлению граждан, а так же осуществлению своих избирательных прав. Вторая группа деяний направлена а нарушение тайны голосования. Группа третья включает в себя деяния нарушающие работу избирательных комиссий. Данные деяния могут быть совершенны как в форме действия, так и бездействия⁶. Исходя из данной точки зрения можно привести пример, не включение гражданина в избирательные списки позволяет говорить о том что, воспрепятствование избирательному праву гражданина происходит в форме бездействия, тогда как включение умершего гражданина в списки

избирателей, а потом и выдача бюллетеня «умершему» гражданину есть активное действие.

В научной среде есть мнения, что воспрепятствование целесообразно определять как создание трудностей в выдвижении кандидатов, проведении избирательной кампании, участии в голосовании, а так же воспрепятствование работе избирательных комиссий, например создание препятствий в деятельности комиссий, составлению и уточнению списков избирателей, подсчету избирательных бюллетеней и иное⁷. В диспозиции ч. 1 ст. 141 воспрепятствование свободному осуществлению гражданином своих избирательных прав или права на участие в референдуме, нарушение тайны голосования, а также воспрепятствование работе избирательных комиссий, комиссий референдума либо деятельности члена избирательной комиссии, комиссии референдума, связанной с исполнением им своих обязанностей⁸.

Законодатель закрепил два фактически взаимосвязанных, но автономных состава преступления:

1. воспрепятствование
 - 1.1) свободному осуществлению гражданином избирательных прав,
 - 1.2) осуществлению работы избирательных комиссий и ее членов.
2. нарушение тайны голосования.

В пп. 1, 2 ст. 3 ФЗ «Об основных гарантиях...» закреплено, гражданин РФ участвует в выборах на основании всеобщего равного, прямого избирательного права при тайном голосовании⁹. В литературе отмечают, что тайна голосования — это основопола-

гающий принцип избирательного права, который получил законодательное закрепление. «Законодательную основу принципа тайного голосования составляют, в частности, ст. 81 Конституции Российской Федерации, закрепляющая этот принцип применительно к выборам Президента Российской Федерации, ст. 2 и 30 Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации», ст. 1 Федерального закона «О выборах Президента Российской Федерации», ст. 1 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», ст. 23 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Реализация данного принципа требует создания ряда законодательных и организационных мер и процедур, которые должны исключить какой-либо контроль за процессом голосования и обеспечить свободу волеизъявления гражданина на выборах и референдуме»¹⁰. Так же данный принцип получил дальнейшую конкретизацию в ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав...» где закреплено, что голосование на выборах и референдуме является тайным, исключающим возможность какого-либо контроля за волеизъявлением гражданина. В некоторых работах проведен анализ условий противодействия совершению данного преступления. «Представляется, что тайность голосования обеспечивается при соблюдении следующих условий: — каждый гражданин, имеющий право на участие в выборах (референдуме), голосует лично, голосование за других лиц не допускается; — заполнение бюллетеня для голосования на выборах (референдуме) производится в кабине, специально оборудованном месте или комнате для тайного голосования, в которых не допускается присутствие кого бы то ни было, за исключением этого гражданина; — если гражданин не имеет возможности самостоятельно расписаться

в получении бюллетеня для голосования на референдуме или заполнить бюллетень, он вправе воспользоваться помощью другого лица, за исключением членов комиссий по проведению референдума, зарегистрированных кандидатов, членов инициативной группы по проведению референдума, уполномоченных представителей избирательных объединений, уполномоченных представителей по финансовым вопросам инициативной группы по проведению референдума, инициативной агитационной группы, доверенных лиц кандидатов (избирательного объединения) и наблюдателей, включая международных наблюдателей, т.е. лиц, которые могут повлиять на волеизъявление участника референдума в тех или иных интересах; — в соответствующей графе списка избирателей (участников референдума) указываются фамилия, имя, отчество, серия и номер паспорта или документа, заменяющего паспорт гражданина, лица, оказывающего помощь избирателю (участнику референдума). Таким образом, оказавшее такую помощь лицо перестает быть анонимным, и тем самым существенно уменьшается вероятность оказания им давления на волеизъявление избирателя (участника референдума) или искажения его воли»¹¹. Представляется целесообразным учесть данные условия при проведении мероприятий по противодействию совершению преступлений в избирательной сфере.

Вышеуказанное позволяет нам прийти к выводу, что нарушение тайны голосования, есть одна из форм воспрепятствования осуществления свободного волеизъявления граждан. Необходимо отметить, что законодатель отдельно не закрепил, что нарушение равенства граждан при выборах, является отдельным составом преступления ст. 141 УК РФ. Исходя из этого нецелесообразно выделять отдельно нарушение тайны голосования. Исходя из выше сказанного диспозиция ч. 1 ст. 141 УК РФ должна быть сформулирована следующим образом:

⁴ Толковый словарь русского языка / под ред. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Советская энциклопедия», 1935. С. 371.
⁵ Ожегов С. И. Словарь русского языка Изд. 6-е, стереотипное, Издательство «Советская энциклопедия», М.: 1964. С. 234.
⁶ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации» постатейный под ред. А. И. Чучаева «КОНТРАКТ», 2009. С. 123.
⁷ Уголовно-правовая охрана избирательных прав граждан и права на участие в референдуме/ под. ред. С. М. Шапиева; Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. М. 2016. С. 23.
⁸ Уголовный Кодекс Российской Федерации: федер. закон. Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от. 29 дек. 2017 г.)// Собр. Законодательства Рос. Федерации 1996. № 25. Ст. 2954.
⁹ Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (в ред. 01 июня 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации 2002. № 24 Ст. 2253.

¹⁰ Бычкова Е. И. Анализ объективных признаков нарушения тайны голосования // Юридический мир. 2014. № 5. С. 30–32.
¹¹ Бычкова Е. И. Анализ объективных признаков нарушения тайны голосования // Юридический мир. 2014. № 5. С. 30–32.

«Воспрепятствование свободному осуществлению гражданином своих избирательных прав или права на участие в референдуме, а также воспрепятствование работе избирательных комиссий, комиссий референдума либо деятельности члена избирательной комиссии, комиссии референдума, связанной с исполнением им своих обязанностей»

Библиографический список

1. Уголовный Кодекс Российской Федерации: федер. закон. Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от. 29 дек. 2017 г.) // Собр. Законодательства Рос. Федерации 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (в ред. 01 июня 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации 2002. № 24 Ст. 2253.
3. Бычкова Е. И. Анализ объективных признаков нарушения тайны голосования // Юридический мир. 2014. № 5. С. 30–32.
4. Келина С. Г. Об уголовно-правовой защите политических и трудовых прав граждан // Сов. государство и право. 1963. № 8. С. 64.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации» постатейный под ред. А. И. Чучаева «КОНТРАКТ», 2009. С. 123.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка Изд. 6-е, стереотипное, Издательство «Советская энциклопедия», М.: 1964. С. 234.
7. Советское уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. П. И. Гришаева, Б. В. Здравомыслова.— М.: Юрид. лит., 1988. С. 198.
8. Толковый словарь русского языка / под ред. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Советская энциклопедия», 1935. С. 371.
9. Уголовно-правовая охрана избирательных прав граждан и права на участие в референдуме/ под. ред. С. М. Шапиева; Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. М. 2016. С. 23.

Ланская Ольга Александровна

Руководитель пресслужбы администрации г. Семилуки Воронежской области

E-mail: act36@yandex.ru

Дудоров Тимофей Дмитриевич

Доцент кафедры уголовно-процессуального права, Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: timdudorov@yandex.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЯНИЙ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ, ВЛЕКУЩИХ ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ЖИЗНИ ИЛИ ЗДОРОВЬЮ ПАЦИЕНТА

Аннотация.

Предмет исследования: профессиональные действия медицинских работников, повлекшие неблагоприятные последствия для жизни или здоровья пациента.

Целью настоящей статьи является анализ оценки действий медицинского работника повлекших наступление неблагоприятных последствий для жизни или здоровья больных, а также существующих критериев такой оценки.

Методологию исследования составили аналитический, сравнительный, формально-юридический и системный методы.

В статье автором рассматриваются спорные вопросы теории уголовного права относительно сущности и классификации деяний медицинских работников, повлекших причинение вреда жизни и здоровью пациента. Предлагается авторский подход к соотношению понятий «несчастный случай», «врачебная ошибка», «медицинское преступление».

Выводы исследования могут быть использованы для оптимизации вопросов ответственности медицинских работников при доказывании преступлений, отнесенных в теории уголовного права к числу криминальных ятрогений, а также в дальнейших научных исследованиях по рассматриваемой проблематике.

Ключевые слова: медицинский работник, преступление, уголовная ответственность, медицинская помощь, вина, преступные последствия.

Lanskaya Olga A.

Head of the press service of administration of Semiluki Voronezh oblast,

E-mail: act36@yandex.ru

Dudorov Timofey D.

Assistant professor of criminal law and procedure, the Russian State University of Justice (Central Branch), Russia, Voronezh (FGBOUVO DF), Ph D. In law, docent

E-mail: timdudorov@yandex.ru

CHARACTERISTICS OF THE ACTIONS OF MEDICAL WORKERS, CAUSING HARM TO THE LIFE OR HEALTH OF THE PATIENT

Abstract.

Subject of research: the professional actions of medical workers, causing adverse consequences to the life or health of the patient. The purpose of this article is to analyze the assessment of medical

worker caused the onset of adverse effects for the life or health of patients as well as existing criteria for such evaluation. Research methodology accounted for analytical, comparative, formal-legal and systematic methods. In this article the author discusses controversial issues of theory of criminal law concerning the essence and classification of acts of medical personnel, resulting in damage to life and health of the patient. The author's approach is proposed to the terms "accident", "medical error", "medical crime". The findings of the study can be used to optimize medical malpractice issues in proving the crimes identified in the theory of criminal law among the criminal jatrogenij as well as further research on the considered issues.

Key words: Medical worker, crime, criminal liability, medical aid, wine, criminal consequences.

Специфика медицинской деятельности заключается в том, что ее неблагоприятный исход зачастую сопряжен не с нарушениями правил оказания медицинской помощи, а с субъективными и объективными факторами, характеризующими как состояние самого больного, так и выбранный врачом подход к его лечению. Критериями оценки действий медицинского работника, помимо нормативно-правовых актов являются положения медицинской науки и практики, которые не имеют четких границ и стремительно развиваются, в том числе и в связи с введением современных инновационных методов диагностики и лечения различных заболеваний. Безусловно, это не снимает проблемы ответственности медицинских работников при неисполнении или ненадлежащем исполнении возложенных на них профессиональных обязанностей, когда перед органами уголовной юстиции встает вопрос о доказывании составов преступлений, отнесенных в теории уголовного права к числу криминальных ятрогений (например, неоказание помощи больному, причинение смерти или тяжкого вреда здоровью по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей и т.д.)¹. В этой связи все действия медицинских работников, повлекшие неблагоприятные последствия для жизни или здоровья больных принято

классифицировать на три группы: несчастные случаи, врачебные ошибки и профессиональные преступления². При этом в качестве оснований дифференциации в данном случае выступают соответствие действий медицинского работника правилам и процедурам оказания определенного вида медицинской помощи³, а также причина возникновения предусмотренных уголовным законом ятрогенных последствий.

Так, несчастный случай в медицинской практике рассматривается как неудачный исход лечения, при котором в силу объективных причин медицинский работник не мог предвидеть, а, следовательно, и предотвратить неблагоприятное для жизни и здоровья пациента событие⁴. Мы полагаем, что подобные ситуации в настоящее время достаточно сложно оценить на экспертном уровне ввиду отсутствия в законодательстве базового понятия — «дефект оказания медицинской помощи», которое в рассматриваемой ситуации должно быть исключено. Например, в специальной литературе мы нашли описание нескольких случаев, когда действия врача были ошибочно отнесены к дефектам оказания медицинской помощи, хотя, по мнению профессионального сообщества, имели место именно несчастные случаи. Так, у пациентки в возрасте 8-ми лет при стоматологической операции возникло коллаптоидное

состояние, повлекшее смерть, при этом при вскрытии было установлено, что причиной смерти стала неадекватная гормональная реакция надпочечников на имевшую место хирургическую операцию по удалению зуба, поскольку у ребенка была врожденная гипоплазия коркового вещества надпочечников и связанная с ним гиперплазия вилочковой железы и всей лимфоидной ткани⁵. Увольнением врача-реаниматолога закончилась операция, в ходе которой он при установке подключичного катетера попал в артерию, что повлекло за собой смерть пациента. В ходе экспертизы не было выявлено никаких нарушений показаний к данной манипуляции, техники ее проведения, однако, врачу в вину был поставлен тот факт, что он не учел истощенное состояние больного, которое «повлекло за собой изменение анатомического соотношения артерии и вены, хотя на вскрытии таких данных не было получено и в литературе возможность такого рода изменений топографии сосудов при истощении не описана»⁶. Думается, что при определении содержательной стороны несчастного случая в медицинской практике необходимо исходить из цивилистической категории «непреодолимая сила», т.е. чрезвычайное и неустрашимое в данных условиях событие (ст. 401 ГК РФ), которое имеет внешний характер применительно к деятельности обязанного лица. Экстраполируя данное определение на сферу оказания медицинской помощи, мы приходим к выводу, что непреодолимая сила характеризует ситуации, возникающие в процессе медицинских манипуляций, но не зависящие от них в силу определенных внешних обстоятельств, которые медицинский работник объективно предвидеть не мог. Именно последний признак (невозможность предвидеть возникновение неблагоприятных последствий) отличает несчастный случай от противоправного

причинения вреда жизни и здоровью. Так, например, к несчастным случаям следует относить неблагоприятные исходы, причиной которых явились: атипичное течение заболевания, индивидуальные особенности организма больного и т.д.

Врачебные ошибки и профессиональные преступления медицинских работников характеризуются наличием дефектов оказания медицинской помощи, но при этом разнятся причины и условия их возникновения. Ни в юридической, ни в медицинской научной среде нет единого подхода к понятию «врачебная ошибка». Подавляющее большинство исследователей опирается на дефиницию, предложенную еще И. В. Давыдовским, который в сущностном смысле позиционировал ошибку как добросовестное заблуждение врача, в основе которого лежат как объективные (несовершенство научных представлений и, соответственно, техники выполнения медицинских манипуляций), так и субъективные (недостаточность знаний и опыта врача, особенности течения заболевания) причины, давая им соответствующую классификацию⁷. Современные исследователи, в целом, соглашаясь с приведенной позицией, уточняют, что добросовестное заблуждение врача характеризуется отсутствием элементов халатности, небрежности и профессионального невежества⁸. Иной подход демонстрируют специалисты в области уголовного права, включая в понятие «врачебная ошибка» как виновные деяния медицинских работников, запрещенные УК РФ, так и невиновное причинение вреда жизни и здоровью пациента, в силу принципа субъективного вменения не влекущее за собой привлечение к уголовной ответственности⁹.

Не оспаривая того факта, что при детерминации исследуемой дефиниции преследу-

¹ Кравченко Р.М. К вопросу об уголовно-правовой оценке некачественного медицинского вмешательства // Российский следователь. 2017. № 13. С. 27–31; Богданова А. А. Проблемы ответственности медицинских работников // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 1. С. 51–58.

² Никитина И. О. Преступления в сфере здравоохранения (законодательство, юридический анализ, квалификация, причины и меры предупреждения): Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 270с.

³ Об утверждении Порядка оказания скорой, в том числе скорой специализированной, медицинской помощи: Приказ Минздрава России от 20.06.2013 № 388н (ред. от 05.05.2016 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 19.09.2018 г.).

⁴ Огарков И. Ф. Врачебные правонарушения и уголовная ответственность за них. Л.: Медицина, 1966. С.135.

⁵ Шевчук Е.П. «Врачебная ошибка» и «несчастный случай» в обязательствах по возмещению вреда при оказании медицинских услуг // Сибирский юридический вестник. 2012. № 2. С. 89.

⁶ Повзун С. А. Дефект медицинской помощи или несчастный случай? // Медицинское право. 2017. № 4. С. 15.

⁷ Давыдовский И. В. Врачебные ошибки // Советская медицина. 1941. № 3. С. 9.

⁸ Чупрына П. С. Уголовная ответственность медицинских работников за нарушение ими профессиональных обязанностей // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 320. С. 144.

⁹ Фролов Я.А., Канунникова Л. В., Фролова Е. В. О правовых проблемах врачебной (медицинской) ошибки // Медицинское право. 2003. № 2. С. 22.

ется цель установления возможности привлечения медицинского работника к ответственности, полагаем, что нельзя опираться лишь на категории «добросовестное заблуждение» и «вина», поскольку ошибка — это прежде всего неправильное действие или бездействие, повлекшее неблагоприятные для пациента последствия, несмотря на оказание медицинской помощи в надлежащем объеме. В отличие от несчастного случая в медицинской практике врачебные ошибки зачастую обусловлены объективными причинами, в числе которых, например, нехватка времени на полное обследование больного в экстренной ситуации, отсутствие необходимого медицинского оборудования и т.д. Неблагоприятные последствия для жизни и здоровья пациента в рассматриваемых ситуациях находится вне волевого элемента уголовно-правовой категории «вина», следовательно, не являются основанием для привлечения медицинского работника к ответственности. В числе субъективных причин врачебных ошибок чаще всего называется отсутствие у врача надлежащих умений и навыков, т.е. его низкая квалификация. При этом позволим себе, опираясь на положения п. 3 ст. 73 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ»¹⁰, оспорить утверждение о том, что для исключения субъективного элемента врачебной ошибки достаточно только минимума специальных знаний, которые составляют основы общепринятых лечебно-диагностических мероприятий¹¹, поскольку в обязанности медицинского работника, в частности — врача, входит регулярное повышение квалификации, т.е. совершенствование профессиональных знаний сообразно уровню развития медицинской науки и практики. В предлагаемой

ситуации действия (бездействия), которые явились ошибочными и находятся в причинной связи с наступившим вредом жизни и здоровью пациента совершены медицинским работником виновно, и в специальной литературе их предлагается отграничить путем введения в научный и легальный оборот термина «врачебный деликт» или «врачебное правонарушение»¹². Считаем данное суждение вполне справедливым, поскольку оно позволит отделить врачебные ошибки от сходных по внешним признакам правонарушений, в том числе преступлений, совершаемых медицинскими работниками в процессе профессиональной деятельности. С уголовно-правовой точки зрения причинение вреда жизни и здоровью пациента при совершении врачебной ошибки должно оцениваться, исходя из общих правил, применяемых в случаях совершения юридических и фактических ошибок¹³.

Отличительной особенностью криминальных ятрогений является ненадлежащее исполнение либо неисполнение медицинским работником профессиональных обязанностей, совершенное виновно и повлекшее за собой уголовно-наказуемые последствия в виде фактического причинения вреда или угрозы такового жизни и здоровью пациента. При этом объективная сторона данного деяния находится в рамках правоотношений медицинский работник — пациент, что позволяет относить соответствующие преступления к числу профессиональных. Она также характеризуется возможностью совершения преступного деяния на всех этапах оказания медицинской помощи — диагностики, лечения и профилактики различных заболеваний.

Библиографический список

1. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 07.03.2018) // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 15.09.2018).

¹⁰ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 07.03.2018) // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 15.09.2018).

¹¹ Лисюткин А. Б. Вопросы методологии исследования категории «ошибка» в правопедении. Саратов: СГАП, 2001. С. 78.

¹² Сучкова Т. Е. К вопросу о квалифицирующих признаках врачебной ошибки // Медицинское право. 2014. № 6. С. 43.

¹³ Хиллута В. В. Мнимое преступление или фактическая ошибка? // Уголовное право. 2018. № 1. С. 103.

2. Об утверждении Порядка оказания скорой, в том числе скорой специализированной, медицинской помощи: Приказ Минздрава России от 20.06.2013 № 388н (ред. от 05.05.2016 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 19.09.2018 г.).
3. Богданова А. А. Проблемы ответственности медицинских работников // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 1. С. 51–58.
4. Давыдовский И. В. Врачебные ошибки // Советская медицина. 1941. № 3. С. 3–10.
5. Кравченко Р. М. К вопросу об уголовно-правовой оценке некачественного медицинского вмешательства // Российский следователь. 2017. № 13. С. 27–31.
6. Лисюткин А. Б. Вопросы методологии исследования категории «ошибка» в правопедении. Саратов: СГАП, 2001. 140с.
7. Никитина И. О. Преступления в сфере здравоохранения (законодательство, юридический анализ, квалификация, причины и меры предупреждения): Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 270с.
8. Огарков И. Ф. Врачебные правонарушения и уголовная ответственность за них. Л.: Медицина, 1966. 196 с.
9. Повзун С. А. Дефект медицинской помощи или несчастный случай? // Медицинское право. 2017. № 4. С. 14–17.
10. Сучкова Т. Е. К вопросу о квалифицирующих признаках врачебной ошибки // Медицинское право. 2014. № 6. С. 41–44.
11. Фролов Я. А., Канунникова Л. В., Фролова Е. В. О правовых проблемах врачебной (медицинской) ошибки // Медицинское право. 2003. № 2. С. 22–23.
12. Хиллута В. В. Мнимое преступление или фактическая ошибка? // Уголовное право. 2018. № 1. С. 103–110.
13. Чупрына П. С. Уголовная ответственность медицинских работников за нарушение ими профессиональных обязанностей // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 320. С. 143–145.
14. Шевчук Е. П. «Врачебная ошибка» и «несчастный случай» в обязательствах по возмещению вреда при оказании медицинских услуг // Сибирский юридический вестник. 2012. № 2. С. 88–92.

Филиппова Елена Олеговна

*Доцент кафедры уголовного права Оренбургского государственного университета,
кандидат педагогических наук*

E-mail: kafedra_upp@mail.osu.ru

Журкина Ольга Вячеславовна

*Доцент кафедры уголовного права Оренбургского государственного университета,
кандидат юридических наук*

E-mail: kafedra_upp@mail.osu.ru

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО: ПРИЧИНЫ, ОСОБЕННОСТИ, ПРОФИЛАКТИКА

Аннотация.

В статье проводится изучение основных особенностей виктимологического статуса несовершеннолетнего, анализ причин совершения преступлений в отношении несовершеннолетних, и основные направления их предупреждения.

В статье исследуются особенности виктимологического статуса несовершеннолетних. В рамках статьи проанализированы ряд причин способствующих совершению преступлений в отношении несовершеннолетних. Значительное влияние на рост преступлений в отношении несовершеннолетних оказывают снижение материального положения отдельных групп населения, равно как и снижение культурного и образовательного уровня населения, деморализация общества. Причины и условия преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних, связаны также с уровнем обеспечения государством надлежащего развития и совершенствования личности несовершеннолетнего в внешкольных и образовательных и учреждениях, обеспеченных должным современным социальным контролем за ними. Институт защиты прав несовершеннолетних требует совершенствования и применения с учетом апробации и критического анализа накопленного опыта теоретических и практических разработок, разработки и внедрения стандартов обеспечения и защиты прав детей. Статья обладает научной ценностью, поскольку является одной из первых попыток сформировать понятие и признаки виктимологического статуса несовершеннолетнего.

Ключевые слова: виктимология, жертва, несовершеннолетний, насилие, защита, национальная политика

Filippova Elena O.

Associate Professor of criminal law at Orenburg state University, Ph. D.

E-mail: kafedra_upp@mail.osu.ru

Zhurkina Olga V.

*Associate professor of criminal law at Orenburg state university, candidate of jurisprudence,
associate professor*

E-mail: kafedra_upp@mail.osu.ru

VICTIMOLOGICAL STATUS OF A MINOR: CAUSES, FEATURES, PREVENTION

Abstract.

The article studies the main features of the victimological status of a minor, the analysis of the causes of crimes against minors, and the main directions of their prevention. The article examines

the features of the victimological status of minors. The article analyzes a number of reasons contributing to the Commission of crimes against minors. A significant impact on the growth of crimes against minors is the reduction of the financial situation of certain groups of the population, as well as the reduction of the cultural and educational level of the population, the demoralization of society. The causes and conditions of crimes committed against minors are also related to the level of state support for the proper development and improvement of the personality of a minor in out-of-school and educational institutions and institutions provided with adequate modern social control over them. The Institute for the protection of the rights of minors requires improvement and application, taking into account the testing and critical analysis of the accumulated experience of theoretical and practical developments, development and implementation of standards for the protection and protection of children's rights. The article has a scientific value, as it is one of the first attempts to form the concept and signs of victimological status of a minor.

Key words: victimology, victim, minor, violence, protection, national policy

Большой интерес к проблемам несовершеннолетних граждан существовал во все времена. Это связано с тем, что дети — это будущее человечества, и они должны расти и развиваться здоровыми как физически, так и морально. В свете неоднозначной ситуации, которая наблюдается на международном уровне, безопасность человека и общества в целом выходит на одно из первых мест.

Приоритетная охрана интересов ребенка признана международным сообществом в качестве одного из основных принципов современного права.¹

Включая в нормотворческую деятельность термин «несовершеннолетний», государство не только определяют правовую грань между несовершеннолетием и совершеннолетием, но и создают этим самостоятельную возрастную группу граждан — носителей специфических обязанностей и прав. В первую очередь, это связано с необходимостью особой правовой защиты несовершеннолетних. Возрастные факторы, затрудняющие адаптацию несовершеннолетнего к изменяющимся условиям жизни, могут компенсироваться лишь повышенной законодательной защитой этих граждан.

Уголовное законодательство России, защищает социальные и общественные взаимоотношения, связанные с функционированием условий, способствующих нормальному моральному и физическому форми-

рованию личности несовершеннолетнего гражданина.

За последнее десятилетие в России создание условий для защищенного и благополучного детства стало одним из главных национальных приоритетов. В своих посланиях к Федеральному Собранию Российской Федерации, Президент поставил задачи по разработке результативной и современной государственной политики в области детства и материнства. Свое отражение, проблемы детства и направления их решения, нашли в Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года (Указ Президента РФ от 09.10.2007 N1351(ред. от 01.07.2014) «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года») и Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N1662-р (ред. от 10.02.2017) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»).

В соответствии с Указом Президента РФ от 29.05.2017 № 2402018–2017 годы объявлены «Десятилетием детства». Данный проект должен стать закономерным продолжением Национальной стратегии действий в интересах несовершеннолетних граждан.

¹ Пудовочкин Е. Ю. Некоторые проблемы соответствия УК РФ международным стандартам в области охраны прав ребенка // Семейное и жилищное право. — 2004. — № 3

Эта программа дает возможность в комплексе решать тактические и стратегические задачи в этой области.

В настоящее время вопрос изучения преступлений в отношении несовершеннолетних является бесспорноактуальным.

Проблемы виктимологической характеристики несовершеннолетних исследовались Вишневецким К. В.,² Николаевой Ю. В.,³ Савельевым А. И.,⁴ Забрянским Г.И.⁵ и рядом других авторов. Связано это с тем, что проблема преступности в отношении несовершеннолетних приобрела особую важность для населения. Зачастую сами взрослые привлекают несовершеннолетних лиц в совершение преступных действий, чем нарушают полноценный процесс воспитания детей. При этом, несовершеннолетние граждане совершающие общественно опасные деяния, подлежат менее строгому наказанию, чем взрослые.

Безусловно, единой причины совершающихся преступлений не существует. Определенные обстоятельства в разных проявлениях могут порождать различные виды преступности, определять ее качественные и количественные характеристики различно. Однако при этом немаловажно анализировать, как они проявляются в разных сферах общественной жизни граждан. Следует разбирать конкретные условия жизнедеятельности граждан в разное время, в различных регионах страны, видоизменения этих условий, а также предшествующие состояния преступной деятельности.

В последнее время в России негативные процессы экономического и социального характера существенно ослабили институт семьи как основной социальной ячейки общества. Снижение материального положения отдельных групп населения во многом обусловило рост преступлений против несовершеннолетних граждан.

Снижение культурного и образовательного уровня населения, деморализация общества, увеличение числа психических расстройств, алкоголизация способствует росту насилия в отношении несовершеннолетних. К тому же физическое насилие по отношению к несовершеннолетнему, в большинстве случаев проявляется в нанесении родителями преподавателями, воспитателями, тренерами или прочими лицами, ребенку телесных повреждений и физических травм, нарушающих его развитие, причиняющих ущерб здоровью или лишают жизни ребенка. Данные преступные действия могут осуществляться в форме истязания, избиения, сотрясения (в виде пощечин, ударов, прижигания горячими предметами или жидкостями).

Психическое насилие выражается периодическом или в постоянном словесном оскорблении ребенка, унижении его человеческого достоинства, угрозах со стороны родителей, опекунов, воспитателей, учителей, демонстрации нелюбви, неприязни к ребенку, обвинении его в том, в чем он не виноват и т.д. Также к данному виду насилия относится предъявление к ребенку требований, не соответствующих его возрастным возможностям, обман ребенка, постоянная ложь в результате чего он теряет доверие к взрослому.

К несчастным случаям, отравлениям и другим опасным для жизни и здоровья ребенка последствиям приводят пренебрежение интересами и нуждами ребенка, в том числе отсутствие соответствующего обеспечения основных потребностей и нужд ребенка в одежде, пище, жилье, воспитании, медицинской помощи, образовании со стороны родителей в силу ряда объективных причин (неопытность, бедность, психические болезни) или при их отсутствии. Характерным примером проявления прене-

брежительного отношения к ребенку является оставление его без присмотра.

Считаем возможным согласиться с Александровым В. Б. в выделении нескольких видов агрессии, «обращенной на детей в семье, заложенной в причины совершения преступлений против несовершеннолетних:

- 1) агрессия родителей, основанная на личных неудачах, которая в дальнейшем переходит в любой вид насилия над несовершеннолетними;
- 2) сравнительно регулярная агрессия, направленная на несовершеннолетнего, в неполных семьях;
- 3) постоянная форма агрессии в семье с умственно отсталыми или больными детьми;
- 4) регулярная агрессия, направленная на несовершеннолетнего, которая вызвана алкоголизмом одного из членов семьи;
- 5) агрессия, вызванная одним из членов семьи на почве ревности к другому, направленная на несовершеннолетнего»⁶.

Указанный перечень видов агрессии далеко не полон, так как социально-экономическое развитие или его деградация в рамках семьи иногда могут развить предпосылки для возникновения непредсказуемых причин агрессии в отношении несовершеннолетнего.

Также институтом, в рамках которого можно рассматривать причины и условия преступлений против несовершеннолетних, является ослабление или вообще отсутствие социального контроля в отношении поведения несовершеннолетних. Отсутствие соответствующего воздействия института детских внешкольных организаций, коллективных объединений детей и подростков, недостатки в организации школьного образования приводят к тому, что дети оказываются вне сферы социального контроля и подвержены вовлечению

в преступную или антиобщественную деятельность.

Учитывая вышеизложенное можно сделать вывод, что причины и условия преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних, заложены не только в рамках социально-экономических предпосылок развития семьи как ячейки общества, но и в обеспечении государством надлежащего развития и совершенствования личности несовершеннолетнего в внешкольных и образовательных и учреждениях, обеспеченных должным современным социальным контролем за ними.

Николаева Ю. В. отмечает, что «сегодня в России практически отсутствует эффективная система защиты ребенка, нет стандартов обеспечения и защиты прав детей, четкого механизма системного внедрения на межведомственном уровне заключительных предложений Комитета ООН по правам ребенка и рекомендаций Конвенции о правах ребенка. Кроме того, не в полной мере отвечает требованиям времени деятельность органов опеки и попечительства по защите прав и интересов несовершеннолетних»⁷.

Комиссия по делам несовершеннолетних отвечает за координацию деятельности органов и учреждений, отвечающих за профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и защиту их прав. Однако правовая база этих комиссий зачастую не соответствует целям и поставленным задачам.

«Одной из самых опасных проблем является насилие над детьми. Значительная часть преступлений против жизни, здоровья и половой неприкосновенности детей совершается в семье, а также лицами, обязанными по закону заботиться о ребенке. Ситуация, сложившаяся в сфере профилактики преступлений против детей, защиты их прав, является неудовлетворительной и требует принятия неотложных мер»⁸.

² Вишневецкий К. В. Виктимологическая характеристика несовершеннолетних // Теория и практика общественного развития. — 2015. — № 21. — С. 93–95.

³ Николаева, Ю. В. Дифференциация ответственности за посягательства на интересы несовершеннолетних в уголовном праве России: Автореф. дис. докт. юрид. наук. -М., 2012. — 62с.

⁴ Савельев А. И. Криминологическая безопасность несовершеннолетних. — М. Юрлитинформ, 2017–248 с.

⁵ Забрянский Г. И. Криминология несовершеннолетних (социология преступности): монография — М., — 352с.

⁶ Александров В. Б. Причины и условия преступлений, совершаемых против несовершеннолетних // «Право и жизнь». Независимый научно-правовой журнал. — 2007. — № 117. — С. 115.

⁷ Николаева, Ю. В. Дифференциация ответственности за посягательства на интересы несовершеннолетних в уголовном праве России: Автореф. дис. докт. юрид. наук. -М., 2012. — 62с.;

⁸ Николаева Ю. В. Виктимологические аспекты профилактики преступлений в отношении несовершеннолетних // Адвокат. — 2007. — № 7. — С. 62–76.

Насилие в отношении несовершеннолетних является одной из самых опасных проблем. Большая часть преступлений против здоровья, жизни, половой неприкосновенности детей совершается в семье, и лицами, которые по закону обязаны заботиться о детях. Положение в области предупреждения преступлений в отношении детей и защиты их прав является неудовлетворительной и требует принятия срочных мер.

В качестве мер, направленных на предотвращение насилия в отношении несовершеннолетних жертв насилия и их реабилитацию разработана комплексная национальная программа по предотвращению насилия в отношении детей. В 2014 году в рамках реализации Указа Президента РФ «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг.» был создан «Национальный мониторинговый центр помощи пропавшим и пострадавшим детям».

Анализируя социальный статус лиц, совершивших сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних граждан, нужно четко понимать, что в официальную статистику большое количество совершенных преступлений не попадают. Большое количество преступлений совершается в отношении девочек, что по статистическим данным составляет более 62%. Также наблюдается, что жертвами в 77% случаев преступных посягательств были одновременно несколько детей.

Учитывая возрастные характеристики, пострадавшие ранжируются так: более 25% — дети от двух до семи лет, почти 35% — дети от восьми до одиннадцати лет, более — 38% — дети от двенадцати до четырнадцати лет. Однако некоторые авторы указывают на некоторую условность этим данным, в связи с тем, что ряд преступлений носит затяжной характер, и длится они могут на протяжении нескольких лет. Они могут выявиться, например, в четырнадцать лет, начавшись в дошкольном или младшем школьном возрасте. Дети более младшего возраста, согласно результатам исследования, становятся потерпевшими от престу-

плений сексуального характера намного чаще, чем подростки.

При определенных обстоятельствах провоцирующее поведение жертвы составляет решающий элемент криминогенной ситуации. Такое поведение жертвы может побуждать к насильственной реакции на определенные действия. Преступление может произойти и в результате неосмотрительных действий вследствие ошибочной оценки ситуации и вытекающего из этого неправильного поведения. К ситуациям, в которых поведение жертвы создает реальную возможность совершения преступления, можно отнести, отсутствие необходимой реакции на преступные действия, всепрощение, столь частое во взаимоотношениях между родственниками, в том числе родителями.

По данным психологических исследований как правило у несовершеннолетних потерпевших не выявлено склонности к выдумыванию, признаков увеличенной внушаемости, домысливанию фактов, имеющих какое-либо значение для дела. С учетом их возрастного полового сознания они понимают характер и значение преступлений, совершаемых против них. Однако очень сложно оценить психологический вред, нанесенный несовершеннолетней жертве от сексуального преступления.

Вред, причиненный здоровью жертвы преступления, может приобретать как психический, так и физический характер. Очевидно, что на момент вынесения обвинительного приговора суд не может учитывать наступление будущих последствий, которые могут иметь место в более поздний период после совершения преступного деяния.

В. Ю. Степаненко и О. М. Юсифов отмечают, что «преступления против несовершеннолетних по степени общественной опасности и наступлению вредных последствий относятся к категории особо тяжких преступлений. Специальный статус потерпевшего-несовершеннолетнего придает указанной группе преступлений особую опасность, так как несовершеннолетние их жизнь и здоровье — это залог успешного

развития социума. От количества преступных посягательств и оконченных преступлений зависит, в конечном итоге, и будущее государства и общества в целом.

Приоритетная охрана интересов ребенка признана международным сообществом в качестве одного из основных принципов современного права, получившего нормативное закрепление в Конвенции о правах ребенка, который согласно Конституции Российской Федерации является частью ее правовой системы».⁹

Тем не менее, несмотря на большое количество уголовно-правовых норм, направленных на защиту детей от различных форм насилия, Уголовный кодекс Российской Федерации не в полной мере воспринял прогрессивные идеи, на которых в последние годы начало преобразоваться уголовное законодательство в зарубежных странах. К примеру, российское законодательство до настоящего времени не содержит понятия «домашнее насилие». В таких случаях

уголовное дело возбуждается на основании рассмотренных выше статей, поскольку отдельной статьи в УК РФ, предусматривающей ответственность за данный вид насилия, нет.

Обозначенный выше перечень проблем позволяет говорить о необходимости дифференциации ответственности за посягательства на интересы детей. Безусловно, в сложившейся ситуации необходимо не только обращать пристальное внимание государства и общества к проблемам детей, но поднимать ценность внутрисемейных отношений.

Решение этих проблем возможно, в первую очередь, законодательным путем. При этом для устранения фрагментарности исследования уголовно-правовой институт защиты прав несовершеннолетних требует совершенствования и применения с учетом апробации и критического анализа накопленного опыта теоретических и практических разработок.

Библиографический список

1. Александров В. Б. Причины и условия преступлений, совершаемых против несовершеннолетних // «Право и жизнь». Независимый научно-правовой журнал. — 2007. — № 117. — С. 115.
2. Вишневецкий К. В. Виктимологическая характеристика несовершеннолетних // Теория и практика общественного развития. — 2015. — № 21. — С. 93–95.
3. Забрянский Г. И. Криминология несовершеннолетних (социология преступности): монография — М., — 352с.
4. Николаева Ю. В. Виктимологические аспекты профилактики преступлений в отношении несовершеннолетних // Адвокат. — 2007. — № 7. — С. 62–76.
5. Николаева Ю. В. Дифференциация ответственности за посягательства на интересы несовершеннолетних в уголовном праве России: Автореф. дис. докт. юрид. наук. — М., 2012. — 62с.
6. Пудовочкин Е. Ю. Некоторые проблемы соответствия УК РФ международным стандартам в области охраны прав ребенка // Семейное и жилищное право. — 2004. — № 3
7. Савельев А. И. Криминологическая безопасность несовершеннолетних. — М. Юрлитинформ, 2017–248 с.
8. Степаненко В. Ю., Юсифов О. М. Совершенствование уголовной ответственности за преступления против несовершеннолетних // Ученые заметки ТОГУ. — 2014. — № 4. — С. 467–470

⁹ Степаненко В. Ю., Юсифов О. М. Совершенствование уголовной ответственности за преступления против несовершеннолетних // Ученые заметки ТОГУ. — 2014. — № 4. — С. 467–470

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Понаморенко Владислав Евгеньевич

Доцент Департамента финансовых рынков и банков ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», кандидат юридических наук, доцент

E-mail: vladpon@inbox.ru

КОНЦЕПЦИЯ «ОТКРЫТОГО БАНКИНГА» В РЕГУЛЯТОРНОМ ЛАНДШАФТЕ РОССИИ¹

Аннотация.

Предмет исследования: концепция «открытого банкинга» в его зарубежной и отечественной трактовке.

Целью настоящей статьи является рассмотрение зарубежного опыта внедрения концепции «открытого банкинга» (включая OpenAPI) и формулирование основных элементов отечественной модели «открытого банкинга», адаптированной к регуляторной рамке и экономико-правовым реалиям страны.

Методологию исследования составили сравнительный, формально-юридический, аналитический методы, системный подход.

В работе на основе анализа зарубежного опыта и стратегических документов, регламентирующих развитие финансового рынка и финансовых технологий, формулируются основные подходы к отечественной модели «открытого банкинга», включая цели, принципы и этапы ее внедрения.

Выводы по итогам работы могут быть использованы в дальнейших исследованиях эволюции российского финансового законодательства в условиях развития цифровой экономики.

Ключевые слова: открытый бандинг, открытые программные интерфейсы, финтех, финансовые услуги, цифровая экономика, маркетплейс, Банк России, финансовый рынок

Ponamorenko Vladislav E.

Associate Professor of Financial markets and Banks Department at the Financial University under the Government of the Russian Federation Ponamorenko Vladislav, PhD in Law

E-mail: vladpon@inbox.ru

THE CONCEPT OF «OPEN BANKING» IN THE REGULATORY LANDSCAPE OF RUSSIA

Abstract.

Subject of research: the concept of “open banking” in its foreign and domestic interpretation.

The purpose of this article is to review the foreign experience in the implementation of the concept of “open banking” (including Open API) and the formulation of the main elements of the domestic model of “open banking”, adapted to the regulatory framework and economic and legal realities of the country.

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счёт бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета 2018 года.

The research methodology consisted of a comparative, formal legal, analytical methods, systematic approach.

Based on the analysis of foreign experience and strategic documents regulating the development of the financial market and financial technologies, the paper formulates the main approaches to the domestic model of “open banking”, including the goals, principles and stages of its implementation.

The conclusions of the work can be used in further studies of the evolution of Russian financial legislation in the context of the digital economy.

Key words: open banking, open API, fintech, financial services, digital economy, marketplace, Bank of Russia, financial market

Ведущими юрисдикциями в области легализации «открытого банкинга» являются Европейский союз, Великобритания, Австралия, США, Сингапур.

Проблематика «открытого банкинга» встала в полный рост после принятия, а затем и вступления в силу 13 января 2018 года Второй платежной Директивы ЕС (PSD2)², обязавшей европейские банки предоставить третьим сторонам (разработчикам интерфейсов) доступ к счетам клиентов, что дает поле деятельности особой категории финансовых посредников — операторам по инициации платежей (PaymentInitiationServiceProvider, PISP) и операторам доступа к информации по счетам пользователей (AccountInformationServiceProvider, AISP).

Однако одной из первых стран, занявшей развитием «открытого банкинга», является Великобритания. Сделанные ею в этом направлении шаги можно систематизировать следующим образом:

1. Разработка инициативы Open Banking экспертной группой Open Banking Working Group (OBWG), в состав которой вошли представители банков, финтех-компаний и специалисты в области открытых данных.
2. Публикация в феврале 2016 года документа «TheOpenBankingStandard», содержащего рекомендации по разработке стандартов открытых API и их последующему внедрению.
3. Публикация в августе 2016 года Управлением по конкуренции и рынкам Великобритании (TheCompetitionandMarketsAuthority — CMA) плана реформ в банковской сфере, направленных на повышение конкуренции и доступности услуг на финансовом рынке. Одной из ключевых инициатив стала OpenBanking, для реализации которой был создан специальный уполномоченный орган (OpenBankingImplementationEntity).
4. Установление в рамках специального ордера (RetailBankingMarketInvestigationOrder 20174) того, что до 31 марта 2017 года в Великобритании должны быть опубликованы первые стандарты открытых API, главным образом связанные с предоставлением услуг физическим лицам, а также малым и средним организациям. Согласно данному ордеру, к лету 2017 года необходимо было разработать принципы доступа к информации и работе со счетами клиентов, чтобы обеспечить согласованное внедрение открытых API к дате вступления в силу PSD2.
5. Создание портала OpenBanking силами TheOpenBankingImplementationEntity, которое является разработчиком и владельцем данного портала.
6. Вступление в силу с 13 января 2018 года обязательного применения принципов открытых API в Великобритании для 9 крупнейших банков, которые являются

² Directive (EU) 2015/2366 of the European Parliament and of the Council of 25 November 2015 on payment services in the internal market, amending Directives 2002/65/EC, 2009/110/EC and 2013/36/EU and Regulation (EU) No 1093/2010, and repealing Directive 2007/64/EC // Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32015L2366> (дата обращения: 01.09.2018).

держателями около 80–90% счетов физических лиц в стране³.

7. Принятие в марте 2018 года Стратегия развития финтех-сектора⁴, цель которой — сделать Великобританию лучшим в мире местом по развитию финтех-бизнеса. Согласно Стратегии, основные реформы в британском секторе финтех состоят в следующем:

- усиление полномочий FCA в части контроля за конкуренцией на финансовом рынке;
- создание инновационного центра;
- создание регулятивной песочницы;
- начиная с 2017 года, издание законов с целью, чтобы небанковские поставщики платежных услуг были в состоянии непосредственно получить доступ к платежным системам в едином игровом поле с действующими поставщиками финансовых услуг;
- принятие мер для выравнивания игрового поля для peer-to-peer кредиторов и других альтернативных поставщиков финансовых услуг;
- установление «финтех-мостов» с Гонконгом, Южной Кореей, Сингапуром, Китаем, Австралией на основе межправительственных соглашений;
- создание в 2017 году Цифрового профессионального партнерства для целей подготовки кадров для цифровой экономики;
- усиленный региональный подход — развитие финтех-сервисов региональными банками и строительными кооперативами.
- тестирование технологии распределенного реестра в RTGS.

В последние месяцы серьезный прорыв в исследуемом направлении совершила Австралия. В декабре 2017 года Австралийским Правительством было издан Обзор по открытому банкингу («Review into Open Banking: Giving customers choice, convenience and confidence»)⁵, а затем 9 мая 2018 года в его развитие — руководство «Право потребительских данных» («Consumer Data Right»⁶).

Обзор основан на 4-х принципах:

- Открытый банкинг должен быть сфокусирован на клиенте;
- Открытый банкинг должен поощрять конкуренцию;
- Открытый банкинг должен создавать дополнительные возможности;
- Открытый банкинг должен быть эффективным и справедливым.

В Обзоре сформулированы требования к нормативной базе, на основе которой будет функционировать режим открытого банкинга и законодательный инструментарий, согласованный с законодательством Австралии, лучшей международной практикой и основанный на конкуренции, инновациях, эффективности, минимизации регуляторных издержек и защите прав потребителей.

Несомненно, что процесс складывания отечественной модели «открытого банкинга» должен и опираться на зарубежный опыт, и органично вписываться в отечественный регуляторный ландшафт.

Правовой основой внедрения концепции «открытого банкинга» должны послужить Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» от 28 июля 2017 г.⁷ и Цифровая повестка ЕАЭС⁸.

ской Федерации» от 28 июля 2017 г.⁷ и Цифровая повестка ЕАЭС⁸.

Концепция «открытого банкинга» должна базироваться на документах стратегического планирования, в том числе исходящих от Банка России, учитывая, что концепция «открытого банкинга» затрагивает прежде всего компетенцию мегарегулятора.

В Основных направлениях развития финансового рынка на период 2016–2018 годов⁹ Банк России декларирует обеспечение невозможности отказа одной организации финансового рынка другой организации финансового рынка в доступе к финансовым инструментам клиента или информации о нем, если клиент дал согласие на такой доступ.

В декабре 2017 года Банк России опубликовал Доклад для общественных консультаций «Развитие открытых интерфейсов (OpenAPI) на финансовом рынке»¹⁰, в котором Банк России указывает, что для обеспечения динамичного развития финансовых сервисов, повышения конкуренции, а также защиты прав и интересов всех участников финансового рынка, включая потребителей, финансовые организации и финтех-компании, он реализует мероприятия по развитию и внедрению принципов открытых API на финансовом рынке в России.

По инициативе Банка России в Ассоциации развития финансовых технологий (Ассоциации ФинТех) было открыто отдельное направление деятельности — развитие от-

крытых API. По соответствующему направлению деятельности планируется определение подходов, проведение пилотных проектов, разработка стандартов¹¹.

Принятие законодательства, связанного с регулированием открытых интерфейсов, ожидается уже в 2019 году. Многие крупные финансовые учреждения также объявили о своей работе по разработке открытых интерфейсов.

В проекте Основных направлений развития финансового рынка на 2019–2021 годы¹² Банк России, отмечая открывающиеся возможности, большее внимание обращает на потенциальные риски глобализации финансовых технологий для участников рынка и стабильности финансовой системы, реакция на которые (в том числе «нестандартными методами»), по-видимому, сегодня выступает основным драйвером регулирования цифровых инноваций на финансовом рынке.

Банк России отмечает, что ситуация на финансовом рынке под влиянием технологий может радикально измениться в случае вступления в конкурентную борьбу глобальных цифровых гигантов¹³.

В качестве таких потенциальных рисков Банк России выделяет:

1. *Риск снижения уровня защиты прав потребителей финансовых услуг.*

Банк России обращает внимание на то, что экстерриториальность услуг, позволяющая их пользователю получать информацию самостоятельно и приобретать финан-

³ См. подробнее: Аналитическая записка «Инициатива OpenBanking в Великобритании». Банк России. Март, 2018 // Режим доступа: http://cbr.ru/Content/Document/File/37081/note_20180319.pdf (дата обращения: 01.09.2018).

⁴ FinTech Sector Strategy. HM Treasury. March 2018 // Режим доступа: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/692874/Fintech_Sector_Strategy_print.pdf (дата обращения: 01.09.2018).

⁵ Review into Open Banking: Giving customers choice, convenience and confidence // Режим доступа: <https://static.treasury.gov.au/uploads/sites/1/2018/02/Review-into-Open-Banking-For-web-1.pdf> (дата обращения: 01.09.2018).

⁶ Consumer Data Right. 9 мая 2018 // Режим доступа: https://static.treasury.gov.au/uploads/sites/1/2018/05/t286983_consumer-data-right-booklet.pdf (дата обращения: 01.09.2018).

⁷ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. N1632-р // «Собрание законодательства РФ», 07.08.2017, N32, ст. 5138

⁸ Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 N12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» // Официальный сайт Евразийского экономического союза <http://www.eaeunion.org/>, 10.11.2017

⁹ Основные направления развития финансового рынка на период 2016–2018 годов // Режим доступа: http://cbr.ru/finmarkets/files/development/onfr_2016-18.pdf (дата обращения: 01.09.2018).

¹⁰ Доклад для общественных консультаций «Развитие открытых интерфейсов (OpenAPI) на финансовом рынке» // Режим доступа: http://cbr.ru/Content/Document/File/36006/api_survey.pdf (дата обращения: 01.09.2018).

¹¹ <http://www.vestifinance.ru/articles/97247>

¹² Основные направления развития финансового рынка на 2019–2021 годы // Режим доступа: [http://cbr.ru/StaticHtml/File/41540/onfr_2019-21\(project\).pdf](http://cbr.ru/StaticHtml/File/41540/onfr_2019-21(project).pdf) (дата обращения: 01.09.2018).

¹³ Так, в октябре 2017 года получила лицензию Центрального банка Ирландии платежная система, принадлежащая Facebook. Со своей стороны, входящая в китайскую Alibaba Group платежная система Alipay уже имеет 500 млн. зарегистрированных пользователей, предлагая также вложения в фонд денежного рынка. Специалисты практически не сомневаются в том, что скоро Facebook, Google, Amazon, Baidu и другие технологические компании этого калибра начнут полномасштабную экспансию на рынок финансовых услуг.

совый продукт у иностранного поставщика без должного контроля со стороны регулятора, затрудняет защиту прав потребителей, в первую очередь розничных, из-за различий норм законодательства и правоприменительной практики в разных юрисдикциях.

Отсюда, одной из ключевых тем международной финансовой повестки — определение подходов к допуску организаций при трансграничном предоставлении услуг.

В новых реалиях для обеспечения защиты прав потребителей Банк России будет стремиться к сотрудничеству с иностранными регуляторами по направлениям обмена информацией, гармонизации регулирования и надзора, взаимного признания национальных регуляторных режимов. Также совместные усилия требуются в сфере противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

2. Регуляторный арбитраж.

Экстерриториальный характер оказания финансовых услуг на глобальных рынках неизбежно создает условия для регуляторного арбитража. В частности, в связи с возможностью удаленного оказания финансовых услуг, быстрого перемещения капитала и сохраняющихся различий в регулировании финансового сектора в разных юрисдикциях финансовые транзакции могут легко переноситься в страны с более «мягким» законодательством, в том числе налоговым. Регуляторный арбитраж также создает неравные условия конкуренции между финансовыми посредниками на различных национальных рынках.

В этой ситуации все большую роль играют наднациональные правила регулирования, обеспечивающие унификацию рыночного пространства, мониторинг и регулирование системных рисков, гармонизацию регуляторных практик путем устранения регуляторного арбитража между различными юрисдикциями.

В основных направлениях развития финансовых технологий на период 2018–2020 годов¹⁴ Банк России декларирует, что «ключевым связующим элементом национальной инфраструктуры финансового рынка являются открытые интерфейсы (Open API), позволяющие обеспечить получение и передачу информации между информационными системами различных организаций с использованием стандартных протоколов обмена данными».

Проблематика открытых интерфейсов на первом этапе их внедрения рассматривается Банком России в качестве элемента финансового маркетплейса.

Банк России указывает, что создание платформы-маркетплейса для финансовых услуг и продуктов направлено на развитие конкуренции на финансовом рынке, повышение удобства, прозрачности и оперативности получения услуг клиентами в режиме «единого окна», устранение барьеров для доступа к финансовым продуктам клиентов. Платформа-маркетплейс позволит обеспечить возможность поиска и удобного предоставления востребованных финансовых услуг и продуктов для клиентов всеми участниками рынка наряду с другими финансовыми площадками, в том числе с применением чатов, ботов и робо-эдвайзинга. Платформа будет предусматривать консолидацию данных по предложениям участников финансовой экосистемы, анализ потребностей и персонализацию предложений для клиентов. При построении системы маркетплейс будут использованы также такие инновационные разработки других проектов Ассоциации ФинТех, как открытые интерфейсы (Open API) и платформа быстрых платежей.

Таким образом, как мы видим, органами ЕАЭС, Правительством Российской Федерации, Банком России созданы правовые основы для детализации и внедрения концепции «открытого банкинга», включая сегмент OpenAPI.

Целями совершенствования российского законодательства в части развития концепции «открытого банкинга» видятся:

- защита прав потребителей;
- снижение риска ПОД/ФТ;
- повышение эффективности оценки реализуемых банками систем и процедур управления рисками;
- обеспечение эффективности контроля со стороны Банка России за деятельностью платежных агрегаторов;
- выравнивание условий функционирования систем, обеспечивающих трансграничные переводы денежных средств физических лиц;
- развитие конкуренции на рынке платежных услуг.

Исходя из сказанного, сформулируем основные подходы к реализации в России концепции «открытого банкинга»:

1. В России финтех-политика должна заключаться в осторожном, обоснованном внедрении комплексных финтех-решений, не только концепции «открытого банкинга». Иначе положительный эффект может быть замедлен или вовсе отсутствовать, а минусы легализации концепции «открытого банкинга», напротив, резко увеличатся.
2. Внедрение в НПС правового режима, аналогичного PSD2, на данный момент является преждевременным, так как в России отсутствует развитая система финтех-компаний, имеющих возможность принять на себя часть функционала традиционного банкинга, имеют место высокие риски незаконных финансовых операций, а также невысокий уровень финансовой грамотности и финансовой доступности.
3. Для внедрения европейского опыта требуется определенный переходный период. В то же время, отдельные элементы Второй платежной Директивы ЕС могут уже сейчас быть включены в российское платежное законодательство в целях подготовки субъектов нацио-

нальной платежной системы и потребителей платежных услуг к будущим изменениям.

4. При внедрении концепции «открытого банкинга» неприемлемым видится автоматический перенос зарубежных моделей, требуется именно их адаптация к российским реалиям. Кроме того, необходима горизонтальная гармонизация принимаемых решений с государствами-членами ЕАЭС через Евразийскую экономическую комиссию в целях выполнения положений Цифровой повестки ЕАЭС и принятых политических решений по гармонизации национальных цифровых повесток.

Что касается порядка реализации в России концепции «открытого банкинга», мы полагаем, что ее внедрение может быть поэтапным.

На первом этапе данное внедрение целесообразно осуществить только в рамках регулятивной песочницы в отношении добровольно присоединившихся банков. При этом на данном этапе предполагается создание единого стандарта, разработанного одним органом (по примеру Великобритании) или общественными организациями (опыт США).

Предполагается использование банками общей инфраструктуры (опыт Великобритании, где запущен специальный информационный портал для публикации стандартов, спецификаций и ссылок на открытые API банков, проводится тестирование централизованной системы разрешения споров).

Возможен к обсуждению вопрос о целесообразности применения модели кросс-секторального регулирования «открытого банкинга» (опыт Австралии).

На втором этапе инициативу возможно внедрить в качестве обязательной только для крупнейших, системно-значимых банков (опыт Великобритании).

На третьем этапе возможно внедрение инициативы в полном объеме (вплоть до пределов, обозначенных в PSD2).

¹⁴ Основные направления развития финансовых технологий на период 2018–2020 годов // Режим доступа: http://cbr.ru/Content/Document/File/35816/ON_FinTex_2017.pdf (дата обращения: 01.09.2018).

Переход с одного этапа на другой возможен лишь в случае признания успешности внедрения предыдущего этапа, и — на основе анализа текущей макроэкономической ситуации и состояния платежной, банковской систем, финансового рынка — принятия решения о необходимости углубления внедрения концепции «открытого банкинга».

Библиографический список

1. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 N12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» // Официальный сайт Евразийского экономического союза <http://www.eaeunion.org/>, 10.11.2017
2. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. N1632-р // «Собрание законодательства РФ», 07.08.2017, N32, ст. 5138
3. Основные направления развития финансового рынка на период 2016–2018 годов // Режим доступа: http://cbr.ru/finmarkets/files/development/onrfr_2016-18.pdf (дата обращения: 01.09.2018).
4. Основные направления развития финансового рынка на 2019–2021 годы // Режим доступа: [http://cbr.ru/StaticHtml/File/41540/onfr_2019-21\(project\).pdf](http://cbr.ru/StaticHtml/File/41540/onfr_2019-21(project).pdf) (дата обращения: 01.09.2018).
5. Основные направления развития финансовых технологий на период 2018–2020 годов // Режим доступа: http://cbr.ru/Content/Document/File/35816/ON_FinTex_2017.pdf (дата обращения: 01.09.2018).
6. Аналитическая записка «Инициатива OpenBanking в Великобритании». Банк России. Март, 2018 // Режим доступа: http://cbr.ru/Content/Document/File/37081/note_20180319.pdf (дата обращения: 01.09.2018).
7. Доклад для общественных консультаций «Развитие открытых интерфейсов (OpenAPI) на финансовом рынке» // Режим доступа: http://cbr.ru/Content/Document/File/36006/api_survey.pdf (дата обращения: 01.09.2018).
8. Directive (EU) 2015/2366 of the European Parliament and of the Council of 25 November 2015 on payment services in the internal market, amending Directives 2002/65/EC, 2009/110/EC and 2013/36/EU and Regulation (EU) No 1093/2010, and repealing Directive 2007/64/EC // Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32015L2366> (дата обращения: 01.09.2018).
9. FinTech Sector Strategy. HM Treasury. March 2018 // Режим доступа: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/692874/Fintech_Sector_Strategy_print.pdf (дата обращения: 01.09.2018).
10. Review into Open Banking: Giving customers choice, convenience and confidence // Режим доступа: <https://static.treasury.gov.au/uploads/sites/1/2018/02/Review-into-Open-Banking-For-web-1.pdf> (дата обращения: 01.09.2018).
11. ConsumerDataRight. 9 мая 2018 // Режим доступа: https://static.treasury.gov.au/uploads/sites/1/2018/05/t286983_consumer-data-right-booklet.pdf (дата обращения: 01.09.2018).

Прокошин Максим Сергеевич

Доцент кафедры правового регулирования экономики и финансов Института государственной службы и управления Российской академии государственной службы и управления, кандидат юридических наук

E-mail: maximlawer@mail.ru

РАЗВИТИЕ НАУКИ ФИНАНСОВОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В ИНТЕРЕСАХ БЛАГОПОЛУЧИЯ ГРАЖДАН

Аннотация.

Предмет исследования — динамика норм финансового правоведения, закрепляющих интересы благополучия граждан в Российской Федерации и Евразийском экономическом союзе.

Целью статьи является рассмотрение современного состояния, проблем и перспектив жизнеобеспечивающего развития теоретико-практических основ юридических наук в сфере финансов, главным образом на примере финансового правоведения.

Методологию исследования составили принципы научности и объективности, сравнительный, формально-юридический, аналитический методы, системный подход, концептуальные положения правоведения, финансового и административного права.

В работе анализируются следующие вопросы: подготовка финансового правоведения к модернизационному рывку в управлении публичными финансами; причины, сдерживающие формирование режима антикоррупционно-финансового благополучия и его механизма. Статья содержит выводы и предложения относительно научно обоснованного генезиса и эволюции финансово-правоведческих институтов, их правореализации в развивающихся юридических науках под воздействием цифровизации финансов общественного сектора и проектно-управленческих приоритетов.

Выводы автора могут быть использованы в дальнейших исследованиях финансового правоведения, в процессе решения вопросов правового обеспечения финансового благополучия гражданского общества.

Ключевые слова: благополучие, граждане, интересы, модернизация, правоведение, прорывное развитие, приоритеты, управление, финансы.

Prokoshin Maxim S.

Associate Professor of the Department of legal regulation of the economy and Finance at RANEPa, PhD

THE DEVELOPMENT OF SCIENCE OF FINANCIAL LAW IN THE INTEREST OF WELFARE OF CITIZENS

Abstract.

The subject of the research is the dynamics of the norms of financial law that strengthen the interests of the welfare of citizens in the Russian Federation and the Eurasian Economic Union.

The purpose of the article is to consider the current state, problems and prospects of life-supporting development of theoretical and practical foundations of legal Sciences in the field of Finance, mainly on the example of financial law.

The methodology of the research is based on the principles of science and objectivity, comparative, formal legal, analytical methods, systematic approach, conceptual provisions of legal science, financial and administrative law.

The paper analyzes the following issues: preparation of financial law to the modernization breakthrough in the management of public Finance; the reasons that constrain the formation of the regime of anti-corruption and financial well-being and its mechanism. The article contains conclusions and proposals on the scientifically based Genesis and evolution of financial and legal institutions, their legal implementation in the developing legal Sciences under the influence of digitalization of public sector Finance and project management priorities.

The author's conclusions can be used in further studies of financial law, in the process of solving the issues of legal security of the financial well-being of civil society.

Key words: well-being, citizens, interests, modernization, law, breakthrough development, priorities, management, Finance.

Сегодня в России модернизация государственного управления финансами является радикальной в контексте расширения цифровых взаимосвязей финансовых и управленческо-правовых механизмов, востребованных интересами благополучия граждан. Прорывное развитие науки финансового правопедения — выдающееся явление, многоплановый феномен, от которого зависит преодоление бедности, отставания, прежде всего производительности труда, научение быть лучше и быстрее других обеспечить достаток в семьях.

Что должно быть приоритетом для нас? На этот вопрос В.В. Путин отвечает в Послании Федеральному Собранию (1 марта 2018 года): «... Считаю главным, ключевым фактором развитие благополучие людей...». Из-за последствий экономического кризиса бедность вновь подросла, и с ней сталкиваются 20 миллионов людей.

Если в прошлом реформаторам-политикам казалось, что одна из их важнейших задач состоит в растягивании во времени или откладывании «до лучших времен» многих важнейших финансовых, управленческих решений по вопросам жизнеобеспечения населения, то сегодня эти заблуждения стали очевидными на последствиях медлительности реформирования финансовых, налоговых, бюджетных, межбюджетных и иных отношений, возникших в 90-е годы прошлого века.

Значительная часть трудновыполнимых для бюджетов всех уровней социальных

обязательств, принятых в начале реформ, стала перекладываться на жилищную, коммунальную и другие жизненно важные отрасли. Не случайно резко возрастали неплатежи (в том числе — по обязательствам бюджетных организаций). Множились бартерные сделки, происходило накопление задолженности предприятий по обязательным платежам и налогам.

Неполная оплата жилья и коммунальных услуг в значительной мере стала следствием невыполнения органами государственной власти и местного самоуправления своих финансовых обязательств и функций. Льготы по коммунальным оплатам компенсировались не полностью, жилищные субсидии выплачивались лишь частично. Ошибки в организации регулирования тарифов на эти услуги приводили к значительным различиям между темпами инфляции и ростом тарифов. Последние то отставали от инфляции, то значительно ее опережали. В этих условиях стали признаваться деградация налоговых платежей, недофинансирование жизненно необходимых объектов, что потребовало выработки прорывных механизмов роста благополучия граждан посредством трансформации финансово-управленческих отношений.

«... В мире сегодня накапливается громадный технологический потенциал, который позволяет совершить настоящий рывок в повышении качества жизни людей, в модернизации экономики, инфраструктуры

и государственного управления», — говорит В.В. Путин¹.

На основе Стратегии пространственного развития, считает Президент России, необходимо подготовить комплексный план модернизации и расширения всей магистральной инфраструктуры страны. В крупном масштабе нужно создать базовые условия для трансформационного прорыва, а именно — «такие фискальные решения, которые обеспечат пополнение бюджетов, причем всех уровней. ... Для этого нам нужна экономика с темпами роста выше мировых». Кроме этого, надо решить ключевую проблему — открыть предпринимателям доступ к финансовым ресурсам, кредитам, под фактическую ставку в 6,5 процента. И в итоге убрать все, что «позволяет нечистоплотным, коррумпированным представителям власти и правоохранительных органов оказывать давление на бизнес. Уголовный кодекс должен перестать быть инструментом решения хозяйственных конфликтов между юридическими лицами. Такие споры нужно переводить в административную и арбитражную практику»².

Ясным стало, что без трансформационного рывка, без преемственности в движении от финансового права к финансовому правопедению невозможна модернизация управления финансами в интересах благополучия граждан. Причем в процессе генезиса и эволюции финансово-прорывных институтов не следует смешивать понятия «модернизация» и «трансформация». Если модернизация означает осовременивание управления финансами, то трансформация представляет собой создание фундаментальных предпосылок прорывного развития, результатом которого является высокое качество, правовая культура управления. Недооценка трансформационного рывка во многом снижает достижение субъектами управления конкретных финансовых результатов во благо человека. Нужна, прежде всего, действенность конституционных

и административно-правовых регуляторов, готовность которых к обеспечению благополучия во многом обязана системе органов государственного управления в области бюджетирования, кредитования, финансирования народного хозяйства, налогов, ценообразования, банковского дела, страхования и учета.

Базовые показатели благополучия граждан и страны — продолжительность жизни; увеличение размеров пенсий, их регулярная индексация, сокращение разрыва между размерами пенсии и зарплатой, которая была у человека перед выходом на пенсию. Наряду с этим речь идет также о росте доходов граждан и соответственно уточнении механизма расчета налога, а также определения кадастровой стоимости недвижимости. Размер зарплат в бюджетной сфере должен расти и дальше, включая здравоохранение, образование, другие области, которые определяют благополучие людей. Для этого нужно четко определить, выстроить и повысить эффективность госрасходов, энергичнее привлекая частные ресурсы для финансирования крупных проектов.

Реализуя меры денежно-кредитной политики, развивая финансовые рынки, Центральный банк в контакте с Правительством России будут постепенно снижать процентные ставки, повышать доступность кредита. К тому же увеличение инвестиций планируется довести до 27 процентов от ВВП.

Намечено повысить самообеспеченность страны говядиной, молоком, овощами. Финансовое правопедение в сочетании с уголовным правом должно жестко действовать в отношении посягательств на денежные средства граждан, рейдерских захватов, уклонений от уплаты налогов и разворовывания бюджетных средств.

Возникает вопрос о прорывных направлениях, обеспечивающих в современном мире модернизационный динамизм финансово-правового регулирования многих отно-

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 1 марта 2018 года // Российская Газета, 2018. 2 марта.

² См.: Там же.

шений жизнеобеспечения, его наиболее существенных элементов, таких как снижение вдвое уровня бедности за шесть лет, правовое обеспечение банковских гарантий, эффективное использование публичных финансов. В этой связи заслуживают особого внимания функции стимулирования финансово-управленческих отношений благополучия граждан: инновационно-распорядительная, информационно-регулятивная, правоприменительная. Все перечисленные функции, выражающие многообразие средств достижения реального благополучия с помощью развития финансового правоправедения, носят созидательно-трансформационный характер и выступают в виде межотраслевой, масштабной программы пространственного развития жизнеобеспечения населения России. Ее элементы составляют не только задачи, принципы, методы финансовой деятельности, но и прорывная юридизация всей финансовой системы. Причем как национальной, так и международной финансовой систем.

В общеструктурном аспекте это означает удвоение в России расходов на эти цели, включая развитие городов и сельских территорий; рост доходов граждан, государственных финансов (бюджета, государственных внебюджетных фондов); расширение правового положения финансов предприятий, учреждений, организаций (финансов коммерческих организаций, некоммерческих учреждений, общественных, и других организаций); совершенствование финансово-правового процесса кредитования, снижения стоимости кредита на ипотеку до 8 процентов; страхование (личного, имущественного и других видов); новые источники местных финансов (бюджетов, внебюджетных фондов). Предстоит поэтапный переход от долевого строительства жилья к проектному финансированию, когда риски берут на себя застройщики, а не граждане.

Такой трансформационный рывок может быть осуществлен всей мощью финансового

правоправедения³ (макроправа), в основе которого находится юридизация всей финансовой системы, совокупности всех финансовых институтов (групп денежных отношений), в том числе во взаимосвязи с финансовым правом. Действие последнего нельзя недооценивать, ибо оно обусловлено ролью финансов, основанных на правовых нормах, регулирующих общественные отношения, складывающиеся в сфере финансовой деятельности звеньев механизма управления государством. А именно: по поводу мобилизации; распределения и использования ими денежных фондов; для решения стоящих перед ними целей и задач. Отсюда вытекает, что если в финансовом правоправедении подвергается юридизации вся финансовая система, все финансовые отрасли и институты, то в финансовом праве (микроправе) — собрание, распределение (перераспределение) денежных фондов государства и муниципальных образований, их использование. Объективными условиями существования финансовой деятельности, как справедливо считает Е. Ю. Грачева, является, во-первых, необходимость распределения и перераспределения в денежной форме национального дохода и, во-вторых, товарное производство, действие объективного закона стоимости⁴. Эти условия, хотя и первичны по отношению к финансовой деятельности государства, но они также подвержены процессу юридизации, происходящей, прежде всего, в финансовой системе⁵.

В контексте осуществления жизнеобеспечивающего прорыва финансовое правоправедение означает состояние урегулированности, упорядоченности и управляемости финансов, что достигается благодаря не только финансовому праву, но и финансовому процессу, административному праву и управлению, основанных на модернизации объектов финансовой системы, на цифровизации системы государственного управления финансами.

В отличие от финансового права как деятельности по регулированию публичных

финансов, финансовое правоправедение к тому же означает финансово-правовое обеспечение прорывного развития всей системы благополучия жизни граждан. Нужен конкретный результат рывка в материальном и процессуально-правовом обеспечении финансовой системы в виде ее модернизации, упорядоченности и управляемости. На этом модернизационном этапе необходимо вернуться к налогу на имущество физических лиц, который должен быть справедливым и посильным для граждан. Уверенность в возможности качественного жизнеобеспечения населения обусловлена также тем, что финансовое правоправедение в широком смысле является составной частью международного экономического права⁶, а в узком смысле, — будучи основанием национального финансового микроправа выступает как отрасль национального экономического права, в данном контексте — экономического права современной России.

Финансовое правоправедение, в основании которого находится юридизация финансовой системы, наряду с материальными нормами права, не случайно носит процессуально-правовой характер. Финансовое право, в отличие от финансового правоправедения, не выражает столь объемно финансово-процессуальные правоотношения⁷. Отсюда и по объему в целом действие финансового правоправедения и финансового права как двух наук существенно различается, особенно в ходе прорывного развития управления финансами. Финансовое правоправедение как наука охватывает в процессе трансформационного рывка не только финансовое право, ее содержание, но и финансово-правовой комплекс, ряд вопросов административного права (налоговое администрирование, деятельность органов исполнительной власти в финансовой сфере, административно-правовой контроль (надзор в ней) и др.), отдельные юридико-финансовые вопросы экономического, хозяйственного и других отраслей права. По своему содержанию фи-

нансовое правоправедение (в широком понимании), в отличие от финансового права, является не только системой норм материального права, но и финансово-процессуальной межотраслевой совокупностью правовых норм, конкретизирующих финансовое, валютное, кредитное, таможенное регулирование, денежную эмиссию, федеральный бюджет, налоги и сборы. Более того, Правительством Российской Федерации обеспечивается в рамках федерального ведения осуществление единой финансовой, кредитной и денежной политики (пункт «б» части 1 статьи 114 Конституции).

Отдельный вопрос — соотношение правоправедения как юридической науки и финансового правоправедения как финансово-правоведческой науки. Появление финансового правоправедения обусловлено действием Конституции Российской Федерации 1993 года. Ее статья 71 начинается: «В ведении Российской Федерации находятся ...». Безусловно, это ведение является правовым. В данной конституционной статье к правовому ведению, сокращенно к правоправедению, Российской Федерации отнесено финансовое регулирование, также (наряду с финансовым) валютное, кредитное; таможенное регулирование, денежная эмиссия, основы ценовой политики, экономические службы, включая федеральные банки (п. «ж»), а также федеральный бюджет, федеральные налоги и сборы; федеральные фонды регионального развития (п. «з»). И все это регулирование происходит в сочетании с правовыми основами единого рынка, который охватывает также финансовый рынок. Отсюда правомерным является название российской национальной науки «финансовое правоправедение Российской Федерации», которое дополняется соответствующими нормами международного права и именуется «теория финансового правоправедения».

В процессе трансформационного рывка к обеспечению благополучия граждан необходимо комплексно использовать финансо-

³ См.: Прокошин М. С. Финансовое правоправедение: теория и практика. — М.: ЮСТИЦИЯ. 2016. 418 с.

⁴ См.: Грачева Е. Ю. Финансовое право, схемы с комментариями. — М.: Проспект. 2009. С. 3, 8, 13 и др.

⁵ Пашенцев Д. А. Финансово-правовая традиция России. — М.: Кнорус. 2016. С. 7–12.

⁶ См.: Международное финансовое право (МФП) — подотрасль международного экономического права // Шумилов В. М. Международное финансовое право. — М.: «Международные отношения». 2005. С. 48–123.

⁷ См.: Финансовое право. Учебно-методический комплекс. — М.: Изд-во РАГС. 2009. С. 9.

вое правоправедение как одну из юридических наук и правоправедение как совокупность юридических наук, то есть наук о праве в целом. Правоправедение — отрасль таких знаний, которые осваивают общественные явления, принадлежащие к сфере политической жизни общества. Поэтому не случайно дается определение ему как специальной общественной науке, изучающей право — особую систему социальных норм. Эта юридическая наука сложилась в качестве отрасли знаний, охватывающей не только право, правовую систему, но и государство, связи с государством других элементов политической системы⁸. Социально-политическая сущность, выраженная в особом юридическом содержании, специфических правовых свойствах, структуре, закономерностях права, — определяющая черта правоправедения как общественной науки, положения которой находятся в русле современных научных исследований в сфере государственной и правовой жизни⁹. Эта черта обусловлена политическим своеобразием, а по ряду сторон — уникальностью явлений правовой действительности.

Отсюда вытекает, что правоправедение в рассматриваемой плоскости жизнеобеспечения является политической наукой, непосредственно выражающей то или иное мировоззрение. В свою очередь, финансовое правоправедение не столько политическая, сколько юридическая наука. Конечно, эти науки имеют в своем предмете общие правовые понятия и государственные институты. Но в правоправедении государство выступает как общественно-политическое явление и право — как социально-политическое явление общественной жизни. Отсюда взаимосвязь между государством и правом носит политический характер. Не случайно в процессе поиска трансформационного рывка к благополучному жизнеобеспечению населения посредством модернизации управления финансами правоправедение как наука взаимосвязана с системой финансово-правоведческой науки. Думается, что последняя

выступает частью правоправедения. Их связи обусловлены также тем, что правоправедение и финансовое правоправедение исследуют многие общие правовые понятия, рассматривают жизненно важные для страны проблемы финансового правоправедения, формируют понимание роли права и государства в удовлетворении финансово-стратегических интересов России.

В этой связи вряд ли надо ограничивать только финансовым правом программу подъема уровня благополучия граждан и соответственно подготовку современных управленцев и не включать в проектно-программное обеспечение более широкий по содержанию курс «Финансовое правоправедение». К тому же в учебник «Правоправедение», его раздел об основах российского права напрашивается такая его часть, как основы финансового правоправедения. Сводить «Правоправедение» только к основам гражданского, трудового, уголовного, экологического права, как это представлено в учебнике «Правоправедение», без показа в прорывном развитии управления финансами финансово-правоведческого взаимодействия таких отраслей права, как финансовое, административное, муниципальное право, значит недооценивать возрастание роли публичного права в целом.

Таким образом, прежде чем определить направление рывка к улучшению жизненного благополучия граждан с использованием модернизации управления финансами, надо признать, что под правоправедением (юриспруденцией) понимается несколько взаимосвязанных юридических наук, в том числе финансовое правоправедение. Во-первых, юридическая наука (правоправедение) находит выражение в научных обобщениях, понятиях всех отраслей публичного права. Именно благодаря публичному праву складываются финансово-правоведческие гипотезы, концепции, теории. Во-вторых, в связи с теоретико-прикладным характером юридических наук, изучающих финансы, в их содержание включаются прогрессивные

изменения механизмов, способов регулирования процесса трансформации финансовой системы и других научных обобщений; предложения и рекомендации, обращенные к субъектам правотворчества и правоприменения, в том числе к органам, осуществляющим развитие финансового правоправедения в интересах благополучия граждан России. В-третьих, без познания роли права в финансовой трансформации правоправедение не является полноценной совокупностью знаний о государстве, управлении, праве, наличие которых дает основание для профессионального занятия юридической и управленческой деятельностью. Поэтому правомерной становится необходимость включения в учебный курс «Правоправедение» отдельного раздела «Основы финансового правоправедения».

В целом юридические науки есть не что иное, как правоправедение, обобщающе говоря, общественные науки, изучающие правые средства жизнеобеспечения, правовую систему как систему социальных норм, правотворческую и правоприменительную деятельность государства.

Итак, институт «Правоправедение» означает: 1) то же, что и юридическая наука, юриспруденция; 2) название юридической специальности в учебных заведениях; 3) совокупность отраслей, составляющих такие сферы, урегулированные правом, как финансово-правовая система (сфера макроправового регулирования), именуемая финансовым правоправедением.

В отличие от финансового права, внутренняя структура предмета финансового правоправедения весьма неоднородна и охватывает различные финансово-рыночные, управленческо-правовые, процессуально-денежные приоритеты, входящие в системные правоотношения финансового правоправедения, перечисленные в п.п. «ж» и «з» статьи 71 Конституции Российской Федерации. Акты финансового правоправедения содержат нормы различной отраслевой и межотраслевой принадлежности, что, однако,

не может служить основанием для отказа в их консолидации как комплексной сферы правового регулирования финансов. Тем самым подтверждается наличие комплексных сфер правового регулирования — результата интенсивного развития российского и международного финансового права. Исходя из последнего, определяются приоритетные направления международной финансовой политики и национальные правовосновы финансовой системы.

В связи с этим очевидна правомерность появления финансового правоправедения как одного из источников обеспечения благополучия граждан. Более того, как трансформационного рывка в модернизации управления финансами. Также вполне вероятной стала допустимость включения его в состав взаимодействующих проектно-управленческих приоритетов в виде фабрики проектного финансирования¹⁰. К механизму такой фабрики отнесен массив нормативных актов, закрепляющих бюджетные, налоговые, кредитно-расчетные, валютно-денежные отношения. В интересах благополучия граждан эта фабрика реконструирует расходы, организацию страхового фонда, федеральных фондов регионального развития, рынка ценных бумаг, проведение финансового контроля с учетом опыта международных объединений, таких как Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

Защитно-ценностное воздействие на жизнеобеспечивающие отношения в странах ЕАЭС, регулируемые финансовым правоправедением, связано с ролью права быть не только регулятором, но и координатором, стабилизирующим фактором развития финансовых систем различных государств.

На повестке дня — создание в интересах благополучия народов ЕАЭС общего рынка электроэнергии, нефти, нефтепродуктов и газа, гармонизация финансовых рынков, работа таможенных служб. Россия в составе ЕАЭС продолжает работать над проектом по созданию большого евразийского партнерства. В результате получают развитие мощ-

⁸ См.: Юридическая энциклопедия. — М.: Юринформцентр. 2007. С. 948.

⁹ Правоправедение. — М.: Изд-во РАГС. 2008. С. 13.

¹⁰ См. Выступление Медведева Д. А. 8 сентября 2017 г. на пленарном заседании Московского финансового форума // <http://government.ru/news/29174/>.

ные евразийские транспортные артерии. Уже идет строительство автомобильной дороги, которая станет важной частью коридора «Европа — АТР».

Теоретико-практическая концепция ценностных, финансово-цифровых праворегуляторов концентрирует внимание управленческих органов, должностных лиц и служащих на значимости их жизнеобеспечивающей работы, на активном использовании финансового правоправедения в интересах формирования режима антикоррупционно-финансового благополучия, механизм которого выступает как деятельностная перспектива, направленная на сбережение народов, преодоление бедности, недопущение коррупционных проявлений, в частности, нарушающих стандарты экологического благополучия. Очевидна потребность в законодательно установленных правилах, выраженных в виде запретов, ограничений и требований, следование которым предопределяет формирование законодательных гарантий благополучия граждан, противостоящих обману, жульничеству коррумпированных чиновников.

От таких ценностных регуляторов жизнеобеспечения, как административное право и финансовое правоправедение должны исходить помощь и поддержка центральных и региональных органов в обеспечении финансово-цифровой грамотности в изучении населением конъюнктуры национальных, евразийских и иных зарубежных рынков, в рациональном использовании гражданами своих средств.

Практика стран Евразийского экономического союза также свидетельствует в пользу развития института всеобщей финансово-цифровой грамотности на основе достижений управленческо-правовой теории и науки финансового правоправедения. Специальные акты на этот счет существуют и в таких странах с рыночной экономикой, как Франция, Германия, Швейцария, Италия, Испания и др.¹¹

¹¹ См.: Zingales L. A Capitalism for People: Recapturing the Lost Genius of American Prosperity. New York: Basic Books. 2012. 336 p.; Фридман Дэвид. Порядок в праве. Какое отношение экономика имеет к праву и почему это важно. Перевод с английского. — М.: Изд-во Института Гайдара. 2017.

Важно формировать при этом понимание нового качества юридизации финансовой системы каждого государства. В том числе ее способности упреждающе вырабатывать финансово-цифровые текущие и стратегические ориентиры, выявлять и продуктивно использовать новые факторы повышения общественной полезности финансовых правоотношений единого рынка и налогового администрирования в интересах жизнеобеспечения общества.

В этой связи заслуживают специального регулирования организационно-правовые и финансово-индивидуальные приоритеты благополучия граждан в системе теоретически выверенной методологии деятельности защитно-ценностных и финансово-цифровых праворегуляторов жизнеобеспечения государств Евразийского экономического союза как глобальной ценности, обусловленной институализацией ответственности за свободное перемещение финансовых и иных жизнеобеспечивающих средств. Все это углубляет процесс гуманизации финансово-правоведческой и всей юридической науки, охватывающей практически все сферы деятельности по обеспечению экономического, правового и социального прогресса государств ЕАЭС.

В итоге позитивной деятельности праворегуляторов жизнеобеспечения народов ЕАЭС и на их основе укрепляется механизм развития предметов ведения Российской Федерации. Финансово-правоведческая наука не может не быть сама отраслью юридической науки (правоправедения), объединяющей различные по своей природе правовые институты жизнеобеспечения общества. Критериями их отнесения к финансовому правоправедению, его фабрике проектного финансирования служит управленческая приоритетность вхождения в финансовые правоотношения важнейших управомоченных органов управления финансами. Органы власти и управления государства, реализуя децентрализованные денежные фонды,

создают присущими им методами (общим, стратегическим финансовым планированием, правообеспечением финансовой политики, поддержкой новых инвестиционных проектов в реальном секторе) межотраслевую систему развития правовых приоритетов-регуляторов финансовой деятельности Российской Федерации.

Укрепление устойчивости финансовой системы и тенденции юридизации ее основ в условиях новой реальности требуют развития управленческих приоритетов, стабилизирующих правовое ведение (правоправедение) финансовых дел государства. Такое правоправедение призвано обеспечить адекватное современным условиям правовое регулирование финансовых отношений в интересах жизнеобеспечения населения. Необходимо максимально сконцентрировать финансовые, административные, управленческие ресурсы, усилить ответственность за решение поставленных задач, увеличить отдачу от использования финансовых средств, для чего выдвинута задача: немедленно и радикально менять существующую систему управления¹². С этой целью будет продолжена реформа контроля и надзора, которая направлена на предотвращение финансовых нарушений, а не на обычное наказание.

Весьма актуальны вопросы выхода на устойчивое развитие приоритетов в финансовой системе, что является признаком движения к восстановлению правовой экономики, формированию общества управленческих знаний с учетом стратегических национальных приоритетов жизнеобеспечения граждан¹³. Здесь недопустимо действие принципа «экономии мышления», то есть достижения максимума новых управленческих знаний с помощью минимума и финансовых, и научно-познавательных средств.

Финансово-управленческий механизм исходит из того, что нормативно-правовая база рынка денежных отношений может быть поднята на уровень единства правовых, фи-

нансовых, управленческих ценностей, подчиненных: а) формированию новых приоритетов обеспечения роста благосостояния народа за счет финансово-правовых знаний, концепций, проектов, программ в сфере развития основ единого рынка; б) расширению нормативности и субъектности в финансово-управленческих отношениях жизнеобеспечения населения; в) развитию научных основ повышения эффективности государственных расходов на рост благополучия граждан, утверждения в обществе новых регуляторов внедрения финансово-правовых технологий. Среди них: энергичная опора на привлечение частных ресурсов для финансирования крупных проектов; цивилизованная конкуренция, использование всего многообразия субъектов рынка; прогрессивные формы стимулирования права собственности, создание новых налоговых условий, стабильно зафиксированных на предстоящие годы.

Основными причинами сдерживания финансово-правоведческого рывка к реальному благополучию граждан на основе модернизации рассматриваемого механизма управления финансами являются:

- чрезмерная массивность, сложность и недостаточное качество финансового законодательства, обуславливающие различное толкование содержания и смысла многих его норм работниками финансовых органов, организаций-налогоплательщиков, представителями адвокатского корпуса;
- отсутствие у работников этих органов и физических лиц необходимых навыков системного применения норм налогового, финансового, гражданского и иного законодательства, прямо или косвенно регулирующих жизнеобеспечивающую деятельность субъектов финансово-управленческих отношений;
- нестабильность и противоречивость судебной практики разрешения хозяй-

¹² См.: Заседание Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам // Российская Газета. 2016. 19 августа.

¹³ Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 года № 203 <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919>.

ственных споров юридических лиц по вопросам применения и толкования норм финансового права.

Важно вести разработку концептуальной основы прорывного законодательства в интересах благополучия граждан и определения жизненных перспектив оптимизации системы финансового правопедения, обеспечивающего совершенствование норм права о налогах, сборах и финансах в целом. Необходимо так трансформировать механизм правотворческой (нормотворческой) деятельности представительных и исполнительных органов государственной власти и местного самоуправления в сфере жизнеобеспечения, чтобы создать предпосылки для совершенствования финансового законодательства и процесса государственного управления финансами.

Все это делает перспективной разработку и принятие модельного закона «О развитии проектно-управленческих приоритетов благополучия граждан в финансово-правовой системе Российской Федерации». Суть вопроса состоит в том, что имеющиеся в финансовой сфере нормативные акты не позволяют достаточно прочно объединить в прорывную финансовую проектно-управляющую деятельность и Российской Федерации, и ее субъектов в той части, которая обеспечивает благополучие граждан. Кроме того, принятие этого закона позволит установить основы проникновения финансово-правовых методов в процесс регулирования финансово-правовых основ единого рынка с использованием проектно-управленческих и правовых средств. Что же касается самой финансовой системы, то наличие акта, играющего роль правового средства управления финансами, будет ориентировать законодателей на разработку поставленных жизнью вопросов финансового правопедения для трансформационного рывка к модернизации управления процессом улучшения благосостояния народа.

Правовыми приоритетами финансово-управленческой системы, подчиненной интересам благополучия граждан и подлежащей регулированию в законопроекте, долж-

ны, по нашему мнению, стать правопедческие основы: конвергенционно-правовая; финансово-правовое регулирование; нормативно-финансовое обеспечение трансформационного прорыва в управлении процессом жизнеобеспечения населения; субъектно-финансовая; информационно-финансовая; стратегическое финансово-правовое планирование; финансово-правовой режим антикоррупционности и антисанкционности; финансово-правовая инноватика развития благополучия граждан как основа и др.

Из этого перечня основ видно, что они включают в себя нормы, определяющие обновленные принципы организации и осуществления перехода от энергии развития к жизненным перспективам финансовой деятельности Российской Федерации, ее субъектов и органов местного самоуправления. Настоящий переход охватывает систему финансовых органов и их правомочия, приоритеты финансирования, кредитования, расчетов, денежного обращения, а также валютного законодательства, устанавливающие преемственность на основе конвергенции прогрессивных взглядов, идей защиты прав юридических и физических лиц в их модернизационных взаимоотношениях.

Вместе с тем в предлагаемом к принятию законе следует четко определить новые правореализационные подходы к взаимодействию наук, таких как конституционное право, административное, финансовое право, финансовое правопедение и др. Без этого невозможен рывок в обеспечении реального благополучия граждан. Конечно, необходима модернизация управления финансами, поскольку жизнь требует новые концепции, идеи, взгляды на устаревшие акты, содержащие неопределенности, неясности, неконкретности финансово-управленческих норм. Имеется в виду, прежде всего выявление перспективных взглядов, идей самих граждан как конституционных участников управления финансами и всеми делами государства (статья 32 Конституции РФ). Именно на этой основе возможно появление норм процессуального законодатель-

ства о защите от коррупции рынка ценных бумаг, правовом обеспечении устойчивости ценообразования в условиях санкций и в целом об усилении роли правовых ценностей в системе учета, контроля и ответственности в сфере публичных финансов.

Принятие рассматриваемого модельного закона повлечет укрепление консолидации бюджетного законодательства субъектов Российской Федерации, что, в свою очередь, создает условия для совершенствования межбюджетных отношений. Целесообразно с помощью данного проекта до минимума сократить основания для конфликта интересов вследствие неупорядоченности бюджетных, банковских кредитов, а также специальных средств. Уже сегодня с этой целью под контроль государства переведен ряд финансовых активов, которые в прорывном режиме нужно энергично выводить на рынок и продавать.

В предлагаемом законопроекте целесообразно урегулировать статус финансово-цифровой информации, нормативов и приемов бухгалтерского учета. Исключительно важны и другие вопросы финансового правопедения, такие как обжалование денежных действий юридических лиц, их руководителей, процедура досудебного рассмотрения финансовых споров, в том числе относительно становления специальных институтов налогового законодательства (новых полномочий налоговых органов, обжалования их решений, порядок рассмотрения жалоб налогоплательщиков на решения этих органов и др.). Кроме того, предлагаемый законопроект будет содержать систему и таких налоговых идей, взглядов, стимулов, как установление новых налоговых льгот; право субъектов Российской Федерации снижать ставки налога для отдельных групп налогоплательщиков; организация мониторинга развития ситуации в налоговой сфере и др. Вместе с тем нуждаются в законодательно-профилактическом «лечении» тревожные симптомы, когда установленные налоги и сборы вводятся или

изменяются в «ручном» административном порядке с помощью подзаконных актов, когда жесткость налоговых мер не компенсируется их стимулирующей ролью¹⁴. Нового законодательно-финансового взгляда заслуживает брокерская, дилерская, клиринговая деятельность и определение последствий конфликта интересов при совмещении этих видов работы на рынке ценных бумаг.

Назрела необходимость включения в предлагаемый проект федерального закона норм о либерализации импорта капитала, о страховании рисков на рынке ценных бумаг и внесении дополнений в нормативную базу по валютному регулированию. До настоящего времени в Федеральном законе «О рынке ценных бумаг» отсутствуют достаточные механизмы эффективной защиты участников рынка и, в первую очередь, мелких инвесторов.

Модернизационное улучшение общего финансового климата в стране не освобождает государство от установления ответственности за фальсификацию и невыполнение выявленных приоритетов в ценообразовании, за истинность гипотез, проектов, которые вызывают доверие населения, а также за действие и такого механизма, как регламентация бухгалтерского учета и контроля в автоматизированном («роботизированном») режиме. В предлагаемом законопроекте следовало бы конкретизировать методическое руководство бухгалтерским учетом со стороны органов государственного управления в случаях, когда посредством рекомендаций, информационных писем, обзоров и подобных актов «корректируется» законодательство, и отсюда проистекает искажение его содержания. Принятие и действие настоящего законопроектного акта обеспечит единство отдельных отраслей бухгалтерского учета (налогового, бюджетного, кредитного и др.) на основе модернизации соответствующих стандартов системы сбора и обработки финансовой информации в целях контроля на базе «безлюдных технологий», т.е.

¹⁴ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 января 2015 г. № 98-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 5. Ст. 866.

без участия должностного лица. Отделение финансового контроля от юрисдикционной деятельности позволит не допустить их смешение, тормозящее эффективное осуществление финансовой деятельности органов государства в интересах достижения нового уровня благополучия граждан.

Продолженный выше анализ развития науки финансового правопедения в интересах жизнеобеспечения граждан подтверждает необходимость трансформационного рывка в модернизации управления финансами на народнохозяйственном уровне. Правомерны выводы об интенсивном движении энергии рыночного развития финансов с учетом уроков прошлого, для настоящего и будущего финансового правопедения Российской Федерации как науки, подчиненной всецело росту благосостояния народа.

Трансформационные приоритеты финансового правопедения, его отраслей и институтов на этих направлениях все более тяготеют к учету новой реальности — оптимизации процессов совершенствования системы юридических наук, занятых в сфере финансов. А именно — к конкретизации прав, обязанностей, ответственности органов управления публичными финансами, качественной реализации субъектами финансовых отношений новых компетенций; к обеспечению гармонизации взаимодействия финансово-управленческой транс-

формации с денежными правоотношениями в интересах благополучия граждан. В этом процессе большое значение имеют генезис и эволюция финансово-правоведческих институтов, механизм реализации науки финансового правопедения в ходе цифровизации и прорывного развития жизнеобеспечения населения.

Существует тенденция к углублению функциональной зависимости роста благополучия граждан от эффективности управления финансами, от межотраслевых финансово-правоведческих приоритетов трансформации среди отраслей юридической науки, действующих в сфере публичных финансов. Вследствие действия ряда этих приоритетов финансово-правоведческое регулирование все более приобретает характер комплексно упорядоченных процедур налогообложения, бюджетного процесса, кредитования, налично-денежного регулирования и других, подчиненных интересам роста благополучия граждан. Благодаря расширению и эффективности действия финансово-управленческой трансформации, подотрасли и институты финансового правопедения способны сделать рывок на этом пути посредством модернизации управления финансами и поднять на более высокий законодательный уровень осуществление политики повышения благосостояния граждан.

Библиографический список

1. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 1 марта 2018 года // Российская газета. 2018. 2 марта.
2. Грачева Е. Ю. Финансовое право, схемы с комментариями. — М.: Проспект. 2009.
3. Медведев Д. А. Новая реальность: Россия и глобальные вызовы // Российская Газета. 2015. 24 сентября.
4. Пашенцев Д. А. Финансово-правовая традиция России. — М.: Кнорус. 2016.
5. Прокошин М. С. Финансовое правопедение: теория и практика. — М.: Юстиция. 2016.
6. Правопедение. — М.: Изд-во РАГС. 2008.
7. Шумилов В. М. Международное финансовое право. Учебник. — М.: международные отношения. 2005.
8. Фридман Д. Д. Порядок в праве. Какое отношение экономика имеет к праву и почему это важно. Перевод с английского. — М.: Изд-во Института Гайдара. 2017.
9. Финансовое право. Учебно-методический комплекс. — М.: Изд-во РАГС. 2009.
10. Юридическая энциклопедия. — М.: Юринформцентр. 2007.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Лисина Наталья Леонидовна

Заведующая кафедрой трудового, экологического права и гражданского процесса Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия), Кандидат юридических наук, доцент,

E-mail: lisina_nl@mail.ru

О РОЛИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО НОРМИРОВАНИЯ В ПРАВОВОМ МЕХАНИЗМЕ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Аннотация.

Предмет исследования: правовая сущность и место экологического нормирования в организационно-правовом механизме охраны окружающей среды в Российской Федерации.

Целью настоящей статьи является рассмотрение и правовая оценка состояния экологического нормирования в системе правовых инструментов охраны окружающей среды, выявление проблем, перспектив развития законодательства и формирования практики в этой сфере.

Методологию исследования составили исторический, сравнительный, формально-юридический, аналитический методы, системный подход.

В работе, на основе законодательства и обобщения теоретических взглядов ученых, произведен анализ экологического нормирования в контексте мероприятий по охране окружающей среды. Сделан вывод о роли экологического нормирования в обеспечении благоприятного состояния окружающей среды и повышения качества жизни человека. Предложены направления повышения эффективности экологического нормирования.

Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях проблем экологического нормирования, совершенствовании национального экологического законодательства и экологической политики.

Ключевые слова: охрана окружающей среды, экологическое нормирование, экологические нормативы, наилучшие доступные технологии, объекты негативного воздействия

Lisina Natalia L.

Head of the department of labor, environmental law and civil procedure of the Kemerovo State University (Kemerovo, Russia), PhD in Law, associate Professor

E-mail: lisina_nl@mail.ru

ABOUT THE ROLE OF ENVIRONMENTAL REGULATION IN THE LEGAL MECHANISM OF ENVIRONMENTAL PROTECTION

Abstract.

The subject of the research: the legal essence and place of environmental regulation in the organizational and legal mechanism of environmental protection in the Russian Federation.

The purpose of this article is to review and assess the legal status of environmental regulation in the system of legal tools for environmental protection, identify problems, prospects for the development of legislation and the formation of practices in this field.

The methodology of the research was historical, comparative, formal-legal, analytical methods, system approach.

In work, on the basis of legislation and generalization of theoretical views of scientists, the analysis of ecological rationing in the context of measures for environmental protection is made. The conclusion is made about the role of ecological regulation in ensuring a favorable state of the environment and improving the quality of human life. Suggested directions for increasing the efficiency of environmental regulation.

The obtained results can be used in further studies of problems of environmental regulation, improvement of national environmental legislation and environmental policy.

Key words: environmental protection, environmental regulation, environmental standards, the best available technology, objects of negative impact

Не вызывает сомнения тот факт, что в процессе хозяйственной и (или) иной деятельности человек воздействует на окружающую природную среду и ее состояние. Причем в большинстве своем такое воздействие носит не позитивный, а негативный характер, проявляющееся в загрязнении окружающей природной среды и отдельных ее компонентов. Нормирование в области охраны окружающей среды (экологическое нормирование) является «юридическим инструментом, при помощи которого люди определяют пределы дозволенного поведения по отношению к окружающей природе»¹, а нормативы охраны окружающей среды являются критерием оценки правомерности поведения субъектов экологических правоотношений, определяют степень эффективности выполнения эколого-правовых предписаний².

Президентом РФ в Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года экологическое нормирование названо одним из основных механизмов реализации государственной политики обеспечения экологической безопасности³.

Согласно действующей редакции п. 1 ст. 19 Федерального закона «Об охране окружающей среды»⁴ экологическое нормирование осуществляется в целях государственного регулирования воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, гарантирующего сохранение благоприятной окружающей среды и обеспечение экологической безопасности.

С 1 января 2019 г. указанная формулировка меняется⁵, цель экологического нормирования законодателем конкретизируется и заключается в предотвращении и (или) снижении негативного воздействия хозяйственной и (или) иной деятельности на окружающую среду.

Таким образом, экологическое нормирование призвано служить не только правовым средством сохранения благоприятной окружающей среды и поддержания ее на безопасном для всех живых организмов уровне, но и правовым инструментом снижения отрицательного воздействия деятельности человека на окружающую среду.

Выделение в качестве цели нормирования снижение негативного воздействия на окружающую среду вполне оправданно

и жизненно необходимо. Понятно, что даже в современных условиях стремительного развития научно-технического прогресса невозможно полностью предотвратить воздействие различных сфер жизнедеятельности человека (промышленности, энергетики, транспорта, сельского хозяйства и т.д.) на окружающую среду и ее компоненты, но такое воздействие можно минимизировать. Это вполне может привести к стабилизации состояния окружающей среды, а в совокупности с другими мероприятиями и мерами по охране окружающей среды к ее улучшению.

Отметим, что несмотря на давнюю историю становления и развития нормирования, как меры обеспечения охраны окружающей среды, экологическое нормирование остается далеким от совершенства; в доктрине экологического права оно до сих пор вызывает споры относительно правовой природы и сущности, правовых последствий установления нормативов в сфере охраны окружающей среды, их видовой и внутривидовой классификации.

Известно, что еще в дореволюционной России существовали зачатки экологического нормирования, выразившиеся в установлении санитарно-гигиенических запретов и ограничений (например, на сброс загрязнений в реки и каналы, на размещение «мертвечины» и мусора в не отведенных для этого местах и проч.). С развитием санитарного законодательства нормирование все больше приобретало характер самостоятельных санитарно-гигиенических общеобязательных правил поведения. Отсюда в советский период развитие правовой охраны окружающей среды в нашей стране осуществлялось, как правило, путем разработки общих санитарных мероприятий, создания и закрепления полномочий санитарных органов и совершенствования их полномо-

чий⁶, имеющее своей целью обеспечение охраны здоровья человека.

С развитием природоохранного законодательства применение нормативов в области охраны окружающей среды преследует цель и охраны здоровья человека, и охраны растительного и животного миров, сохранение генетического фонда для устойчивого развития хозяйственной деятельности⁷. В период с 1938 г. по 1991 гг. активно устанавливаются нормативы содержания вредных веществ по водам, атмосферному воздуху и почве, а также физическому воздействию (шуму, вибрации).

В нашей стране уже к началу 90-х гг. XX в. счет шел на тысячи вредных веществ, по которым установлены концентрации. Для сравнения в зарубежных странах, которые стали внедрять систему нормирования в конце XIX в., пороговые концентрации вредных веществ были разработаны для нескольких десятков наиболее распространенных⁸.

Однако советский период развития ответственного законодательства оказался весьма непростым для становления и развития института нормирования в области охраны окружающей среды. Нормирование в основном сводилось к установлению санитарно-гигиенических нормативов, которые были весьма жесткими, что не позволяло на практике многим хозяйствующим субъектам их соблюдать. С принятием постановления ЦК КПСС и Совмина СССР от 29.12.1972 № 898 «Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов» нормативы становятся разнообразностью стандартов в области охраны окружающей среды⁹. Нормативы устанавливались органами здравоохранения, гидрометеорологии, госстандартизации и др. Как результат,— смешение понятий нормативов и стандартов в области охраны окружаю-

¹ Бринчук М.М., Колбасов О.С. Нормирование как правовая мера охраны окружающей среды // Советское государство и право. 1987. № 3. С. 72.

² См.: Петров В.В. Экологическое право России. Учебник для вузов. М.: Издательство БЕК, 1995. С. 196.

³ См.: Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года (п. 27). Утверждена Указом Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2017. № 17. Ст. 2546.

⁴ Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ (в действ. ред.) // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133. Далее — ФЗ «Об охране окружающей среды».

⁵ См.: Федеральный закон от 21.07.2014 № 219-ФЗ (в ред. от 28.12.2017) «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 30 (Часть I). Ст. 4220.

⁶ См.: Бринчук М.М. Правовая охрана атмосферного воздуха / Отв. ред. О.С. Колбасов. М.: Наука, 1985. С. 27.

⁷ См.: Раздел IV «Нормирование качества окружающей природной среды» Закона РСФСР от 19.12.1991 № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 10. Ст. 457.

⁸ См.: Протасов В.Ф., Молчанов А.В. Экология, здоровье и природопользование в России. М.: Финансы и статистика, 1995. С. 235.

⁹ Сидоренко Г.И., Пинигин М.А., Зарубин Г.П. Закон СССР об охране атмосферного воздуха и очередные задачи гигиенической науки и практики // Гигиена и санитария. 1980. № 9. С. 5.

щей среды, трудности их правопонимания и правоприменения. Ученые все чаще стали говорить о необходимости развития не санитарно-гигиенического нормирования, а природоохранного нормирования, о разведении двух самостоятельных функций государственного управления — нормирования в области охраны природной среды и стандартизации.

Обострение экологических проблем, явившихся результатом роста масштабов производства и интенсивным использованием природных ресурсов, и развитием различных сфер хозяйственной деятельности, катастрофическое загрязнение атмосферного воздуха, почв, водных объектов, особенно в городах-промышленниках, и, как следствие, ухудшение здоровья населения в конце 80-х — начале 90-х гг. прошлого века, способствовали активному поиску компромиссных решений. В этой связи экологическое нормирование, как «компромисс, достигнутый между экономикой и экологией»¹⁰, получило свою самостоятельную правовую регламентацию в Законе РСФСР «Об охране окружающей природной среды» (1991 г.)¹¹. Большая часть предусмотренных данным законом нормативов продолжала иметь санитарно-гигиеническую направленность и определяла показатели качества окружающей среды в аспекте ее безопасности для здоровья человека. Другие же касались деятельности хозяйствующих субъектов, устанавливали экологические ограничения и иные требования к источникам вредного воздействия, и имели своей целью и охрану окружающей природной среды, и охрану здоровья человека.

С учетом этого, по мнению Петрова В. В., система нормирования качества окружающей среды включала три группы нормативов: санитарно-гигиенические нормативы, производственно-хозяйственные нормативы (включающие в том числе технологиче-

ские, строительные, градостроительные правила, содержащие экологические требования) и комплексные нормативы (например, ПДН окружающей среды, нормы санитарных и защитных зон)¹².

Крассов О. И., анализируя содержание института нормирования и нормативов в сфере охраны окружающей природной среды, подразделял нормативы на три основные группы (в зависимости от того, прямо или косвенно соблюдение требований, указанных в нормативах, должно обеспечить качество окружающей среды и здоровье населения): экологические, санитарно-гигиенические, строительные и градостроительные нормативы¹³.

Бринчук М. М., опираясь на действующее в период действия Закона РСФСР «Об охране окружающей природной среды» законодательство и сформированный массив ГОСТов, устанавливающих требования по рациональному использованию природных ресурсов и охране окружающей среды, в системе экологических нормативов и стандартов рассматривал: нормативы качества окружающей среды; нормативы предельно допустимого вредного воздействия на состояние окружающей среды; нормативы использования природных ресурсов; экологические стандарты; нормирование санитарных и защитных зон санитарно-защитные зоны, санитарно-защитные зоны ядерных объектов и зоны наблюдений, водоохранные зоны, округа санитарной (горно-санитарной) охраны)¹⁴.

Вопрос об отнесении экологических стандартов к нормированию в области охраны окружающей среды был актуален и на момент принятия ФЗ «Об охране окружающей среды» (2002 г.), поскольку, несмотря на самостоятельную правовую регламентацию государственной стандартизации, его ст. 19 (в первоначальной редакции), включала государственные стандарты и иные норма-

тивные документы в экологическое нормирование. Лишь в 2011 г., после внесения соответствующих изменений¹⁵ в ФЗ «Об охране окружающей среды», экологическое нормирование и государственные стандарты в области охраны окружающей среды были разведены. Подобный ход вполне оправдан, несмотря на то, что и нормирование, и государственные стандарты в области охраны окружающей среды, призваны определить некое обязательное правило поведения или правило-требование, направленные на обеспечение экологической безопасности. Однако, если экологическое нормирование и нормативы напрямую призваны обеспечивать качество окружающей среды и допустимый уровень воздействия на нее, служат ее (качества) критерием, то государственные стандарты действуют в этом направлении опосредованно (через обязательные требования к продукции, работам, услугам, технологиям и проч.), являясь одним из способов обеспечения нормальной работы нормативов, они помогают обеспечивать это качество, минимизировать негативное воздействие на окружающую среду, способствуют стабилизации ее качества.

К моменту коренных преобразований в институте экологического нормирования система экологических нормативов с позиции ФЗ «Об охране окружающей среды» представлена неисчерпывающим перечнем. При этом законодатель не уточняет, какие именно виды нормативов отнесены им к «иным нормативам». Они могут устанавливаться как нормативными правовыми актами Российской Федерации, так и нормативными правовыми актами субъектов РФ. В науке экологического права к ним относят и санитарно-защитные зоны, и нормы применения агрохимикатов сельском хозяйстве, и нормативы остаточных количеств

химических веществ в продуктах питания и др. Также можно допустить, что законодатель умышленно пошел на установление неисчерпывающего перечня нормативов в области охраны окружающей среды, поскольку необходимость их установления может возникнуть при выявлении «новых проявлений негативного воздействия»¹⁶ на окружающую среду.

Отметим, что предоставление ст. 28 ФЗ «Об охране окружающей среды» субъектам РФ права устанавливать иные нормативы в области охраны окружающей среды вполне оправданно, т.к. именно здесь можно найти действенную точку «касания» в правовом механизме охраны окружающей среды, обеспечив минимизацию причиняемого вреда окружающей среде и сбалансированность интересов с учетом природных и природно-антропогенных особенностей региона, специфики антропогенной нагрузки на окружающую среду в местах проживания и хозяйственной и иной деятельности населения. Этот вопрос наиболее актуален для экологически неблагополучных городов, в которых действие только предусмотренных «традиционных» нормативов не справится с решением задач не только поддержания, но, прежде всего, улучшения качества окружающей среды в них. На таких территориях считаем целесообразным введение суммарного антропогенного норматива, в основе которого необходимо заложить допустимое экологическое состояние единой природно-социальной системы в городе.

В целом, несовершенства института экологического нормирования, а также задачи, поставленные Президентом РФ в рамках приоритетных направлений экологической политики, предопределили внесение изменений в ФЗ «Об охране окружающей среды»,

¹⁰ Петров В. В. Указ. соч. С. 198.

¹¹ Закон РСФСР от 19.12.1991 № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 10. Ст. 457. Далее — Закон РСФСР «Об охране окружающей природной среды».

¹² См.: Петров В. В. Указ соч. С. 199–200.

¹³ См.: Крассов О. И. Экологическое право. М.: «Дело». С. 278–300.

¹⁴ См.: Бринчук М. М. Экологическое право (право окружающей среды). М.: Юристъ, 1998. С. 287–309.

¹⁵ Федеральный закон от 19.07.2011 № 248-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с реализацией положений Федерального закона «О техническом регулировании» // СЗ РФ. 2011. № 30 (ч. 1). С. 4596.

¹⁶ Боголюбов С. А. Комментарий к Федеральному закону от 10 января 2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (постатейный): (в ред. ... от 30 дек. 2008 г. ...) / С. А. Боголюбов, Н. И. Хлуденева. М.: Юстицинформ, 2009. С. 195.

начиная с 2014 года¹⁷. Часть из них уже действует в настоящее время (ведение требования о наилучших доступных технологиях (НДТ), категоричность объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду), а другая — применяется с 1 января 2019 г. При этом, как особо отметил Президент РФ в своем ежегодном Послании к Федеральному собранию 1 марта 2018 г., сроки перехода предприятий с «высокой категорией риска для окружающей среды» на наилучшие доступные технологии переноситься не будут, «с 2019 года на экологичные, наилучшие доступные технологии должны перейти 300 промышленных предприятий, а с 2021 г. это должны сделать все предприятия с высокой категорией риска для окружающей среды»¹⁸.

С 1 января 2019 г. система нормативов представлена: нормативами качества окружающей среды и нормативами допустимого воздействия на окружающую среду. При этом нормативы допустимых выбросов и сбросов устанавливаются для стационарных источников и рассчитываются для объектов I и II категории опасности. А технологические и технические нормативы разрабатываются на объектах I категории и устанавливаются на основе технологических показателей, не превышающих технологических показателей наилучших доступных технологий (НДТ), комплексным экологическим разрешением.

Последние годы понятие наилучших доступных технологий (ранее «наилучшие существующие технологии») стало широко употребляться в нашей жизни и экологическом праве, но не получало до недавнего времени должной правовой регламентации и распространения в силу различных при-

чин. С принятием Федерального закона от 21.07.2014 № 219-ФЗ понятие и особенности применения НДТ получили свое закрепление в ФЗ «Об охране окружающей среды» и, казалось бы, бескомпромиссную целевую установку Президента РФ на внедрение.

Однако при всех положительных характеристиках инструмента НДТ (ориентиры не только на предотвращение экологического вреда, но и его снижение; стимулирование экологически значимой деятельности хозяйствующих субъектов; комплексный и интегрированный подходы в осуществлении надзора и контроля производственной деятельности), получившего свою давнюю апробацию в зарубежных странах, имеются некоторые опасения сложности его реализации в нашей стране.

Это обусловлено рядом факторов правового, организационного, экономического и социального характера. Так, например, применение НДТ ориентировано на объекты негативного воздействия I категории, оказывающих значительное негативное воздействие на окружающую среду (производство кокса, добыча сырой нефти и природного газа, добыча и обогащение железных руд и руд цветных металлов, объекты по обеспечению электрической энергией определенной мощности, металлургическое производство и др.)¹⁹. В сравнении с другими объектами негативного воздействия объектов I категории в целом по стране меньше, чем объектов II, III, IV категории, при этом большая часть предприятий, оказывающих значительное воздействие на окружающую среду, имеют изношенные производственные фонды, устаревшее оборудование и технологии. На их соответствие НДТ необходимы колоссальные финансо-

вые затраты. Немаловажным является само отношение хозяйствующего субъекта к проблеме, его намерение соблюдать новые правила, это осложняется общим снижением за последние десятилетия уровня производственной дисциплины.

Несмотря на наличие в ФЗ «Об охране окружающей среды» ст. 17, которая предусматривает меры государственной поддержки хозяйственной и (или) иной деятельности, осуществляемой в целях охраны окружающей среды, полной практической реализации нормы закона в этой части до сих пор не получили, что отражается на реальной заинтересованности и стимуле хозяйствующих субъектов работать в направлении снижения негативного воздействия на окружающую среду.

Кроме того, закон, как и прежде, допускает возможность «отсрочки» достижения нормативов на период выполнения плана мероприятий по охране окружающей среды или на период реализации программы повышения экологической эффективности, называя ее сегодня «временно разрешенными выбросами». В этом случае значимость НДТ и роль нормирования сводится к минимуму.

Однако законодатель постарался не допустить прежних ошибок, когда временные согласованные нормативы «перерастали» в постоянные. С учетом изменений ФЗ «Об охране окружающей среды» (ст. 16.3) в целях стимулирования хозяйствующих субъектов к проведению мероприятий по снижению негативного воздействия на окружающую среду и внедрению НДТ при исчислении платы за негативное воздействие на окружающую среду к ставкам такой платы предусматриваются коэффициенты, в том числе повышенные за нарушение сроков «перехода» на снижение негативного воздействия. В этом случае только практика покажет эффективность «мер стимулирования», насколько хозяйствующему субъекту будет невыгодно платить по повышенным коэффициентам, а выгодно принимать меры по охране окружающей среде.

Отметим также, что, устанавливая категоричность объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, законодатель не учел реальной возможности выполнения некоторыми субъектами обязательных требований перехода на НДТ, установки автоматизированных систем учета вредных веществ и т.п. В основном, это касается муниципальных объектов (например, котельных), которые обеспечивают социальные нужды населения в городах, а в бюджетах поселений денежные средства на такие мероприятия изыскать практически невозможно.

Кроме того, ФЗ «Об охране окружающей среды» претворяет в жизнь давнюю идею для нашей страны — выдачу комплексных экологических разрешений. Этот инструмент давно имеет положительный опыт своей реализации в зарубежных странах, служит важным средством обеспечения охраны окружающей среды с учетом различных условий эксплуатации объекта, отражающих как сами требования и условия производственного процесса, так и той конкретной местности, в которой функционирует объект.

Таким образом, мы видим, что значение экологического нормирования и нормативов в области охраны окружающей среды за последние годы претерпело существенные изменения, признается важность нормирования как правового инструмента не только сохранения благоприятной окружающей среды, но и снижения негативного воздействия деятельности человека на окружающую среду. Этому способствует изменение системы экологических нормативов с ориентиром на НДТ и комплексные экологические разрешения. Однако само по себе закрепление соответствующих изменений на уровне федерального закона еще не является показателем эффективной работоспособности новой системы нормативов и нормирования в сфере охраны окружающей среды. Необходим ряд дополнительных мер (как организационно-правового, так и экономико-социального характера), способствующих их адаптации в нашей стране.

¹⁷ См.: Федеральный закон от 21.07.2014 № 219-ФЗ (в ред. от 28.12.2017) «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 30 (Часть I). Ст. 4220.

¹⁸ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 01.03.2018 «Послание Президента Федеральному Собранию» // Российская газета. 2018. № 46. 2 марта.

¹⁹ В целом критерии, которые принимаются во внимание при присвоении категории объектам, установлены Правительством РФ, в частности учитывается отрасль производства на объекте, уровень токсичности производства, наличие канцерогенных и мутагенных свойств, класс опасности отходов, использование атомной энергии и прочее. См.: Постановление Правительства РФ от 28.09.2015 № 1029 «Об утверждении критериев отнесения объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, к объектам I, II, III и IV категорий» // СЗ РФ. 2015. № 40. Ст. 5566.

Библиографический список

1. Боголюбов, С. А. Комментарий к Федеральному закону от 10 января 2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (постатейный): (в ред. ... от 30 дек. 2008 г. ...) [Текст] / С. А. Боголюбов, Н. И. Хлуденева. — М.: Юстицинформ, 2009. — 528 с.
2. Бринчук, М. М. Правовая охрана атмосферного воздуха / Отв. ред. О. С. Колбасов [Текст] / М. М. Бринчук. — М.: Наука, 1985. — 174 с.
3. Бринчук, М. М. Экологическое право (право окружающей среды) [Текст] / М. М. Бринчук. — М.: Юристъ, 1998. 688 с.
4. Бринчук, М. М., Колбасов, О. С. Нормирование как правовая мера охраны окружающей среды [Текст] / М. М. Бринчук, О. С. Колбасов // Советское государство и право. — 1987. — № 3. — С. 72–80.
5. Крассов, О. И. Экологическое право: Учебник [Текст] / О. И. Крассов. — М.: Дело, 2001. — 768 с.
6. Петров, В. В. Экологическое право России. Учебник для вузов [Текст] / В. В. Петров. — М.: Издательство БЕК, 1995. — 557 с.
7. Протасов, В. Ф., Молчанов, А. В. Экология, здоровье и природопользование в России [Текст] / В. Ф. Протасов, А. В. Молчанов. — М.: Финансы и статистика, 1995. — 528 с.
8. Сидоренко, Г. И., Пинигин, М. А., Зарубин, Г. П. Закон СССР об охране атмосферного воздуха и очередные задачи гигиенической науки и практики [Текст] / Г. И. Сидоренко, М. А. Пинигин, Г. П. Зарубин // Гигиена и санитария. — 1980. — № 9. — С. 5–10.

РАЗРЕШЕНИЕ СПОРОВ

Коровяковский Денис Геннадьевич

*Старший научный сотрудник центра финансового мониторинга
Института мировой экономики и финансов ВАВТ Минэкономразвития России,
кандидат юридических наук, доцент,
E-mail: sirah13@mail.ru*

СИСТЕМА АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБОВ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ В АВСТРАЛИИ (ADR В АВСТРАЛИИ)

Аннотация. Предмет исследования: рассмотрение различных альтернативных способов разрешения споров в Австралии на современном этапе.

Целью настоящей статьи является рассмотрение современной системы альтернативных способов разрешения споров в Австралии, их сравнения, сопоставления, анализа по отношению друг к другу в контексте проблематики общепринятых способов разрешения споров в мировой практике.

Методологию исследования составили сравнительный, формально-юридический, аналитический методы, системный подход.

В работе на основе обобщения ведущих зарубежных практик проведён краткий обзор таких альтернативных способов разрешения споров, как: медиация, омбудсмен, коммерческий арбитраж и некоторые другие виды. Статья строится на анализе нормативно-правовых актов Австралии в рассматриваемой теме.

Выводы исследования могут быть использованы в дальнейших исследованиях по данному вопросу и для совершенствования альтернативных способов разрешения споров в России, а также в учебном процессе.

Ключевые слова: альтернативные способы разрешения споров, медиация, омбудсмен, коммерческий арбитраж.

Korovyakovskiy Denis G.

*Associate Professor of Center for Financial Monitoring Institute
of World Economy and Finance VAVT PhD in law
E-mail: sirah13@mail.ru*

SYSTEM OF ALTERNATIVE DISPUTE RESOLUTIONS IN AUSTRALIA (ADR IN AUSTRALIA)

Abstract. Subject of research: consideration of various alternative ways of resolving disputes in Australia at the present stage.

The purpose of this article is to examine the current system of alternative dispute resolution methods in Australia, their comparison, comparison, analysis in relation to each other in the context of the problems of conventional dispute resolution methods in world practice.

The research methodology consisted of a comparative, formal legal, analytical methods, a systematic approach.

Based on a summary of leading foreign practices, a brief review of such alternative dispute resolution methods as: mediation, ombudsman, commercial arbitration and some other types was conducted. The article is based on an analysis of Australian regulations in this topic.

The findings of the study can be used in further research on this issue and to improve alternative ways of resolving disputes in Russia, as well as in the educational process.

Key words: alternative dispute resolution, mediation, ombudsman, commercial arbitration.

Основные задачи реформ последних лет в Австралии состоят в повышении эффективности гражданского процесса, оптимизации судопроизводства, посредством внесения изменений в институт судебных расходов, введения в ряде случаев обязательных процедур досудебного урегулирования споров (например, по делам, возникающим из семейных правоотношений), имплементации новых норм, регламентирующих доказывание в процессе, изменении процедуры «управление движением дела» (casemanagement) и другие.

Базовой и неотъемлемой характеристикой эффективности любой правовой системы, в том числе и австралийской, является своевременное и справедливое рассмотрение и разрешение споров, и особая роль в этом отводится системе судебных органов. Судебная система каждой страны уникальна, и даже в рамках одной правовой семьи трудно найти государства с идентичной структурой органов правосудия.

Политические и экономические проблемы страны оказывают непосредственное влияние на развитие гражданского процессуального законодательства и формирование правоприменительной практики. Применительно к Австралийскому Союзу выделяют проблемы федерализма, национализма, отсутствие унифицированного порядка судопроизводства, множественность органов, разрешающих споры в рамках гражданского судопроизводства. Огромная роль в разрешении споров принадлежит органам административной юстиции: трибуналам, комиссиям, омбудсменам, действующим как

на уровне федерации, так и на уровне штатов и территорий и др.

Альтернативное разрешение споров в Австралии регулируется рядом законодательных актов. В первую очередь это Конституция Австралии, в ст. 51 пункте 35 части пятой устанавливающая право Парламента вводить в действие Законы, касающиеся согласительных процедур, третейского суда и урегулирования отраслевых споров.¹ Главным отраслевым актом является Акт о Медиации 1997 года,² устанавливающий основы процедуры медиации, статус сторон и медиаторов. Акт о Медиации носит декларационный характер и развивается в актах и постановлениях высших и местных судов штатов. Поскольку медиация это в большинстве случаев частная процедура, большое значение имеют сборники рекомендаций, своды правил и кодексы медиатора, публикуемые профильными университетами, а также коллегиями и ассоциациями медиаторов.

В настоящее время в Австралии интенсивно развиваются альтернативные формы разрешения конфликтов. В 1991 г. Правительство Австралии приняло Закон о суде ((*Courts (Mediation and Arbitration) Act*)),³ по которому Семейному суду и Федеральному суду Австралии дано право предлагать сторонам возможность привлечь для разрешения споров посредника и третейского судью. Австралия очень серьезно относится к расширению и модернизации своей практики ADR, и все большее число университетов включают курс по разрешению споров в программу подготовки юристов и в программы по другим дисциплинам. Австралийские специалисты по ADR, практики, равно как и препода-

ватели, подчеркивают значение формирования особой австралийской модели разрешения споров, которая не будет слепо копировать американскую или британскую модель. В настоящее время Австралия стремится стать центром разрешения споров в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Для некоторых австралийцев доступ к правосудию становится менее достижимым, это особенно характерно для лиц, получающих средний доход.⁴ В этом контексте альтернативные методы разрешения споров играют важную роль в облегчении доступа для всех граждан, наряду с сокращением времени и затрат, идущих на судебные разбирательства.

Австралийский политик Раддок утверждает, что подход австралийского Правительства к методам ADR является многогранным.⁵ По сути, подход Правительства можно разделить на три основных направления:

- ориентировано на распространение ADR в рамках федеральной системы гражданского правосудия;
- содействует адаптации конкретных методов ADR для определенных юрисдикций, таких как права человека и семейное право;
- поощряет участие в процессах ADR, когда само становится участником диспутов.⁶

В связи с этим, можно спрогнозировать еще больший спрос на обращение к ADR граждан в связи с классической проблемой административного права — жалобы граждан на Правительство, принимающее решения.

Австралийские исследователи ADR стремятся указать, что коренные общины Австралии издревле применяли ряд методов для управления конфликтами, например, исключение из общины, компенсацию, обучение на основе системы закона о родстве.⁷

Первоначальное внимание было сосредоточено на примирении и арбитраже для управления рынком труда, «хотя это постепенно превратилось в довольно формальную судебную систему».⁸ Несмотря на то, что в арбитражных судах, трибуналах и омбудсменах ранее применялись альтернативные суду способы, ни один из них не обеспечил ключевой элемент самоопределения для спорящих сторон.

В Австралии, как стране общего права, суды играют большую роль, в соответствии с правилами деятельности судов имеющие широкие полномочия по регулированию судебного процесса. Именно инициативы судов в 1980-е годы стали отправной точкой в интеграции медиации и иных ADR в правовое поле Австралии.

Третейский суд применялся в Австралии с XVII века, когда он появился в первых поселениях белых иммигрантов на основании Английского Закона о третейском суде 1697 г. Однако в последние несколько десятилетий в Австралии наблюдался широкомасштабный всплеск интереса к ADR, и Генеральный Прокурор (*Federal Attorney-General*) Австралии⁹ заявил, что Правительство твердо верит в то, что посредничество и альтернативное разрешение споров должны быть нормой, а не исключением.

В настоящее время третейское рассмотрение может быть добровольным, может быть назначено судом (только при условии, что все участники спора согласились участвовать в третейском рассмотрении) или быть указано в договоре как обязательная стадия разрешения спора, что является весьма распространенной практикой в Австралийском Союзе.

Решение третейского суда является обязательным для сторон, однако, стороны до

¹ Commonwealth of Australia Constitution Act — URL: <https://www.legislation.gov.au/Latest/C2013Q00005>

² Mediation Act 1997 — ACT Legislation Register — URL: <http://www.legislation.act.gov.au/a/1997-61/19980701-4053/pdf/1997-61.pdf>

³ Courts (Mediation and Arbitration) Act 1991 — URL: <https://www.legislation.gov.au/Latest/C2004A04188>

⁴ George Brandis, 'Lack of Access an Impending Social Crisis', *The Australian* (Sydney), 1 June 2012

⁵ Ruddock P (2004) 'Towards a less litigious Australia: the Australian government's ADR initiatives' 23(1) *The Arbitrator and Mediator* 1-11.

⁶ Sackville Report (1994) *Access to Justice - an Action Plan*, Access to Justice Advisory Committee report (chaired by the Hon Justice Ronald Sackville), Canberra: Australian Government Publishing Service.

⁷ Astor H and Chinkin C (1992) *Dispute Resolution in Australia*, Sydney: Butterworths

⁸ Condliffe P (2000) 'A short history of alternative dispute resolution in Australia: 1975-2000' vol 19(2) *The Arbitrator and Mediator* 00.

⁹ Attorney-General's Department — URL: <https://www.ag.gov.au/>

начала разбирательства должны прийти к соглашению о том, что решение третейского суда будет ими исполнено.

Важно отметить, что традиции медиации, арбитража, примирения имеют в этой стране давнюю историю. В качестве примера можно привести Акт содружества о согласительной процедуре и арбитраже от 1904 г. (*The Conciliation and Arbitration Act 1904*),¹⁰ который предусматривал большую роль судов в мирном урегулировании споров в сфере производства (труда). Акт учредил суд (*Commonwealth Court of Conciliation and Arbitration*), призванный рассматривать дела между работниками и работодателями.¹¹ В 1956 году он разделился на две организации: Комиссию по примирению и арбитражу и Промышленный суд в соответствии с постановлением Высшего суда,¹² в котором было установлено, что арбитражному органу нецелесообразно осуществлять «судебную власть». Впоследствии арбитражная функция принятия решений и разрешения промышленных споров возлагалась на Комиссию, и судебная функция судебного преследования в соответствии с постановлением была передана в Суд. С 1984 по 1990 год было введено унифицированное законодательство в отношении государств и территорий, закрепляющее передачу решения любых споров в арбитраж в случае согласия сторон.

В 1975 г. был создан Институт третейских судей Австралии (*Institute of Arbitrators and Mediators (IAMA)*),¹³ который стал центром профессиональной подготовки третейских судей. Организация стремится служить обществу, торговле и промышленности для содействия методам разрешения споров, включая арбитраж, медиацию и примирение. Институт имеет филиалы в каждом штате и территории Австралии. Он сосредоточен на профессиональном развитии и обучении, руководит аккредитацией медиато-

ров и арбитров, а также выпускает профессиональный журнал («Арбитр и медиатор») и информационный бюллетень.

В 1982 г. был создан Австралийский центр по коммерческим спорам; в 1985 г. в Мельбурне был открыт Австралийский центр международного коммерческого арбитража, и к 1990 г. все штаты Австралии приняли единые Законы «О коммерческом арбитраже».

Еще один важный институт — Национальный консультативный совет по альтернативному разрешению споров («NADRAC»)¹⁴ — был создан в 1995 г., и сейчас он является органом, консультирующим Генерального Прокурора по вопросам, относящимся к регулированию и оценке процессов и процедур ADR. «NADRAC» играет существенную роль в создании профессиональных и учебных стандартов, которые должны быть достигнуты в области ADR. Ему поручается также консультирование по результатам применения альтернативных методов разрешения споров в целях управления потоками дел в судах и трибуналах, а также предоставления годового отчета Генеральному Прокурору. Например, в ежегодном отчете за 2003–2004 годы «NADRAC» сообщает о проблемах, связанных с аккредитацией медиаторов, необходимости содействия совершенствованию исследований ADR и завершении пересмотра нормативных положений Содружества, касающихся ADR, включая разработку базы данных таких положений.¹⁵

Имеются также доказательства того, что «NADRAC» оказал влияние на установление более ясного и последовательного понимания терминологии ADR, укоренившейся в правовой культуре Австралии. Категоризация термина «*dispute resolution*», включающая процессы, которые могут быть рекомендательными (*advisory*), вспомогательными (*acilitative*) или обязательными

(*determinative*), особенно полезна. В ряде случаев возможен их синтез.

Консультативные (рекомендательные) процессы по урегулированию споров представляют собой переговоры с участием советников, экспертов в данной области и / или юристов, которые дают рекомендации сторонам касательно предмета спора (*advisory*).¹⁶ Консультативные процессы включают в себя экспертную оценку (*expert appraisal*), оценку дела (*case appraisal*), представление дела (*case presentation*), мини-суд (*mini-trial*) и предварительную нейтральную оценку дела независимым лицом (*early neutral evaluation*).

Вспомогательные процедуры/переговоры с помощью посредника (*facilitated negotiation*) представляют собой процесс, в котором стороны спора, определившие предмет переговоров, прибегают к помощи специалиста по урегулированию споров (посредника) с целью достижения договоренности и разрешения спора. Посредник не может консультировать или принимать решений, как по поводу содержания обсуждаемых вопросов, так и по поводу исхода процесса, но может принимать решения или консультировать по поводу процесса-посредничества. Примером может служить медиация, посредничество (*facilitation*) или переговоры с участием посредников (*facilitated negotiation*).

Процессы по урегулированию споров с вынесением обязательного для сторон решения (*determinative dispute resolution processes*) представляют собой процесс, в котором специалист по урегулированию споров оценивает факты и обстоятельства дела и выносит решение. Примерами таких процессов являются арбитраж (*arbitration*), заключение эксперта (*expert determination*) и частное разбирательство (*private judging*).

Влияние «NADRAC» на создание более общей терминологии ADR отражено, например, в поправках к Закону об административном

апелляционном трибунале от 2005 года,¹⁷ в котором поправки к Закону 1975 года «Об административном апелляционном трибунале» преднамеренно не закрепляют широкого определения альтернативному разрешению споров, но предусматривают контрольный список основных процессов ADR. Согласно данным поправкам, альтернативное разрешение споров в Австралии включает следующие альтернативные методы разрешения споров:

- конференц-связь;
- медиация;
- нейтральная оценка;
- оценка дела;
- согласительная процедура и;
- процедуры или услуги, указанные в законодательстве, но не включающие арбитраж и судебные процедуры.

Тем не менее, «конференц-связь» и «медиация» были единственными двумя альтернативными способами урегулирования споров, доступными в соответствии с Законом 1975 года «Об административном апелляционном трибунале». В настоящее время также доступны «нейтральная оценка», «оценка дела» и «согласительная процедура». В рамках процедуры нейтральной оценки (оценка дела независимым лицом) которая в ряде случаев может быть конфиденциальной, стороны излагают все факты и обстоятельства дела, а независимое лицо предлагает возможные решения данного спора и дает рекомендации сторонам, решения не носят обязательного характера. Как правило, лицо, способствующее урегулированию спора, имеет юридическое образование, практический опыт и специализируется в определенной области права.

В Закон «О Федеральном суде» в результате изменений 2009 года в раздел 4 было включено определение альтернативных способов рассмотрения споров, под которыми понимаются процедуры или услуги по разрешению споров не включающие от-

¹⁰ Commonwealth Conciliation and Arbitration Act 1904 — URL: <http://www.legislation.gov.au/Details/C1904A00013>

¹¹ Commonwealth Court of Conciliation & Arbitration — URL: <http://www.atua.org.au/biogs/ALE1416b.htm>

¹² High Court report (2004) High Court: annual report 2003–04, Canberra: High Court of Australia.

¹³ The Institute of Arbitrators & Mediators Australia — URL: <https://www.iama.org.au/>

¹⁴ National Alternative Dispute Resolution Advisory Council (NADRAC) -URL: https://www.parliament.vic.gov.au/images/stories/committees/lawrefrom/alternate_dispute/Submissions/ADR-25S-NADRAC.pdf

¹⁵ NADRAC (2004) ADR Research — a resource paper, Canberra: NADRAC.

¹⁶ Cannon, Andrew James. Some desirable features of lower court systems to verify and enforce civil obligations,

Doctor of Philosophy thesis, Faculty of Law, University of Wollongong, 2001. <http://ro.uow.edu.au/theses/1860>

¹⁷ Administrative Appeals Tribunal Amendment Act 2005 — URL: <https://www.legislation.gov.au/Latest/C2005A00038>

правление правосудия от имени Австралийского Союза.¹⁸

Правила Федерального суда от 2011 года («*Federal Court Rules*»)¹⁹ оперируют понятием «разрешение споров с участием третьих лиц» («*assisted dispute resolution*»), которое включает в себя переговоры, медиацию, примирение, оценку дела независимым лицом, конференцию экспертов и арбитраж / третейский суд.

Наряду с «*NADRAC*», следует упомянуть Консультативный совет по международным юридическим услугам (*Legal Services Advisory Council (ILSAC)*),²⁰ который способствует проведению форумов между различными органами ADR в Австралии в целях содействия более широкому признанию австралийских специалистов и служб ADR.

К профессиональным организациям ADR в Австралии относятся:

- юристы — участники альтернативного разрешения споров;
- Австралийская ассоциация по разрешению споров;
- Австралийский институт третейских судей и посредников.

Согласительная процедура применяется, в том числе, для разрешения споров между предприятиями, а также в сфере внешней торговли. Существует Австралийская комиссия по согласительным процедурам и третейскому суду, созданная вместе с Промышленным судом Австралии под эгидой федерального Правительства, которая занимается спорами между предприятиями в частном секторе. Функция Комиссии — вынесение решений, в то время как Промышленный отдел выполняет судебную функцию по таким вопросам, как интерпретация

и исполнение решений. В Комиссии существует ряд Советов, специализирующихся по тем вопросам, по которым необходимо привлечение третейского суда. Комиссия почти не занимается забастовками, а в основном осуществляет обычное урегулирование споров, касающихся вынесения или пересогласования решений. Создание Комиссии способствовало развитию профсоюзов, что привело к тому, что Австралия была и продолжает оставаться одной из первых среди стран мира по развитию профсоюзного движения. Существуют также несколько крупных государственных организаций, таких как Австралия Пост²¹ и Телеком Австралия,²² которые занимаются отраслевыми спорами.

Однако при достаточно большом разнообразии согласительных процедур (и организаций, осуществляющих эти процедуры) можно заметить, что в Австралии нет общепринятого определения понятий согласительных процедур, и единственный документ, где они упоминаются, — это раздел 51 австралийской Конституции,²³ которая наделяет Парламент властью вводить в действие законы, относящиеся к согласительным процедурам и третейскому суду для предотвращения и урегулирования отраслевых споров, простирающихся за пределы одного штата.

В научной статье, озаглавленной «Проблемы, споры и решения: сравнение на примере Австралии и Соединенных штатов», Дж. Фицджеральд сформулировал следующее: «Даже в западном обществе, где судебное разбирательство является доминирующим методом разрешения споров, юрист и суд играют лишь незначительную роль в разрешении споров, и лишь небольшой

процент споров вообще передается в суд».²⁴ Например, в Австралии альтернативное разрешение споров наиболее широко применяется в семейном праве, где этот метод называется «первичное», а не «альтернативное разрешение споров», и где 95% вопросов решаются внесудебными средствами.

В Австралии система разрешения семейных споров, установленная Законом «О семье» от 1975 года (*The Family Law Act 1975*),²⁵ включает процедуру медиации и процедуру примирения (*conciliation*), которые проводятся лицами, аккредитованными в соответствии с Системой практикующих специалистов в области разрешения семейных споров. Государственные и территориальные схемы медиации в семейном праве внедрились в 1980 году. В середине 1980-х годов в Мельбурне и Вуллонгонге в федеральных фондах были пилотированы схемы федерального финансирования, а в конце 1980-х и начале 1990-х годов было предоставлено дополнительное финансирование медиации через организации, консультирующие по вопросам семьи и брака.

Программы по семейной медиации включали, например, программу для семей с высоким уровнем конфликтов, чтобы помочь родителям больше учитывать потребности своих детей.

Положения в семейном праве содержат всесторонние протоколы о медиации. Сдружество финансировало общинные услуги в целях предоставления необходимых услуг в соответствии с этим законодательством. Создание Семейного суда в 1975 году с акцентом на неформальность, расширение прав и возможностей сторон и участие в досудебных процессах, такие как консульти-

рование и конференции, явилось «мощным символом, который внес значительный вклад в рост движения ADR в Австралии».²⁶

В системе управления Семейным судом существует три этапа: профилактика, разрешение и определение. Большинство посреднических услуг судов используется на стадии разрешения. Два ключевых доклада Консультативной группы в области права семьи²⁷ и Постоянной комиссии Палаты представителей по делам семьи²⁸ повысили значимость первичного разрешения споров, помогая родителям заключать соглашения в отношении своих детей после развода.

Медиация является обязательной при рассмотрении дел в Семейном суде. Применительно к рассмотрению дел из семейного права следует обратиться к одному из специализированных способов разрешения споров внутри семьи (*Family Dispute Resolution (FDR)*),²⁹ существующего в рамках Австралийского Союза.

В целях уменьшения нагрузки на семейные суды и суды магистратов, а также для снижения судебных издержек и предоставления бывшим супругам возможности выбора способа разрешения их конфликта в Австралии создана сеть Центров семейных отношений (*Family Relationship Centers, FRCs*),³⁰ финансируемых за счет федерального бюджета страны. С 2007 года обращение к аккредитованным практикующим специалистам в области семейных споров по делам о воспитании детей после развода родителей стало обязательным (исключение составляют случаи, если спор связан с насилием в семье, жестоким обращением с детьми или похищением детей). Основной задачей подобных центров является содей-

¹⁸ Federal Court Act 1976 — URL: http://www.austlii.edu.au/au/legis/cth/consol_act/fcoa1976249/s4.html#alternative_dispute_resolution_process

¹⁹ Federal Court Rules 2011 — Federal Register of Legislation — URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/F2011L01551>

²⁰ International Legal Services Advisory Council — URL: <https://www.ag.gov.au/Internationalrelations/InternationalLaw/Pages/ILSAC.aspx>

²¹ Australia Post — URL: <https://auspost.com.au/>

²² Telecom Australia — Wikipedia — URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Telecom_Australia

²³ Commonwealth of Australia Constitution Act — URL: <https://www.legislation.gov.au/Latest/C2013Q00005>

²⁴ Мировые достижения в области разрешения конфликтов // Журнал «Третейский суд» — URL: <http://arbitrage.spb.ru/jts/2000/5/art07.html>

²⁵ Family Law Act 1975 — Federal Register of Legislation — URL: <https://www.legislation.gov.au/Latest/C2016C01106>

²⁶ Condliffe P (2000) 'A short history of alternative dispute resolution in Australia: 1975–2000' vol 19(2) *The Arbitrator and Mediator* 00.

²⁷ Out of the maze: pathways to the future for families experiencing separation / Family Law Pathways Advisory Group — URL: <https://www.ag.gov.au/Publications/Documents/FamilylawsystemOutOftheMazeAugust2001/FLPReport.pdf>

²⁸ Family and Community Affairs — Parliament of Australia — URL: http://www.aph.gov.au/Parliamentary_Business/Committees/House_of_Representatives_Committees?url=fca/index.html

²⁹ Family Dispute Resolution — URL: <http://www.familyrelationships.gov.au/Services/FamilyLawServices/FDR/Pages/default.aspx>

³⁰ Family Relationship Centres — URL: <http://www.familyrelationships.gov.au/Services/FRC/Pages/default.aspx>

ствие своевременному урегулированию семейных споров и конфликтов. В частности, в центрах предоставляются консультации психологов и консультантов по вопросам воспитания детей и выполнения родительских обязанностей.

Урегулирование спора внутри семьи представляет собой процесс, который ведет независимый специалист по семейному праву (*Family Dispute Resolution Practitioner*), имеющий образование и опыт в урегулировании споров внутри семьи, подпадающий под одну из категорий специалистов по урегулированию споров внутри семьи, перечисленных в статье 10G Закона «О семейном праве» от 1975 года.

В соответствии со статьей 11F (3) Закона «О семейном праве» от 1975 года, суд может вынести постановление о необходимости посещения встреч со специалистами по семейному праву, такое постановление может быть принято судом по собственной инициативе, по заявлению одной из сторон спора, ее юридического представителя или юридического представителя ребенка.

Применительно к спорам о детях, начиная с июля 2007 года, родители не имеют право обратиться в суд за Приказом о родительских обязанностях (*Parenting order*), без свидетельства специалиста по семейному праву, удостоверяющего прохождение примирительных процедур. Данное условие не применяется, если есть основания полагать, что имеет место (или существует риск) применения насилия к детям или факты плохого обращения с детьми или риск такого насилия.

В соответствии со статьей 60I (8) Закона «О семейном праве» от 1975 года специалист по семейному праву может выдать одно из следующих свидетельств: — лицо не прибегало к урегулированию спора в результате отказа или невозможности для других лиц процесса присутствовать при таком урегулировании; — лицо не прибегало к урегулированию спора, так как специалист по семей-

ному праву считал, что применение процедуры примирения в данном случае неуместно;

- лицо принимало участие в примирительных процедурах, и им были приложены достаточные усилия для разрешения спора;
- лицо принимало участие в примирительных процедурах, но им или другими лицами не были приложены достаточные усилия для разрешения спора.

По общему правилу, специалист по семейному праву не имеет право разглашать сведения, которые стали ему известны от сторон, исключение составляют обстоятельства:

- сторона дает свое согласие на разглашение;
- в целях предотвращения преступления;
- при наличии серьезной угрозы жизни или здоровью, а также случайного насилия над детьми.

Обобщая вышеизложенное, можно выделить следующие основные обязанности специалиста по семейному праву:

- консультирование суда в отношении необходимости привлечения семейных психологов и иных профессионалов по урегулированию семейных споров;
- оказание содействия лицам, участвующим в деле;
- подготовка экспертных заключений и др.

Значительным направлением применения методов ADR является область антидискриминации прав человека. В Австралии не существует билля по правам человека в дополнение к Конституции, однако была учреждена Комиссия по правам человека (*Human Rights and Equal Opportunities Commission (HREOC)*).³¹ Законот 1986 года «О Комиссии по правам человека и равным возможностям»³² требует от HREOC применение согласительной процедуры в целях разрешения споров в рамках антидискриминации прав

человека. Сторонам согласительной процедуры HREOC помогает нейтральная третья сторона для определения проблем в споре, обсуждения вариантов и попытки разрешения спора. Комиссия использует различные типы добровольных согласительных конференций, в том числе конференции лицом к лицу, телеконференции.³³ Примирители используют ряд стратегий для обеспечения процедурной справедливости, включая адаптацию формальности проведения процедуры и типа конференции к конкретным обстоятельствам дела.

Еще одной важной вехой в развитии ADR в Австралии стало основание общинных центров правосудия (*Community Justice Centres (CJCs)*),³⁴ организаций, которые предоставляют доступную информацию и разрешение споров всем секциям сообщества по образцу Соединенных Штатов. Эти центры, как правило, финансируются Правительством и предоставляют услуги медиации в целях содействия разрешению споров без подачи судебного иска.

Предпочтительным методом разрешения споров в данных центрах является медиация. Спенсер комментирует: «Подготовка медиаторов в данных центрах Нового Южного Уэльса осуществляется в соответствии со строгими стандартами. CJCs создали плодородную основу для распространения философии и практики разрешения споров и являются ярким примером внедрения хорошо организованных программ посредничества».³⁵

В Австралии, согласно Акту о центрах разрешения споров³⁶ под понятием «медиация» подразумевается процесс, в котором независимое и незаинтересованное лицо предоставляет помощь двум или более лицам, находящимся в споре, для мирного урегулирования их спора путем переговоров. Медиатор также использует различные приемы и умения, чтобы помочь сторонам достичь решения конфликта, но не имеет полномо-

чий для принятия решений. Решение принимают стороны.

Существуют различные модели посредничества, используемые в разных штатах Австралии. Например, посредничество в рамках Национального суда по правам коренного населения включает принципиальные переговоры, благодаря которым переговорщики могут сосредоточить внимание на интересах, а не на позициях, сформулировать ряд вариантов решения и обеспечить использование объективных стандартов при принятии окончательного решения. Национальный суд по правам коренного населения — это суд Содружества наций. Он был создан в 1994 г. и оказывает содействие при согласовании договоренностей с участием коренного населения, правительственных органов, промышленности и других сторон, чьи права или интересы могут быть связаны с правами и интересами коренного населения.

К переговорам, результат которых является обязательным для сторон, можно отнести ряд решений, вынесенный не только третейским судом, но и иными уполномоченными органами. Например, в штате Виктория — это решения специального Омбудсмана по делам между энергетическими, водоснабжающими, газовыми компаниями (*Energy and Water Ombudsman*) и их клиентами, присуждающие сумму компенсации, не превышающую определенного размера.

Институт омбудсмана в Австралии впервые введен в 1971 году в штате Западная Австралия,³⁷ впоследствии офисы омбудсмана были образованы в Южной Австралии и штате Виктория, на федеральном уровне должность Омбудсмана учреждена в 1976 году.

Омбудсмен — это лицо, которое рассматривает жалобы граждан на государственные учреждения, а также на поставщиков определенных услуг, таких как, банки, телекоммуникационные, водоснабжающие и га-

³¹ HREOC Legislation Submission — Human Rights Council of Australia — URL: <http://www.hrc.org.au/hreoc%20sub.htm>

³² Human Rights and Equal Opportunity Commission Act 1986 — URL: https://acfid.asn.au/sites/site.acfid/files/resource_document/Human-Rights-and-Equal-Opportunity-Commission-Act-1986.pdf

³³ Raymond T and Ball J (2000) *Alternative Dispute Resolution In The Context Of Anti-Discrimination And Human Rights Law: Some Comparisons And Considerations*, Sydney: Human Rights and Equal Opportunity Commission.

³⁴ Community Justice Centres — URL: <http://www.cjc.justice.nsw.gov.au/>

³⁵ Spencer D (2002) *Essential Dispute Resolution*, Sydney: Cavendish.

³⁶ Акт о центрах разрешения споров от 1983. Ст. 2а. NSW Parliament.

³⁷ Сайт Омбудсмана Австралийского Союза. <http://www.ombudsman.gov.au/>

зовые компании. Физические лица освобождены от уплаты пошлин, связанных с рассмотрением дел омбудсменом, в то время как компании, желающие, чтобы их споры с потребителями были, по мере возникновения, рассмотрены индустриальным омбудсменом, уплачивают ежегодные сборы. При разрешении споров омбудсмены также могут осуществлять координацию таких альтернативных процедур разрешения споров, как переговоры с помощью посредника, медиация и примирение.

В 90-е гг. многие австралийские предприятия создали схемы для разрешения споров. Эти схемы финансируются в основном предприятиями конкретной отрасли, к ним относятся следующие:

- омбудсмен отрасли телекоммуникаций;
- служба работы с жалобами по страхованию жизни;
- общая схема справочных услуг и работы с жалобами по страхованию и Австралийский омбудсман в банковской отрасли.

Сами по себе отрасли поощряют подобные схемы, поскольку они способствуют эффективному бизнесу, посредством удовлетворения жалоб потребителей на ранней стадии. Австралийское Правительство также поощрило обработку жалоб на основе отраслевых стандартов и выпустило «контрольные показатели» для таких схем.³⁸ Данные показатели не являются юридически обязательными, но были разработаны для применения, в первую очередь, к национальным схемам споров клиентов, созданных под эгидой отрасли. Показатели имеют тройную цель: руководство к передовой практике для отраслевых секторов, предусматривающих создание таких схем; рассмотрение существующих схем собственной практики по сравнению с эталонами; ориентир для потребителей относительно того, чего ожидать. Тем не менее, создание таких схем не избавляет от необходимости иметь собственный механизм рассмотрения первоочередных жалоб в каждой отрасли.

³⁸ Minister for Customs and Consumer Affairs (1997) Benchmarks for industry-based customer dispute resolution schemes, Canberra: Department for Customs and Consumer Affairs.

В настоящее время в Австралийском Союзе действуют следующие омбудсмены:

- федеральный омбудсмен, который рассматривает не только жалобы на действия органов государственной власти на федеральном уровне, но также жалобы по вопросам выплат детских пособий, пособий ветеранам, вопросам миграционной политики, налогообложения, жалобы на работу почтовой службы и др.;
- омбудсмен, действующий в рамках каждого штата или территории. Компетенция таких омбудсменов во многом совпадает с компетенцией федерального омбудсмена, так, омбудсмен штата Новый Южный Вэйлс рассматривает жалобы, связанные с деятельностью или решениями правительственных ведомств данного штата, местных органов власти и органов местного самоуправления;
- индустриальный омбудсмен, в обязанности которого входит защита интересов граждан в их отношениях с различными поставщиками услуг, особенно в отраслях, ранее принадлежавших государству или регулируемых им, в частности, таких как телекоммуникации, энергетическая и банковская отрасли, а также страхование, жилищно-коммунальное хозяйство. Индустриальный омбудсмен разрешает разногласия между физическими лицами и поставщиками услуг, в частности при несогласии с выставленными счетами за телефон или электричество, а также на несправедливые условия договоров и низкое качество обслуживания.

На практике при разрешении индустриальных споров, омбудсмен принимает во внимание не только законодательные положения, правоприменительную практику в рамках различных отраслей, но и руководствуется принципом рациональности и справедливости. Устав Омбудсмана требует, чтобы решение было вынесено на основании трех принципов: законности, справедливости и с учетом банковской практики.

Жалоба омбудсмену может быть подана как в устной, так и в письменной форме, в частности, она может быть направлена через интернет ресурсы, средства телефонных коммуникаций, почтой или же озвучена при личной встрече. Следует, однако, отметить, что получение заявления не является безусловным основанием для принятия его к рассмотрению.

Омбудсмен не должен разглашать информацию, которая стала ему известна от заявителя, и по общему правилу омбудсмен должен стремиться к тому, чтобы урегулировать спор анонимно, без указания имени лица, обратившегося с жалобой.³⁹

В зависимости от ситуации омбудсмен может использовать различные приемы, в частности «челночную» дипломатию, когда омбудсмен поочередно встречается с каждой стороной по отдельности или традиционное посредничество, приглашая стороны на совместное заседание, содействуя им в ведении переговоров и достижении соглашения по спору.

Следует отметить тесное сотрудничество омбудсменов Австралии и Новой Зеландии, в рамках которого 22 мая 2003 года была создана Ассоциация омбудсменов Австралии и Новой Зеландии («The Australian and New Zealand Ombudsman Association»),⁴⁰ первым проектом которой стала подготовка Стандартов рассмотрения жалоб и разрешения споров («Standardson Complaint Handling and Dispute Resolution»).⁴¹

В настоящее время компьютерные технологии проникают во все сферы жизни, и даже переговоры с целью урегулирования спора могут проходить при посредничестве компьютерных программ, так называемые «автоматизированные переговоры» («Automated negotiation (or blind bidding)»), в рамках которых общение происходит с помощью компьютерных программ и помощи

специалиста не требуется. В Австралийском Союзе также существует такой инструмент, как «разрешение споров онлайн» («Online dispute resolution, ODR, eADR, cyber-ADR»), когда существенная часть или всё общение в рамках процесса по урегулированию спора происходит в электронном формате, в частности по e-mail.

В Австралии существует разрешение споров через Интернет, при котором процесс посредничества обеспечивается в рамках Национального центра автоматизированных информационных исследований, занимающегося решением проблем, связанных с использованием Интернета. Еще один проект, связанный с Интернетом, — Виртуальный судья (*Virtual Magistrate*),⁴² который занимается жалобами на нарушения в Интернете в отношении сообщений, объявлений и файлов, где предположительно нарушены авторские права или права на торговую марку, имеется незаконное использование секретной торговой информации, диффамация, злоупотребление, нечестная торговая практика, ненадлежащие (непристойные, порнографические и т.п.) материалы, нарушение права неприкосновенности частной жизни и т.п.

Одним из наиболее распространенных методов ADR, используемых судами, является медиация. Потенциал судебной медиации к сокращению барьеров для правосудия был признан рядом членов судебных органов. Кроме того, как законодательные органы, так и суды предоставили судьям определенные полномочия в отношении медиации. Раздел 26 Гражданского процессуального кодекса 2005 года разрешает суду обращать стороны в любом гражданском споре к медиации с их согласием или без согласия.⁴³ В Кодексе соответствующее практическое пояснение разъясняет процедуры

³⁹ Frank Fowlie, A Blueprint for the Evaluation of an Ombudsman's Office: A Case Study of the ICANN Office of the Ombudsman, La Trobe University Bundoora, November 2008.

⁴⁰ Сайт Ассоциации омбудсменов Австралии и Новой Зеландии — URL: <http://www.anzoa.com.au/>

⁴¹ Сайт Омбудсмана — URL: <http://www.ombudsman.gov.au/docs/anzoa/anzoa.pdf>

⁴² The Virtual Magistrate: Well, the Theory Sounded Good — URL: <http://www.loundy.com/CDLB/Virtual-Magistrate.html>

⁴³ Uniform Civil Procedure Rules 2005 (NSW) — URL: http://www.austlii.edu.au/au/legis/nsw/consol_reg/ucpr2005305/

медиации и вероятные исходы для сторон, обращающихся к медиации.⁴⁴

Медиацию обычно проводит сторонний медиатор, однако в Земельном суде штата Квинсленд⁴⁵ ее может провести другой судья (не тот, который рассматривает дело). Обычно медиация проводится за один день. Если стороны пришли к соглашению по итогам медиации, то суд издает судебный приказ на основании этого соглашения. На вопрос о том, может ли судья отказаться «утвердить» соглашение сторон, если считает, что оно ущемляет одну из сторон, утверждают, что судьи, как правило, такого никогда не делают, кроме случаев защиты прав ребенка.

Для сторон смысл в медиации состоит в существенной экономии денежных средств, т.к. оплата услуг адвоката в судебном процессе может достигать очень больших сумм, например, 100 тыс. австралийских долларов. Достоинством медиации является экономия денежных средств: размер пошлины при рассмотрении дела медиатором значительно ниже судебной. Начиная с июля 2012 года, при подаче искового заявления в Федеральный Суд⁴⁶ применяются следующие пошлины: 2248 австралийских долларов для компаний и 938 — для иных истцов. В то же время медиация (первое заседание), проводимая служащим суда Федерального суда, обойдется сторонам в 938 и 468 австралийских долларов соответственно.

Медиатор не дает консультаций, а также не выносит решений относительно фактов спора или его исхода, но вправе принимать решения или консультировать по поводу

процесса урегулирования спора с целью его скорейшего и оптимального разрешения. Медиатором может быть как служащий суда, так и третье лицо, выбранное сторонами. В любом случае лицо, назначенное медиатором, должно удовлетворять Австралийским национальным стандартам медиаторов (*Australian national mediator standards*)⁴⁷ и должно пройти аккредитацию в специализированном органе (*Recognised Mediator Accreditation Body*),⁴⁸ который при соблюдении необходимых требований выдает соответствующий сертификат.

Среди всех шести штатов Австралии наибольший интерес при исследовании медиации представляет штат Новый Южный Уэльс. В этом штате раньше всего начали внедрять и применять на практике как судебную, так и частную медиацию. Особый интерес представляют акты Верховного суда Нового Южного Уэльса и практика, сложившаяся за десятилетия. Можно подчеркнуть значительные успехи, достигнутые в судебной медиации согласно статистическим данным Верховного суда Нового Южного Уэльса. В 2009 году почти в 60 процентах дел применялась медиация.⁴⁹

Практические комментарии Верховного суда штата Новый Южный Уэльс прямо указывают на необходимость процедуры медиации при рассмотрении коммерческих споров, и каждая сторона обязана проинформировать суд о том, были ли предприняты попытки медиации.⁵⁰

Когда стороны возбуждают производство по делу, например, в Верховном Суде Нового Южного Уэльса, от них требуется подготовить свидетельства и предпринять другие

шаги, необходимые для подготовки дела к слушанию в определенную дату. Опыт подсказывает, что медиация проходит намного более эффективно, когда стороны уже имеют назначенную дату суда. Если случай разбирается слишком рано и сторонам еще нужно собрать свидетельства или дать раскрытие документам, у них создается впечатление, что слушание дела еще не скоро и нет никакой спешки для достижения коммерческого соглашения. Такое настроение затрудняет работу медиатора по заключению соглашения между сторонами из-за неопределенности в будущем. С другой стороны, когда стороны сосредоточены на необходимости оплаты издержек долгого судопроизводства, их настроение и мотивация существенно отличаются.

В Австралии суд может направлять случай на медиацию в любой момент, но обычно это делается перед вынесением судебного решения. При этом судья может вынести решение по некоторым аспектам процесса (например, только по вопросу меры ответственности), а затем направить стороны на медиацию до оценки ущерба. Целый ряд случаев был направлен на медиацию во время судебного процесса. Некоторые таковые медиации были успешными, но в других случаях, где решение не было достигнуто, стороны возобновили судебный процесс.

В соответствии с положениями Федерального суда «показаниями» к проведению медиации может быть:

- вероятность того, что судебное решение не разрешит существующий спор;
- необходимость найти решение спора для сохранения отношений между сторонами;
- наличие множества факторов не материального характера и др.

В судебном деле *Waterhouse v Perkins*⁵¹ истец был против медиации, однако судья

Ливай не был удовлетворен аргументацией, и медиация была назначена. Судья мотивировал собственное решение, среди прочего и тем, что ответчик предложил понести все расходы, связанные с медиацией, а также с учетом того, что попытки разрешить спор предпринимались уже около 10 лет, и судья полагает, что в суде дело не будет рассмотрено еще как минимум в течение 12 следующих месяцев.

В ряде случаев суд отказывался от назначения обязательной медиации, так, например, в деле *Morrow v Chinadotcom*,⁵² судья Бэррит (*Barrett J*) аргументировал свою позицию тем, что поскольку одна из сторон выступает активно против медиации, то спор вряд ли будет разрешен в рамках данной процедуры.⁵³

В Новом Южном Уэльсе, за исключением очень ограниченного числа случаев, все сказанное и любое признание, сделанное во время проведения медиации, не могут быть приняты в качестве доказательства по любому делу в любом суде.⁵⁴ Тот же запрет относится к любому документу, подготовленному для проведения медиации или созданному в ее процессе. Медиатор может раскрывать информацию, полученную в связи с медиацией, только при определенных условиях, включая согласие лица, от которого была получена информация, или в связи с управлением и проведением медиации.

Конфиденциальность медиации привлекает те стороны, которые хотят избежать огласки, и усиливает их готовность вести открытые и честные переговоры. Если медиация происходит в условиях судебного процесса, сторонам предоставляется безопасное место для раскрытия обстоятельств, для предложений и ответов на предложения и участия в переговорах без риска, что все это будет использовано против них. Конфиденциальность побуждает стороны

⁴⁴ Applies to the Court of Appeal, the Supreme Court (Equity Division) and the Supreme Court (Common

Law Division) in civil matters only: see Supreme Court of NSW, Practice Note SC Gen 6, above n 18

⁴⁵ Land Court | Queensland Courts — URL: <http://www.courts.qld.gov.au/courts/land-court>

⁴⁶ Federal Court of Australia — URL: <http://www.fedcourt.gov.au/>

⁴⁷ Национальные стандарты медиаторов. http://www.fedcourt.gov.au/litigants/mediation_standards.pdf — URL: http://www.fedcourt.gov.au/litigants/mediation_standards.pdf

⁴⁸ National Mediator Accreditation System (NMAS) — URL: <https://www.msb.org.au/mediator-standards/national-mediator-accreditation-system-nmas>

⁴⁹ Chief Justice Marilyn Warren, 'Should Judges Be Mediators?' (2010) 21 Australian Dispute Resolution Journal 77, 84.

⁵⁰ The Practitioner's guide to civil litigation. 3rd edition. The Law Society of New South Wales Young Lawyers.

⁵¹ Civil Litigation Committee. 2010. С. 121.

⁵¹ *Waterhouse v Perkins* (2001) NSWSC13.

⁵² *Morrow v Chinadotcom* (2001) NSWSC209.

⁵³ Jenny Campbell and Thomasin Opie. Mandatory Mediation — URL: <http://www.findlaw.com.au/articles/1050/mandatory-mediation.aspx>

⁵⁴ Акт штата Новый Южный Уэльс «Акт о гражданском судопроизводстве» от 16.07.2005 — URL: http://www.austlii.edu.au/au/legis/nsw/consol_act/cpa2005167.

к честным высказываниям относительно их истинных нужд и интересов, а также вносит свой вклад в окончательный характер судебного процесса.

В Южном Уэльсе установлена обязательная (предысковая) медиация:

- в соответствии с Актом «О медиации фермерской задолженности» от 1994 г. у фермеров есть право обратиться к медиации до того, как к нему могут быть применены принудительные меры со стороны кредитора по закладной;
- в соответствии со ст. 68 Акта «Об аренде в сфере ритейла» [the Retail Leases Act 1994 (NSW)] до того, как дело будет передано в суд, необходимо получение свидетельства от Регистратора отдела споров по аренде в сфере ритейла о том, что медиация не увенчалась успехом, либо пока суд самостоятельно не придет к выводу, что урегулирование спора с помощью медиации маловероятно;
- в соответствии со ст. 125 Акта «Об управлении страховыми схемами» от 1996 г. (условно говоря, это правила общего пользования, общежития внутри малых сообществ-владельцев общего имущества) (the Strata Scheme Management Act, 1996), все споры внутри малых сообществ до обращения в суд должны быть сначала урегулированы через медиацию, за исключением случаев, когда уполномоченный орган (Регистратор) считает проведение медиации неподходящим или ненужным;
- в соответствии со ст. 318А Акта «О компенсации рабочим и менеджменту травм на производстве» от 1998 г. (the Workplace Injury Management and Workers Compensation Act), проведение медиации до обращения в суд необходимо по искам о возмещении вреда из-за получения травм на работе (за исключением случаев, когда ответчик полностью отрицает свою вину);

— по спорам о наследовании медиация обязательна в соответствии с положениями Акта «О поправках в сфере наследования» (семейная сфера) от 2008 г. (the Succession Amendment (Family Provision) Act).

Законодательство Нового Южного Уэльса предусматривает, что стороны, которые направляются на медиацию, обязаны участвовать в ней в духе добросовестного сотрудничества. Определения «добросовестного сотрудничества» в законодательстве не приводится, однако оно истолковывается как не препятствующее сотрудничеству отношение, и что строгое требование соблюдения своих законных прав при медиации может расцениваться как отсутствие добросовестного сотрудничества.⁵⁵

В Австралии существует проблема, когда судьи вступают в частную медиацию со сторонами по делу и юристами, которые предстают перед ними постоянно, и обсуждают персональные дела сторон напрямую с этими сторонами.⁵⁶ Возникает предположение, что ставится под угрозу независимость и беспристрастность судей, участвующих в таких частных медиациях.

Другой потенциальной проблемой, которая может возникнуть при проведении судебной медиации, является риск, что одна или более сторон может попытаться использовать медиацию как репетицию рассмотрения своего случая в суде, а также с целью получения информации, которая в судебном процессе не будет им доступна. Это несовместимо с обязанностью сторон участвовать в медиации и в процессе «в духе добросовестного сотрудничества». Однако в редких случаях может произойти так, что возникнет необходимость, чтобы медиатор-судебный работник в закрытом заседании оценил мотивы определенных реакций стороны и ее юридических представителей на различные предложения, которые судья может передать от другой стороны.

В будущем может произойти так, что будут созданы специальные юридические

структуры, позволяющие судьям в Австралии проводить медиацию без риска быть вовлеченными в неудовлетворительные последствия неуспешных медиаций.

В первые годы существования медиации в Австралии, когда юристы скептически относились к преимуществам процесса медиации, было несколько случаев, когда медиаторы прекращали процесс мирного урегулирования из-за очевидного отсутствия реального желания сторон выработать реалистичное предложение об урегулировании. Сейчас такой проблемы больше нет. Культура изменилась, и юристы, и все общество спокойно относятся к процессу медиации. Однако во время проведения переговоров со сторонами медиатор должен решить, проходят ли переговоры в духе добросовестного сотрудничества. Если нет, медиацию необходимо прекратить. Недавно в законодательство Нового Южного Уэльса были внесены поправки, которые предусматривают штрафные санкции против сторон, которые злоупотребляют процессом таким образом.

Как и в других странах, в Австралии немало дискуссий ведется по поводу того, может ли судья выступать в качестве медиатора. Так, в 2006 году судья Маргарет Сидис опубликовала отчет о ее опыте в судебной деятельности в окружном суде штата Новый Южный Уэльс.⁵⁷ Она указала на подавляющее большинство положительных результатов медиации, сославшись на расчетный показатель почти 80% с начала 2002 г. Судья также отметила, что судебные медиаторы должны учитывать тот факт, что в качестве медиаторов они не «судят, не высказывают никаких мнений, не дают никаких юридических консультаций», и признала, что у нее нет сомнений в том, что стороны уважают тот факт, что она занимает должность судьи. В целом, судья высказала мнение в пользу судей в качестве медиаторов, отвергнув предположение о том, что существует толь-

ко один способ исполнения судебной роли. Судья считает, что предоставление судьям гибкости в разрешении споров менее традиционными способами может предотвратить дальнейшее разрушение юридических прав.

В последние годы совместные предприятия стали популярными для австралийских компаний, особенно в секторе ресурсов с целью получения доступа к возможностям рынков в зарубежных странах.⁵⁸ По своей природе совместное предприятие является альянсом между двумя или более компаниями, часто с разными корпоративными культурами, которые имеют долю в независимом бизнесе организации. Несмотря на то, что выполнение операции обычно возложено на одного партнера, каждое важное решение, влияющее на бизнес должно обсуждаться всеми партнерами, учитывая, что проект находится под совместным контролем. Споры обычно возникают по поводу:

- призывов к вложению капитала от каждого партнера совместного предприятия;
- вопрос о том, кто имеет право вето на основные решения организации;
- злоупотребление активами совместного предприятия.

Характер возникающих споров имеет важное значение при сопоставлении применяемых методов ADR в соответствии с уровнями и типами споров.

Международный коммерческий арбитраж является консенсуальным методом разрешения транснациональных коммерческих споров. В качестве важного аспекта международной коммерции, в последние десятилетия он оказался успешно признанным в качестве предпочтительного метода разрешения таких споров.⁵⁹ Его распространение привело к развитию «международно-признанной гармонизированной процессуальной юриспруденции»,⁶⁰ в которой сочетаются лучшие практики системы гражданского и общего

⁵⁵ Судебный прецедент «Уильямсон против Шмидта» от 1998 Qd. Ст. R317.

⁵⁶ Стрит Л. О беспристрастности судей при медиации. ADRJ. — 2006. — С. 188; Спенсер Д. Судебные медиаторы: Правильно ли выбрано время. ADRJ. — 2006. — С. 130.

⁵⁷ Judge Margaret Sidis, 'Judicial Mediation in the District Court' (2006) 18(9) Judicial Officers' Bulletin 74.

⁵⁸ General discussion in PwC "Being strategic in resources: JV's remain key" Global Mining Deals Outlook — URL: www.pwc.com.

⁵⁹ TCL Air Conditioner (Zhongshan) Co Ltd v Judges of the Federal Court of Australia (2013) 295 ALR596

⁶⁰ John K Arthur, above n 3, at 41.

права с учетом многообразия философских и культурных предпосылок.

Как международный, так и национальный арбитраж легко отличается от других методов ADR и описывается как «судебный процесс в частном секторе».⁶¹

Юридической базой для функционирования международного коммерческого арбитража в Австралии является Акт «О международном арбитраже» 1974 года.⁶² Акт инкорпорирует международно-признанный Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном коммерческом арбитраже.⁶³ В дополнение к приданию силы закону ЮНСИТРАЛ на территории Австралии, Акт 1974 года санкционирует применение двух конвенций — Нью-Йоркской 1958 года «О признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений», а также Вашингтонской 1965 года «О разрешении инвестиционных споров между государствами и иностранными инвесторами».

Австралийский центр международного коммерческого арбитража (ACICA)⁶⁴ позиционирует себя как единственный в Австралии институт, посвященный исключительно международному коммерческому арбитражу. Основанный в 1985 году как некоммерческая публичная компания, сегодня его членами являются ведущие мировые практики и академики в области международного коммерческого арбитража и других форм разрешения споров.

Утвержденные Центром Арбитражные правила, действующие с 1 августа 2011 года, предусматривают процедуру назначения экстренного арбитра, в компетенцию которого входит принятие срочных обеспечительных мер до формирования состава арбитров. Такое нововведение соответствует последней практике многих ведущих арбитражных центров и призвано учитывать довольно значительный период времени меж-

ду направлением просьбы об арбитраже и формированием состава арбитров, к компетенции которых вопросы принятия обеспечительных мер традиционно и относятся (естественно, без ущерба для прав стороны спора обратиться в государственный суд за принятием таких мер в соответствии с национальным арбитражным законом).

Таким образом, с 1970-х годов Австралия разработала широкий спектр практики ADR в своих центральных учреждениях административной юстиции: суды, трибуналы и схемы омбудсмена. Был создан целый ряд организаций и органов — например, Центры по вопросам правосудия, НАДРАК, Институт арбитров и медиаторов, которые создали мощную разнообразную структуру методов ADR в различных сферах жизни общества. Применение методов ADR в Австралии варьируется от медиации на уровне общины, которая сосредоточена на раннем вмешательстве, например, на споры соседей, на отраслевые схемы разрешения споров и структурированное посредничество до примирения и медиации в судебном и трибунальном секторах как на уровне Содружества, так и на уровне штата и территории.

Широкое развитие процедур внесудебного урегулирования споров в Австралии, во-первых, позволяет существенно снизить количество судебных разбирательств, во-вторых, в случае невозможности досудебного урегулирования спора, собрать необходимую информацию, что позволит повысить эффективность судебного рассмотрения и сократить временные затраты.

Востребованность посреднических процедур (внесудебного, досудебного и судебного) урегулирования спора во многих зарубежных странах обусловлена наличием преимуществ перед государственным судопроизводством. Известный американский юрист Кэрри Менкель-Мидоу называет

«ключевыми ценностями» неформального правосудия его конфиденциальность, большие полномочия сторон, учет интересов и согласия сторон, гибкость процессуальных правил, соответствие принятого решения пожеланиям сторон, более быстрое и дешевое разрешение спора, допустимость условных решений.⁶⁵

Помимо указанных преимуществ применению различных способов негосударственного разрешения гражданских правовых споров способствуют имеющие место

в европейском и американском законодательстве различные стимулы материального и морального характера или ограничения в доступе к государственному суду, как например, различные установки, не позволяющие мелкими спорами загружать дорогостоящую судебную машину; дороговизна государственного судопроизводства, адвокатских услуг; подача иска как заявка о наличии спора и желания его урегулировать мирным путем, в связи с чем, суд часто прибегает к медиативным способам.

Библиографический список

1. Акт штата Новый Южный Уэльс «Акт о гражданском судопроизводстве» от 16.07.2005 — URL: http://www.austlii.edu.au/au/legis/nsw/consol_act/cpa2005167
2. Кэрри Менкель-Мидоу. Неформальное, формальное и «полуформальное правосудие США. Сборник докладов Всемирной конференции Международной ассоциации процессуального права // Гражданский процесс в межкультурном диалоге евразийский контекст под ред. Д. Я. Малешина, 18–21 сентября 2012 г. Москва, Россия. С.: Статут, 2012, С. 126
3. Мировые достижения в области разрешения конфликтов // Журнал «Третейский суд» — URL: <http://arbitrage.spb.ru/jts/2000/5/art07.html>
4. Национальные стандарты медиаторов. — URL: http://www.fedcourt.gov.au/litigants/mediation_standards.pdf
5. Сайт Омбудсмена Австралийского Союза. <http://www.ombudsman.gov.au/>
6. Сайт Ассоциации омбудсменов Австралии и Новой Зеландии — URL: <http://www.anzoa.com.au/>
7. Стрит Л. О беспристрастности судей при медиации. ADRJ. — 2006. — С. 188; Спенсер Д. Судебные медиаторы: Правильно ли выбрано время. ADRJ. — 2006. — С. 130
8. Судебный прецедент «Уильямсон против Шмидта» от 1998 Qd. Ст. R317.
9. Administrative Appeals Tribunal Amendment Act 2005 — URL: <https://www.legislation.gov.au/Latest/C2005A00038>
10. Applies to the Court of Appeal, the Supreme Court (Equity Division) and the Supreme Court (Common Law Division) in civil matters only: see Supreme Court of NSW, Practice Note SC Gen 6, above n 18
11. Astor H and Chinkin C (1992) Dispute Resolution in Australia, Sydney: Butterworths
12. Australian Centre for International Commercial Arbitration (ACICA) — URL: <https://acica.org.au/>
13. Attorney-General's Department — URL: <https://www.ag.gov.au/>
14. Australia Post — URL: <https://auspost.com.au/>
15. Brandis George, 'Lack of Access an Impending Social Crisis', The Australian (Sydney), 1 June 2012
16. Cannon, Andrew James. Some desirable features of lower court systems to verify and enforce civil obligations, Doctor of Philosophy thesis, Faculty of Law, University of Wollongong, 2001. — URL: <http://ro.uow.edu.au/theses/1860>

⁶¹ Sir John Donaldson in Northern Regional Health Authority v Derek Crouch Construction Co Ltd [1984] 2 All ER 175 at 189 cited in Doug Jones, above n 3, at 2.

⁶² International Arbitration Act 1974 — Federal Register of Legislation — URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2011C00342>

⁶³ UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration — URL: http://www.uncitral.org/uncitral/en/uncitral_texts/arbitration/1985Model_arbitration.html

⁶⁴ Australian Centre for International Commercial Arbitration (ACICA) — URL: <https://acica.org.au/>

⁶⁵ Кэрри Менкель-Мидоу. Неформальное, формальное и «полуформальное правосудие США. Сборник докладов Всемирной конференции Международной ассоциации процессуального права // Гражданский процесс в межкультурном диалоге евразийский контекст под ред. Д. Я. Малешина, 18–21 сентября 2012 г. Москва, Россия. С.: Статут, 2012, С. 126.

17. Chief Justice Marilyn Warren, 'Should Judges Be Mediators?' (2010) 21 Australian Dispute Resolution Journal 77, 84
18. Commonwealth of Australia Constitution Act — URL: <https://www.legislation.gov.au/Latest/C2013Q00005>
19. Commonwealth Conciliation and Arbitration Act 1904 — URL: <http://www.legislation.gov.au/Details/C1904A00013>
20. Commonwealth Court of Conciliation & Arbitration — URL: <http://www.atua.org.au/biogs/ALE1416b.htm>
21. Community Justice Centres — URL: <http://www.cjc.justice.nsw.gov.au/>
22. Condliffe P (2000) 'A short history of alternative dispute resolution in Australia: 1975–2000' vol 19(2) The Arbitrator and Mediator 00
23. Courts (Mediation and Arbitration) Act 1991 — URL: <https://www.legislation.gov.au/Latest/C2004A04188>
24. Family and Community Affairs — Parliament of Australia — URL: http://www.aph.gov.au/Parliamentary_Business/Committees/House_of_Representatives_Committees?url=fca/index.html
25. Family Dispute Resolution — URL: <http://www.familyrelationships.gov.au/Services/FamilyLawServices/FDR/Pages/default.aspx>
26. Family Law Act 1975 — Federal Register of Legislation — URL: <https://www.legislation.gov.au/Latest/C2016C01106>
27. Federal Court Act 1976 — URL: http://www.austlii.edu.au/au/legis/cth/consol_act/fcoaa1976249/s4.html#alternative_dispute_resolution_process
28. Federal Court Rules 2011 — Federal Register of Legislation — URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/F2011L01551>
29. Federal Court of Australia — URL: <http://www.fedcourt.gov.au/>
30. Frank Fowlie, A Blueprint for the Evaluation of an Ombudsman's Office: A Case Study of the ICANN Office of the Ombudsman, La Trobe University Bundoora, November 2008
31. General discussion in PwC "Being strategic in resources: JV's remain key" Global Mining Deals Outlook — URL: www.pwc.com
32. High Court report (2004) High Court: annual report 2003–04, Canberra: High Court of Australia
33. HREOC Legislation Submission — Human Rights Council of Australia — URL: <http://www.hrca.org.au/hreoc%20sub.htm>
34. Human Rights and Equal Opportunity Commission Act 1986 — URL: https://acfid.asn.au/sites/site.acfid/files/resource_document/Human-Rights-and-Equal-Opportunity-Commission-Act-1986.pdf
35. International Arbitration Act 1974 — Federal Register of Legislation — URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2011C00342>
36. International Legal Services Advisory Council — URL: <https://www.ag.gov.au/Internationalrelations/InternationalLaw/Pages/ILSAC.aspx>
37. Jenny Campbell and Thomasin Opie. Mandatory Mediation — URL: <http://www.findlaw.com.au/articles/1050/mandatory-mediation.aspx>
38. Judge Margaret Sidis, 'Judicial Mediation in the District Court' (2006) 18(9) Judicial Officers' Bulletin 74
39. Land Court | Queensland Courts — URL: <http://www.courts.qld.gov.au/courts/land-court>
40. Mediation Act 1997 — ACT Legislation Register — URL: <http://www.legislation.act.gov.au/a/1997-61/19980701-4053/pdf/1997-61.pdf>

41. Minister for Customs and Consumer Affairs (1997) Benchmarks for industry-based customer dispute resolution schemes, Canberra: Department for Customs and Consumer Affairs.
42. *Morrow v Chinadotcom* (2001) NSWSC209
43. NADRAC (2004) ADR Research — a resource paper, Canberra: NADRAC
44. National Alternative Dispute Resolution Advisory Council (NADRAC) -URL: https://www.parliament.vic.gov.au/images/stories/committees/lawrefrom/alternate_dispute/Submissions/ADR-25S-NADRAC.pdf
45. National Mediator Accreditation System (NMAS) — URL: <https://www.msb.org.au/mediator-standards/national-mediator-accreditation-system-nmas>
46. Out of the maze: pathways to the future for families experiencing separation / Family Law Pathways Advisory Group — URL: <https://www.ag.gov.au/Publications/Documents/FamilylawsystemOutOftheMazeAugust2001/FLPRReport.pdf>
47. Raymond T and Ball J (2000) Alternative Dispute Resolution In The Context Of Anti-Discrimination And Human Rights Law: Some Comparisons And Considerations, Sydney: Human Rights and Equal Opportunity Commission
48. Ruddock P (2004) 'Towards a less litigious Australia: the Australian government's ADR initiatives' 23(1) The Arbitrator and Mediator 1–11
49. Sackville Report (1994) Access to Justice -an Action Plan, Access to Justice Advisory Committee report (chaired by the Hon Justice Ronald Sackville), Canberra: Australian Government Publishing Service
50. *Sir John Donaldson in Northern Regional Health Authority v Derek Crouch Construction Co Ltd* [1984] 2 All ER175 at189 cited in Doug Jones, above n 3, at 2
51. *Spencer D* (2002) Essential Dispute Resolution, Sydney: Cavendish
52. *TCL Air Conditioner (Zhongshan) Co Ltd v Judges of the Federal Court of Australia* (2013) 295 ALR596
53. Telecom Australia — Wikipedia — URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Telecom_Australia
54. The Institute of Arbitrators & Mediators Australia — URL: <https://www.iama.org.au/>
55. The Practitioner's guide to civil litigation. 3rd edition. The Law Society of New South Wales Young Lawyers. Civil Litigation Committee. 2010. C. 121
56. The Virtual Magistrate: Well, the Theory Sounded Good — URL: <http://www.loundy.com/CDLB/Virtual-Magistrate.html>
57. UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration — URL: http://www.uncitral.org/uncitral/en/uncitral_texts/arbitration/1985Model_arbitration.html
58. Uniform Civil Procedure Rules 2005 (NSW) — URL: http://www.austlii.edu.au/au/legis/nsw/consol_reg/ucpr2005305/
59. *Waterhouse v Perkins* (2001) NSWSC13

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Гречухина Мария Андреевна

Соискатель кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного университета имени О. Е. Кутафина

E-mail: M. Grechukhina@rospravo.ru

СВОБОДА СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Аннотация.

Целью статьи является анализ места и значения свободы совести и вероисповедания во внешнеполитической деятельности Европейского Союза.

Предмет статьи — правовое регулирование отношений, связанных с защитой свободы совести и вероисповедания в Европейском Союзе, в первую очередь, под углом взаимодействия Союза с третьими странами. При написании статьи были задействованы системный и историко-правовой методы.

По итогам проведенного анализа в статье представлены выводы об основных проблемах, отмечаемых Союзом в вопросе обеспечения свободы совести и вероисповедания за его пределами, и его вкладе в их разрешение на международной арене.

Тема настоящего исследования ранее не попадала в поле зрения отечественных правоведов. Однако ее рассмотрение может быть полезно в построении международных отношений с Европейским Союзом.

Ключевые слова: международное право, право Европейского Союза, права человека, свобода совести и вероисповедания, внешнеполитическая деятельность Европейского Союза.

Grechukhina Maria A.

*Postgraduate student of the Chair of Integration and European law
of the Kutafin Moscow State Law University*

E-mail: M. Grechukhina@rospravo.ru

FREEDOM OF RELIGION OR BELIEF IN THE EUROPEAN UNION'S EXTERNAL ACTION: GENERAL PROVISIONS

Abstract.

The aim of the article is to analyze the substance and significance of the freedom of religion or belief (FoRB) in the European Union's External Action.

Legal regulation of the correspondent relationships aimed at the freedom protection, primarily from the angle of the EU — third countries cooperation, is the subject of the article. The article is based on systematic and historic methods.

The analysis results in conclusions on the main problems with the FoRB securing outside the EU to which the European Union gives notice and its contribution to finding resolution on the international stage.

The theme of the survey has not previously been reviewed by Russian legal scholars. However, it can be helpful regarding international cooperation building with the European Union.

Key words: International law, the European Union law, human rights, freedom of religion or belief, the European Union's external action.

Одним из общепризнанных фундаментальных прав человека является право на свободу мысли, совести и вероисповедания (далее в тексте статьи — «свобода совести»). В быстро меняющихся и постоянно усложняющихся условиях современного мира поиск и поддержание баланса интересов носителей различных убеждений становится все более непростой задачей, с которой приходится сталкиваться каждому участнику международных отношений и каждому субъекту международного права. Спектр проблем, связанных с названной свободой, чрезвычайно широк в различных регионах мира: от прямой дискриминации и преследований на почве определенных убеждений до злоупотреблений соответствующей свободой, приводящих к нарушению прав лиц, не разделяющих тех или иных воззрений, защищаемых в рамках обеспечения свободы совести.

Европейский Союз и как субъект международного права, и как один из наиболее значимых игроков на международной арене не может оставаться в стороне от разрешения обозначенных проблем. Как гласит ст. 2 Договора о Европейском Союзе¹ (далее в тексте статьи — ДЕС), Союз основан на ценностях уважения человеческого достоинства, свободы, равенства, и соблюдения прав человека. Выражая свою приверженность таким ценностям, ЕС выступает за их реальную защиту, что требует разработки конкретных правовых и основанных на международном праве дипломатических инструментов. И так, в настоящей статье предлагается проанализировать место защиты свободы сове-

сти во внешнеполитической деятельности Европейского Союза.

Данная тема имеет два измерения: правовое и политико-дипломатическое. Ее актуальность в обоих аспектах обусловлена острой необходимостью поддержания мира и правового порядка, предотвращения дискриминации, розни и насилия, связанных с вопросами свободы совести. О том же, что такие вопросы приобретают все более сложный и комплексный характер, свидетельствуют как судебная практика², так и практика международных отношений, которая будет затронута в следующей части этого исследования.

Начиная рассмотрение обозначенной темы, определим, в первую очередь, место свободы совести в правовом пространстве Европейского Союза. Для этой цели в контексте данной работы не станем предлагать подробную подборку актов Союза, регулирующих различные аспекты свободы совести и связанные с ней вопросы. Обратим сейчас внимание на основные документы, которые затрагивают предмет нашего исследования. Как уже было отмечено, нормы ДЕС устанавливают, что одной из ценностей, на которых основан ЕС, является соблюдение прав человека. Ст. 10 Хартии Европейского Союза об основных правах³ закрепляет свободу мысли, совести и вероисповедания. Оба указанных документа обладают прямым действием, следовательно, наделяют правами и обязанностями непосредственно любых лиц в рамках юрисдикции ЕС.⁴ Несложно сделать вывод о том, что в Европейском Союзе этой свободе на ряду с другими внимание уделяется на уровне

¹ Treaty on European Union // OJ C326, 26.10.2012, p. 13–390.

² Murdoch J. Protecting the right to freedom of thought, conscience and religion under the European Convention on Human Rights. — Council of Europe, Strasbourg, 2012. — P. 12.

³ Хартия Европейского Союза об основных правах // Европейский Союз: основополагающие акты в редакции Лиссабонского Договора с комментариями / Под ред. С. Ю. Кашкина. — М.: Инфра-М., 2011.

⁴ Четвериков А. О. Законодательство и правовые акты Европейского Союза в соответствии с Лиссабонским договором 2007 года // Lex Russica (Научные труды МГЮА). — 2008. — № 6. С. 1545.

первичного права несмотря на то, что государства-члены ЕС являются участниками Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.⁵ (Европейской конвенции по правам человека).

Перейдем к анализу значения защиты и продвижения свободы совести во внешнеполитической деятельности Европейского Союза. Свою деятельность на международной арене Союз осуществляет исходя из принципов, которые легли в основу его создания, и стремится к их продвижению во всем мире, как это предусмотрено п. 1 ст. 21 ДЕС.

Более подробно этот аспект внешнеполитической деятельности Союза отражен в документе «Руководящие принципы ЕС по продвижению и защите свободы вероисповедания и убеждений»⁶ (далее в тексте статьи — «Руководящие принципы», «Принципы») от 24 июня 2013 г. Принятием этого документа Союз подтвердил свою приверженность принципам универсальности, неделимости, взаимосвязи и взаимозависимости прав человека, выражая готовность отстаивать свободу совести и вероисповедания в своих отношениях с третьими странами и международными организациями и бороться с ее нарушениями. «Принципы» разработаны, чтобы обеспечить должностных лиц ЕС ясным практическим руководством на случаи необходимости участвовать в предотвращении посягательств на свободу совести и анализе допущенных нарушений, а также эффективно на них реагировать.

Рассмотрим «Руководящие принципы» подробнее. Документ состоит из двух частей: вводной и непосредственно руководящих принципов предпринимаемых действий. Кроме того, он снабжен Приложением, в котором приводятся международные документы (универсальные и региональные, обладающие обязательной юридической силой и носящие рекомендательный характер) с указанием релевантных статей,

на которые ссылается и которыми может также руководствоваться ЕС в своем взаимодействии с третьими странами.

Введение раскрывает обоснование принятия «Руководящих принципов», цели и сферу действия документа и определения. Так как в отношении цели и сферы действия к уже сказанному выше что-либо добавить не удастся, остановимся на определениях. В этом разделе авторы «Принципов» представляют свой анализ норм статей 18 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. и Международного пакта о гражданских и политических правах 1976 г. В «Руководящих принципах» отмечается, что свобода совести имеет две составляющих:

- свободу воспринимать, придерживаться, менять убеждения, отказываться от них или не придерживаться каких-либо убеждений (что трудно себе представить в реальной жизни, однако международное право со всей очевидностью не пренебрегает и защитой такого рода «нигилизма»);
- свободу исповедовать (вероятно, в понимании этого слова есть место для дискуссии, суть же второго компонента свободы совести состоит в проявлении каких-либо убеждений в различных внешних формах) религиозные или иные убеждения индивидуально или совместно с другими лицами как в частном порядке, так и публично, посредством богослужений, обрядов, практики и учения.

Права, включенные в первую составляющую, абсолютны и ограничениям не подлежат. Во вторую — могут быть ограничены в строго установленном законом порядке только в целях защиты общественной безопасности и порядка, а также охраны общественного здоровья и нравственности на основах недискриминации и пропорциональности предпринимаемой меры ограничения ее законной цели.

Несложно заметить, что такое регулирование вписывается в стандартную для европейской правовой традиции схему разрешенных, то есть оправданных, ограничений прав.

В сферу действия «Принципов» входят как религиозные, так и нерелигиозные убеждения: теистические, нетеистические и атеистические. В целом отмечается, что понятия «религия» и «убеждения» должны толковаться широко, не подвергаясь ограничениям, основанным на традиционном характере или сходстве (наличии институциональных черт) с религиями и убеждениями, которые воспринимаются как традиционные.

Учитывая особую цель документа — служить правовым путеводителем в пространстве дипломатии и внешней политики, отдельно упоминается такой чувствительный в международном праве (в первую очередь, конечно, в праве прав человека и гуманитарном праве) и международных отношениях вопрос, как права религиозных меньшинств. Полагаем, что религии меньшинств неслучайно выделены в поле действия «Руководящих принципов»: в контексте многонациональности религиозная принадлежность часто становится важнейшим маркером идентичности для представителей некоторых, особенно немногочисленных, народов. Дискриминация на религиозной почве одновременно лишает их права ее сохранить.

Очертив сферу применения документа, определим, на каких базовых принципах, в каких именно сферах и что конкретно предпринимает ЕС в поставленных целях продвижения демократии и равенства и борьбы с дискриминацией. Для этого обратимся ко второй его части, непосредственно руководящим принципам предпринимаемых действий, где и найдем ответы на предложенные для выяснения вопросы.

Согласно положениям анализируемого документа деятельность ЕС по защите свободы совести и вероисповедания основывается на следующих принципах:

- универсальном характере данной свободы: правом на эту свободу обладают все и повсеместно вне зависимости от содержания их убеждений⁷;
- право на свободу совести является индивидуальным, но может осуществляться также и в сообществе и, таким образом, имеет коллективный аспект: этот принцип предполагает помимо защиты прав индивидов охрану прав сообществ, основанных на приверженности определенным убеждениям;
- первостепенной роли государств в обеспечении свободы совести: государства несут обязанность по защите любых лиц на их территории и под их юрисдикцией — в их правовых системах должны быть предусмотрены эффективные средства правовой защиты, а также должно быть обеспечено их корректное применение на практике, включая превентивные меры и установление ответственности за нарушение данной свободы;
- взаимосвязи с защитой других прав человека и другими руководящими принципами ЕС в этой сфере: неделимость прав человека и их взаимная связь между собой очевидны, однако в раскрытии этого принципа есть момент, о котором следует отдельно упомянуть — категорическое осуждение ЕС использования каких-либо убеждений для оправдания нарушений прав человека (как отмечается в «Принципах», такие нарушения часто касаются, например, прав женщин и лиц, принадлежащих к религиозным меньшинствам).

Далее в «Руководящих принципах» приводятся аспекты, которым ЕС уделяет наибольшее внимание, признавая равную их важность.

⁵ Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // СЗ РФ. — 2001. — № 2.

⁶ EU Guidelines on the promotion and protection of freedom of religion or belief // Council of the European Union, Brussels, 24 June 2013. https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/guidelines_death_penalty_st08416_en.pdf (дата последнего обращения: 20.06.2018 г.)

⁷ Полагаем, здесь требуется оговорка: такая формулировка принципа универсального характера свободы в общем виде совсем не означает, что она вообще ничем не ограничена. Напротив, как отмечено выше, право исповедовать убеждения вполне может быть ограничено на законных основаниях в целях защиты прав и свобод других лиц.

Насилие. В данном вопросе обеспокоенность ЕС вызывает применение насилия в различных видах на почве каких-либо убеждений. Субъектами такого рода нарушений свободы совести (а смотря по тому, в чем именно выражается конкретное насильственное действие, они также могут представлять собой и другие правонарушения) могут выступать как уполномоченные государством, так и частные лица, а их основой являться как действительные или предполагаемые убеждения потерпевшего лица, так и идеологические или иные установки нарушителя.

В этой связи ЕС:

Публично осуждает такие грубые нарушения свободы совести и не исключает применения прочих санкций.

Требует немедленного призвания нарушителей к ответственности и проведения соответствующих судебных разбирательств.

Всецело поддерживает придание огласке государственными и другими влиятельными общественными деятелями случаев таких нарушений, особенно если официальные лица замалчивают или поддерживают агрессию против физических лиц, сообществ, а также их имущества.

Наоборот, выражает протест против распространения со стороны государственных деятелей и иных влиятельных лиц подстрекательской информации в отношении носителей определенных убеждений и в особенности против призывов к насилию и против его оправдания. При осуществлении международных контактов ЕС намерен требовать в этой связи принятия национальных законов, запрещающих публично оправдание религиозной розни, проявляющееся в подстрекательстве к дискриминации, вражде или насилию.

Резко осуждает насилие над женщинами и девушками, включая совершаемое под предлогом религиозных предписаний и традиций (например, ранние и насильственно заключаемые браки и «убийства во имя чести»), равно как и любое насилие

на почве гендерной идентичности. В борьбе с подобными проявлениями ЕС продвигает различные инициативы, включая законодательные, по криминализации и предотвращению таких деяний.

Свобода слова. Как справедливо замечено в «Принципах», свобода совести и свобода слова взаимосвязаны, взаимозависимы и взаимно необходимы для полноценного осуществления каждой из них. Действительно невозможно представить свободу совести лишенной такого аспекта как, возможность приверженцев тех или иных убеждений их разъяснять и распространять. А о свободе слова вряд ли вообще пойдет речь, если возникнут табуированные темы, в частности вопросы, связанные со свободой совести.

Однако в документе констатируется, что на публикации и распространение информации, посвященной религиозным и другим убеждениям, как в печати, так и в Интернет-пространстве, нередко накладываются ограничения и цензура.

В этом отношении в «Принципах» рассматриваются две ситуации: когда высказывания о тех или иных убеждениях воспринимаются как оскорбительные в такой мере, что они могут привести к насилию; и когда свобода слова ограничивается во имя определенных убеждений.

В первом случае, если критическое высказывание представляет собой призыв к розни или насилию или их оправдывает, ЕС его решительно осуждает и настаивает на проведении расследования и судебного разбирательства при независимом и беспристрастном суде. В обратной же ситуации — если высказывание ничего подобного не содержит — ЕС противодействует любой попытке криминализации такого рода высказываний и выступает с заявлениями против любого насилия, которое может быть ими спровоцировано. Кроме того, Европейский Союз выступает за развитие диалога и напоминает о том, что в этих целях все средства передачи информации могут быть задействованы как

для критики, так и для защиты (ответа на критику) убеждений.

Ограничения свободы слова в целях защиты определенных убеждений (второй случай, затронутый в «Принципах») в некоторых регионах мира являются гораздо более серьезной проблемой, чем может показаться, и, соответственно, требует продуманной и сбалансированной реакции во внешнеполитических отношениях. По данному вопросу ЕС напоминает, что свободное распространение информации гарантируется международным правом, а кроме того, что очень важно с точки зрения правильного правоприменения, настаивает, что в рамках закрепления права на свободу совести защищаются его субъекты — физические лица⁸ — а не те или иные убеждения как таковые. В этой связи ЕС справедливо указывает на то, что свобода совести может быть ограничена только по закону и на строго определенных основаниях (которые приводились выше в ходе анализа вводной части документа), а принятие и применение законов, криминализирующих богохульство, часто на деле оборачивается преследованием представителей религиозных и иных меньшинств.

ЕС рекомендует декриминализацию этого состава и выступает однозначно против назначения наказаний за него в виде смертной казни, телесных наказаний или лишения свободы.

Следующие две области, обозначенные в «Руководящих принципах», особенно тесно связаны друг с другом и, как представляется, в сущности это две стороны одного и того же вопроса: продвижение многообразия и толерантности и борьба с дискриминацией.

В этой сфере ЕС призывает государства и негосударственные структуры к сотрудничеству в целях снятия напряженности в отношениях между последователями различных убеждений, принимая во внимание законодательство и правопримени-

тельную практику, и воспитания культуры мира, диалога и толерантности в обществе. Со своей стороны ЕС готов задействовать все доступные инструменты, не исключая и финансовых. Данный момент вызывает особый интерес, так как в нем проявляется взаимосвязь защиты прав человека не только с внешнеполитической деятельностью (дипломатической практикой), но и с торговыми и другими экономическими аспектами в праве ЕС, что заслуживает отдельного исследования.

Борьба против дискриминации будет также поддержана ЕС дипломатическими акциями и необходимыми техническими способами. В поле особого внимания при этом попадает дискриминация женщин, детей и мигрантов, которая может осуществляться в отношении доступа к образованию, трудоустройству, участию в общественной жизни, в отношении семейных и имущественных прав и в иных формах.

К двум рассмотренным областям непосредственно близка еще одна сфера «Принципов», а именно поддержка гражданского общества и вовлеченность в него. Ключевым моментом в ней становится финансовая поддержка усилий неправительственных организаций на благо защиты свободы совести.

Согласно положениям «Принципов» ЕС во внешнеполитической деятельности также имеет в виду вопрос смены религии и убеждений или отказ от них. Данная проблема, как отмечается в документе, может иметь серьезные последствия для лица, воспользовавшегося своим абсолютным правом на смену убеждений, и его семьи. Среди таких последствий: заключение, утрата имущественных прав и прав наследования, а также лишение прав в отношении детей. Если таковой может быть реакция со стороны государственных структур, то со стороны частных лиц может ожидаться любая агрессия, например, совершение так называемого «убийства во имя чести».

⁸ Наделение этим правом сообществ, основанных на определенных убеждениях, и их защита в контексте международно-правовых гарантий свободы совести представляют собой отдельный вопрос, который не рассматривается в этом положении «Руководящих принципов».

ЕС призывает государства отменить правовые положения, устанавливающие ответственность или дискриминирующие за смену убеждений в какой бы то ни было форме, особенно же если в качестве меры ответственности предусматривается смертная казнь или лишение свободы на длительный срок. Кроме того, ЕС осуждает применение мер принуждения в вопросе выбора и исповедания религии или иных убеждений.

Также «Руководящие принципы» охватывают работу ЕС в сфере исповедания религии или иных убеждений. В этой связи особое внимание ЕС привлечено к вопросам прав сообществ, основанных на определенных убеждениях (обязательной регистрации, возможности приобретения статуса юридического лица, имущественные аспекты, особенно когда затрагиваются культовые сооружения); а также таким индивидуальным правам, как право ребенка на получение образования в соответствии с убеждениями его родителей и корреспондирующее право родителей обеспечивать ребенку такое образование, и право на отказ от несения воинской службы по соображениям религии или иных убеждений.

ЕС подвергает критике попытки поставить осуществление прав человека в зависимости от государственного разрешения, например в форме обязательной регистрации и/или запрета на религиозную деятельность незарегистрированных групп.

ЕС выражает готовность принимать меры в случаях:

- если регистрационные требования к религиозным и другим основанным на убеждениях организациям используются как средства государственного контроля в области свободы совести;
- неправомерной конфискации имущества религиозного назначения или иного воспрепятствования его законному использованию;
- наложения неоправданного административного бремени на религиозные

и иные основанные на убеждениях группы и организации в том, что касается их внутренних вопросов, приводящего к ограничению свободы совести в аспекте внешнего проявления убеждений, при чем также затрагивается свобода собраний и объединений.

Помимо этого, ЕС призывает все государства обеспечивать защиту мест, связанных с религиозным наследием и культовыми действиями. При выявлении случаев вандализма, осквернения или разрушения таких мест дипломатические миссии ЕС и государств-членов предпримут необходимые усилия, чтобы посетить место, где произошел инцидент, и привлечь к нему общественное внимание.

Также, ЕС напоминает государствам о необходимости уважать право на обоснованный убеждениями отказ от воинской службы и предоставлять возможность заменить ее другим видом службы.

Последней сферой, о которой остается упомянуть в соответствии с «Руководящими принципами», является поддержка и защита правозащитников (это действительно тот случай, когда обладая богатствами русского языка, завидуешь возможностям синонимии английского), включая частные дела.

Этой проблеме специально посвящены «Руководящие принципы ЕС по вопросам правозащитников»⁹. В контексте анализируемого документа важно отметить, что ЕС выражает готовность реагировать на нарушения свободы совести, применяя различные дипломатические средства, в том числе включение соответствующего пункта в повестку политических диалогов. Кроме того, официальные представители ЕС будут посещать, когда это возможно, судебные процессы, на которых рассматриваются дела лиц, преследуемых в связи с осуществлением свободы совести, и следить за их исходом, а также навещать таких лиц в местах лишения свободы.

⁹ The European Union Guidelines on Human rights Defenders https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eu_guidelines_hrd_en.pdf (дата последнего обращения: 20.06.2018 г.)

Подводя итог рассмотрения вопросов в сфере защиты свободы совести, которые ЕС выделяет как заслуживающие пристального внимания и не обходит их в своих внешнеполитических отношениях и инициативах на международной арене, сделаем следующие выводы:

- ЕС рассматривает проблему нарушений права на свободу совести в его взаимосвязи с другими свободами, например, свободой слова и свободой собраний и ассоциаций.
- В фокусе остаются вопросы борьбы с дискриминацией и соблюдения прав меньшинств, в контексте данного документа — на почве убеждений. Нередко, например, для национальных меньшинств их принадлежность к определенной религии или иной системе убеждений

является одновременно и маркером их идентичности, а дискриминация на этом основании фактически заставляет от нее (собственной идентичности) отказаться или выпасть из поля нормального осуществления гражданских прав в стране проживания.

- В качестве наиболее острой обозначена проблема насилия, особенно в отношении женщин и детей.
- Свой вклад в борьбу с нарушениями права на свободу совести во взаимодействии с третьими странами ЕС в основном вносит посредством широкого спектра дипломатических инструментов и поддержки гражданских инициатив, однако не исключается применение и финансовых инструментов.

Библиографический список

1. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // СЗ РФ. — 2001. — № 2.
2. Хартия Европейского Союза об основных правах // Европейский Союз: основополагающие акты в редакции Лиссабонского Договора с комментариями / Под ред. С. Ю. Кашкина. — М.: Инфра-М., 2011.
3. Четвериков А. О. Законодательство и правовые акты Европейского Союза в соответствии с Лиссабонским договором 2007 года // Lex Russica (Научные труды МГЮА). — 2008. — № 6.
4. Murdoch J. Protecting the right to freedom of thought, conscience and religion under the European Convention on Human Rights. — Council of Europe, Strasbourg, 2012.
5. EU Guidelines on the promotion and protection of freedom of religion or belief // Council of the European Union, Brussels, 24 June 2013.
6. The European Union Guidelines on Human rights Defenders (https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eu_guidelines_hrd_en.pdf).
7. Treaty on European Union // OJ C326, 26.10.2012, p. 13–390.

Масленников Эрнест Александрович

Магистр юриспруденции Юридического факультета Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова

E-mail: ernestmaslennikov@gmail.com

ДЕЙСТВИЕ ДОГОВОРА ПЕРЕВОДА ДОЛГА

Аннотация.

Предметом настоящей статьи выступают юридические нормы, регламентирующие действие договора перевода долга.

Целью настоящей статьи является исследование как теоретических представлений, так и практических аспектов действия перевода долга, в том числе, перевода части долга.

Методологию исследования составили формально-юридический, аналитический и системный метод.

В работе рассмотрены и критически оценены подходы цивилистической доктрины о правовой природе действия договора перевода долга, дана их критическая оценка, затронута проблема перевода части долга. Обосновывается тезис, что основным действием распорядительной сделки, которой является перевод долга, является изменение направленности права (требования) кредитора и вызванная им сингулярное преемство в долге. Кроме того, сделан вывод, что перевод части долга приводит к делению права (требования) кредитора и в соответствующей части юридической обязанности должника.

Полученные выводы могут быть использованы в дальнейших исследованиях для совершенствования законодательной регламентации перевода долга и правоприменительной практики.

Ключевые слова: договор перевода долга, действие перевода долга, перевод части долга, изменение права требования, сингулярное преемство.

Maslennikov Ernest A.

Master of Law, The Department of law of P. G. Demidov Yaroslavl State University.

E-mail: ernestmaslennikov@gmail.com

ACTION OF DEBT TRANSFER AGREEMENT

Abstract.

The subject of this article is legal rules governing action of the contract of debt transfer.

The purpose of this article is to research both theoretical concepts and practical aspects of the action of debt transfer, including the transfer of the part of debt.

Research methodology amounted to formal-legal, analytical and systematic method.

The paper considers and critically assesses the approaches of civil doctrines of contract of debt transfer legal nature, their critical assessment, the issue of transfer of the part of debt is mentioned. The point that the main action of the transaction, which is transfer of debt, is the change of direction of a creditor's right (claim) and the resulting singular succession in a debt is justified. In addition, it is inferred that transfer of the part of debt leads to the division of the right (claim) of the creditor and in the relevant part of debtor's legal obligation/

The findings can be used in further research to improve the legal regulation of debt transfer and enforcement practice.

Keywords: contract of debt transfer, action of debt transfer, transfer of the part of debt, change of right to claim, singular succession.

Перевод долга влечет изменение требования кредитора и обосновывает преемство в долге, иными словами — переход долга от прежнего должника к другому лицу. С момента вступления договора в силу кредитор не вправе требовать от прежнего должника совершения действия, которое составляет материальное содержание измененного права требования, прежний должник не обязан чинить исполнение кредитору. Поскольку переведенный долг не обременяет имущественную массу прежнего должника, кредитор не вправе обратиться с заявлением о признании должника несостоятельным (банкротом) и др. Отныне праву требования кредитора корреспондирует юридическая обязанность нового должника (принимателя долга).

Изменяя юридическую направленность требования, стороны договора перевода долга обосновывают преемство в долге. Иными словами, одна сторона (прежний должник) долг утрачивает, а другая сторона (приниматель долга) его приобретает. Перевод долга переносит отдельную юридическую обязанность должника, таким образом, приобретение новым должником происходит в порядке сингулярного преемства. Кроме того, в случае, когда новый должник является преемником по долгу, можно вести речь об опосредованном преемстве в долге между новым должником и предшественником прежнего должника (например, если А переводит долг к Б, а тот в свою очередь — В, то В является непосредственным преемником Б и опосредованным — А).

Изменение направленности требования означает изменение права и одновременное перенесение (переход) долга. С учетом

используемой законодателем терминологии в ст. 153 и п. 1 ст. 420 ГК РФ можно сказать, что действие договора перевода долга состоит в изменении субъективного обязательственного права и корреспондирующей юридической обязанности. Вместе с тем в юридической литературе можно встретить позицию, согласно которой под «изменением права (правоотношения)» следует понимать прекращение одного права (правоотношения) и возникновение нового права (правоотношения). Так, В. А. Рясенцев считал, что права и обязанности — категория идеологическая, движение как перемещение в пространстве им не присуще, и поэтому переходить от одного лица к другому они не могут¹. Небезынтересно отметить, что при изложении в этой же книге темы «перемена лиц в обязательстве» Х. И. Шварц и А. И. Масляев говорят о переходе от одного лица к другому какого-либо одного права или одной обязанности (или того и другого вместе)². Приведенное утверждение В. А. Рясенцева встретило критику со стороны Б. Б. Черепахиной, по мнению которой понятие перехода субъективного права является специальным юридическим понятием³.

Советский цивилист О. А. Красавчиков отмечал, что в случае изменения правоотношения следует иметь в виду также отрицание, прекращение старого правоотношения и возникновение на его месте нового⁴. Рассуждая последовательно, О. А. Красавчиков должен был бы прийти к выводу, что понятие изменение права (правоотношения) не имеет самостоятельного значения, поскольку оно перекрывается понятием прекращение права (правоотношения) и возникновения права (правоотношения). Однако О. А. Красавчиков пишет, что если

¹ См.: Советское гражданское право / под. ред. В. А. Рясенцева. М., 1960. Ч. 1. С. 254.

² См.: Советское гражданское право / под. ред. В. А. Рясенцева. С. 406.

³ См.: Черепахин Б. Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву. М., 1962. С. 7.

⁴ См.: Красавчиков О. А. Юридические факты по советскому гражданскому праву. М., 1958. С. 77

рассматривать движение правоотношения с точки зрения прав и обязанностей двух и более субъектов, то окажется, что правоотношение может одновременно возникать для одного, прекращаться для другого и изменяться для третьего⁵. Кроме того, автор предлагает понимать под правоизменяющим юридическим фактом такой факт, с которым нормы права связывают изменение конкретного права. При этом изменение может происходить по линии носителей конкретного права и обязанности — цессия и перевод долга⁶. Похожая точка зрения прослеживалась в проекте Положения о договорных отношениях между государственными, кооперативными и общественными учреждениями, предприятиями и организациями⁷. Г. Н. Амфитеатров писал, что согласно данному проекту перевод долга связан с изменением одной из сторон по договору и поэтому имеет отношение к вопросу о прекращении обязательства⁸.

Если применить изложенные утверждения к действию договора перевода долга, то мы получим весьма противоречивые умозаключения. С одной стороны, перевод долга, как правоизменяющий юридический факт, приводит к тому, что право требования кредитора изменяется, а долг у прежнего должника прекращается, а у нового должника, соответственно, возникает. Однако с позиции изначального утверждения ученого, что изменение правоотношения не имеет самостоятельного юридического значения, следует прийти к следующему выводу. И обязательственное право требования кредитора, и корреспондирующая ему юридическая обязанность должника прекращаются, право требование не изменяется и между кредитором и должником возникает новое обязательство.

М. М. Агарков отмечал, что в науке гражданского права XX в. имелись возражения против возможности частного преемства в долгах. Например, R. Sohm указывал, что долги не могут быть предметом актов распоряжения (точнее — распорядительных сделок). Следовательно, основным юридическим последствием перевода долга является не переход того же долга на другое лицо, а основание новой обязанности, которая совпадает по своему содержанию с обязанностью старого должника⁹. По мнению E Strohal'a, значение личности должника для кредитора определяется имущественным положением должника. Следовательно, перевод долга освобождает имущество прежнего должника и обременяет имущество нового, тем самым изменяет само право кредитора¹⁰. Из этого верно, на наш взгляд, утверждения автор приходит к совершенно неверному выводу. Далее, по свидетельству М. М. Агаркова, исходя из противопоставления Schuld (обязанности) и Haftung (ответственности), ученый говорит, что перевод долга заменяет имущество одного должника другим и, как следствие, перелагает ответственность на другое имущество. Тем самым изменяет существо обязательства и исключает возможность принять идею сингулярного преемства в долгах¹¹.

Немецкий цивилист Л. Эннекцерус утверждал, что изменение права заключается в перемене лица, управомоченного или в обязательствах (точнее — обязанностях) обязанного, в переходе права к нескольким лицам как управомоченным, так и обязанным, а также дополнительное вступление нового управомоченного или обязанного лица¹². Помимо этого, ученый считал неприемлемым для гражданского права взгляд, согласно которому любое изменение лица, в том числе и обязанного, означает прекра-

щение прежнего права и возникновение нового права с идентичным содержанием. Совершенно верно указывал на необходимость отличать прекращение и возникновение права, с одной стороны, и утрату и приобретение права, с другой стороны¹³. По нашему мнению, данное утверждение можно также распространить на правоотношение в целом, в том числе на юридическую обязанность (долг). Поэтому при переводе долга юридическая обязанность не прекращается у прежнего должника и не возникает у приемателя долга. Напротив, прежний должник утрачивает юридическую связь с юридической обязанностью, а приематель долга ее приобретает. Долг, переведенный на приемателя, остается тем же самым, т.е. понимается как идентичная юридическая обязанность. Соответственно, он должен рассматриваться как прежняя, но никак не новая обязанность.

Схожей позиции придерживался М. М. Агарков, утверждая, что в результате перевода долга один должник заменяется другим, но обязательство остается тем же (идентичным). Долг переходит от одного лица к другому не в порядке универсального преемства, т.е. не в составе всего имущества должника, как составная часть его пассива, а в порядке частного (сингулярного) преемства. Последнее, по справедливому замечанию цивилиста, может иметь место в силу договора между кредитором и новым должником, или в силу договора между старым должником и его преемником¹⁴. При этом автор проводит аналогию с сингулярным правопреемством в обязательственных требованиях. Так, уступка требования переносит права, т.е. определенную часть актива, а при переводе долга от одного лица к другому переходит часть пассива¹⁵.

Российский законодатель вкладывает различный смысл в понятия изменение долга и прекращение долга с возникновением но-

вого долга. Ярким примером может служить различия между институтом новации (п. 1 ст. 414 ГК РФ), при котором прежнее обязательство прекращается и заменяется новым обязательством, и изменением договорного обязательства, в силу которого обязательства сторон сохраняются в измененном виде (п. 1 ст. 453 ГК РФ). Данное разграничение, безусловно, имеет большое практическое значение. Если при новации акцессорные обязательства, связанные с прежним обязательством, в том числе обеспечивающие его исполнение, прекращаются, то при изменении правоотношения дополнительные правоотношения сохраняются.

Приведенное выше правило является общим, и законодательство предусматривает из него некоторые исключения. Далеко не всегда при изменении обязательства акцессорные правоотношения сохраняются в неизменном виде. Именно в этом проявляется действие договора перевода долга. С одной стороны, в п. 1 ст. 392.1 ГК РФ установлено, что кредитор вправе осуществлять в отношении приемателя долга все права по обязательству. Однако пункты 2, 3 указанной статьи предусматривают исключения, направленные на охрану имущественных интересов лиц, предоставивших обеспечение исполнения обязательства.

Транслятивное преемство может затрагивать юридическую обязанность в ее полном объеме или только в определенной ее части при условии делимости предмета обязательства. О. А. Рузакова справедливо отмечает, что перевод долга (как и уступка права требования) может быть осуществлен как в полном объеме, так и частично¹⁶. В последнем варианте происходит деление юридической обязанности, при которой прежнее обязанное лицо терпит потерю своей обязанности в своем первоначальном виде. Юридические судьбы обязанностей,

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 90.

⁷ См.: Амфитеатров Г. Н. Основные черты законопроекта о договорах. М., 1934. С. 51–64.

⁸ Там же. С. 47–48.

⁹ См.: Агарков М. М. Перевод долга (ст. 126 и 127 Гражданского кодекса РСФСР) // Избранные труды по гражданскому праву / отв. ред. В. С. Ем. М., 2012. Т. 1. С. 238.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² См.: Эннекцерус Л. Курс германского гражданского права. М., 1950. Т. 1. Полутом 2. С. 75–76.

¹³ См.: Эннекцерус Л. Указ. соч. С. 76.

¹⁴ См.: Агарков М. М. Перевод долга (ст. 126 и 127 Гражданского кодекса РСФСР). С. 237.

¹⁵ См.: Там же. С. 238.

¹⁶ См.: Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. П. В. Крашенинникова. М., 2011 (СПС «Консультант Плюс»); Гражданский кодекс Российской Федерации: Заголовок. Перемена лиц в обязательстве. Постатейный комментарий к § 3 главы 23 и главе 24 / под ред. П. В. Крашенинникова. М., 2014 (СПС «Консультант Плюс»). Автор комментария — О. А. Рузакова.

возникших в результате деления первоначальной обязанности, независимы друг от друга. Указанному делению также соответствует деление права, которому корреспондирует данная обязанность. Именно такое разделение требования и долга происходит в результате частичного перевода долга, т.е. возникают два или более требования и долга, которые при одинаковом происхождении независимы друг от друга и могут иметь различные юридические судьбы. Например, должник вправе с согласия кредитора перевести принемателю часть долга по денежному обязательству и оставить оставшуюся часть за собой. Другой вариант, перевести часть денежного долга одному принемателю, а другую — иному, причем как одновременно, так в разные периоды времени.

Следует отметить, что в юридической литературе высказана иная точка зрения в отношении уступки части требования. По мнению Р. Р. Гаприндашвили, ее следствием, по общему правилу, является установление на стороне кредитора частичной, а не солидарной множественности. Исходя из наименования работы автора, представляется, что аналогичное представление он имеет и по вопросу о частичном переводе долга¹⁷. Иными словами, при переводе части долга одному или нескольким лицам обязательство продолжает существовать, изменяется количество лиц на стороне должника. Возникает доленая множественность лиц на стороне должника.

По нашему мнению, с данной точкой зрения согласиться нельзя, поскольку при переводе части долга, как и при уступке части требования, происходит «расщепление» права требования и корреспондирующего ему долга, возникает, как минимум, одно новое обязательство. Различие заключается в том, что при уступке требования обязательственное право переходит от цедента

к цессионарию, должник становится носителем двух и более юридических обязанностей, которые корреспондируют двум или более требованиям кредиторов (цедента и цессионария или цессионариев), т.е. изменяется субъектный состав на стороне кредитора. В случае же перевода долга кредитор приобретает вместо одного требования два и более требования к одному или нескольким должникам, имеет место частичный переход корреспондирующего праву требования долга, изменяется субъектный состав на стороне должника.

Данное обособление требований, принадлежащих одному кредитору, имеет практическое значение. К примеру, при переводе части долга, корреспондирующего притязанию на уплату неустойки, сроки давности по притязанию к одному должнику и по притязанию к другому должнику могут течь самостоятельно. Например, по одному требованию должник может совершить действия, свидетельствующие о признании долга, а по иному требованию такие действия могут отсутствовать. Должник может попросить кредитора об отсрочке или о рассрочке платежа или кредитор и должник могут составить акт сверки взаимных расчетов¹⁸. Поэтому если один должник признает свой долг перед кредитором, то вызванный этим действием перерыв исковой давности (п. 1 ст. 203 ГК РФ) произойдет только в отношении одного из притязаний кредитора, а на другое распространяться не будет.

Статья 391 ГК РФ не содержит нормы, регламентирующей допустимость частичного перевода долга. Допустимость перевода части долга оспаривается некоторыми российскими цивилистами. В частности, Д. Н. Кархалев полагает, что обязательство первоначального должника переходит к новому в неизменном виде и в полном объеме¹⁹. По мнению В. С. Белых, институт перемены лиц

в обязательстве может применяться как к единичным обязательствам, так и к отношениям в рамках целого обязательства, однако при перемене лиц в обязательстве должна быть полная замена лица (кредитора или должника)²⁰. Данный подход можно наблюдать в науке налогового права. Так, Т. М. Панченко утверждает, что поскольку перевод долга оформляет замену стороны в обязательстве, должник не вправе передать часть своего долга, т.к. в этом случае не произойдет замены стороны в обязательстве и указанное соглашение следует признать недействительным²¹.

Ранее в судебно-арбитражной практике возможность перевода части долга отрицалась. Так, господствовала позиция, что перевод долга представляет собой замену должника в обязательстве. Это означает, что он полностью выходит из обязательства, а его место в обязательстве занимает новый должник. При этом указывалось на то, что гл. 24 ГК РФ не предусматривает перевод части долга. На основании приведенных соображений арбитражные суды приходили к следующим выводам. Если на

лицо переведена часть долга другого лица по договору, это лицо не может считаться выбывшим из обязательства, иными словами, замена лица в обязательстве не осуществлена. В связи с этим договор перевода долга противоречит требованиям ст. 391 ГК РФ и в силу ст. 168 ГК РФ является недействительной (ничтожной) сделкой²².

В § 2 гл. 24 ГК РФ не содержится ни одной нормы, ограничивающей возможность совершения частичного перевода долга. В силу принципов диспозитивности, свободы договора и автономии воли (частной автономии)²³ перевод части долга допустим. С 1 июля 2014 г. в § 1 гл. 24 ГК РФ прямо предусмотрена возможность уступки части требования (п. 2 ст. 384 ГК РФ), что дает основание А. Г. Карапетову и Р. С. Бевзенко допускать применение указанной нормы к переводу части долга по аналогии закона²⁴. Нам представляется, что данное предложение весьма спорно и требует дополнительного обсуждения, т.к. аналогия закона применима в случае наличия пробела в законе²⁵, который в данной ситуации не усматривается.

Библиографический список

1. Агарков М. М. Перевод долга (ст. 126 и 127 Гражданского кодекса РСФСР) // Избранные труды по гражданскому праву / отв. ред. В. С. Ем. М.: Статут, 2012. Т. 1. С. 230–245.
2. Амфитеатров Г. Н. Основные черты законопроекта о договорах. М.: Государственное издательство Советское законодательство, 1934. 64 с.
3. Байгушева Ю. В. Понятие и виды пробелов в законе // Сборник научных статей памяти Е. А. Крашенинникова / отв. ред. А. П. Сергеев. Ярославль, 2014. С. 5–25.
4. Белых В. С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: монография. М.: Проспект, 2009 (СПС «Консультант Плюс»).
5. Гаприндашвили Р. Р. Перевод долга и исполнение обязательств третьими лицами // Юридический мир. 2011. № 11 (СПС «Консультант Плюс»).

²⁰ См.: Белых В. С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России. М., 2009 (СПС «Консультант Плюс»).

²¹ См.: Панченко Т. М. Неденежные формы расчетов. М., 2004 (СПС «Консультант Плюс»).

²² См.: Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 05.09.2000 № А33–4590/00-С1-Ф02–1790/00-С2 // СПС «Консультант Плюс»; Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 12.04.2000 № А33–9848/99-С1-Ф02–558/00-С2 // СПС «Консультант Плюс».

²³ См.: Крашенинников Е. А., Байгушева Ю. В. Условия функционирования и границы частной автономии // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2013. № 9 (СПС «Консультант Плюс»).

²⁴ См.: Карапетов А. Г., Бевзенко Р. С. Комментарий к нормам ГК об отдельных видах договоров в контексте Постановления Пленума ВАС РФ «О свободе договора и ее пределах» // Вестник экономического правосудия РФ. 2014. № 8, 9 (СПС «Консультант Плюс»).

²⁵ См.: Байгушева Ю. В. Понятие и виды пробелов в законе // Сборник научных статей памяти Е. А. Крашенинникова / отв. ред. А. П. Сергеев. Ярославль, 2014. С. 7 и далее.

¹⁷ См.: Гаприндашвили Р. Р. Перевод долга и исполнение обязательств третьими лицами // Юридический мир. 2011. № 11 (СПС «Консультант Плюс»).

¹⁸ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 12.

¹⁹ См.: Кархалев Д. Н. Перемена лиц в охранительном обязательстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 11 (СПС «Консультант Плюс»).

6. Гражданский кодекс Российской Федерации: Залог. Перемена лиц в обязательстве. Постатейный комментарий к § 3 главы 23 и главе 24 / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2014 (СПС «Консультант Плюс»).
7. Карапетов А. Г., Бевзенко Р. С. Комментарий к нормам ГК об отдельных видах договоров в контексте Постановления Пленума ВАС РФ «О свободе договора и ее пределах» // Вестник экономического правосудия РФ. 2014. № 8, 9 (СПС «Консультант Плюс»).
8. Кархалев Д. Н. Перемена лиц в охранительном обязательстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 11 (СПС «Консультант Плюс»).
9. Красавчиков О. А. Юридические факты по советскому гражданскому праву. М.: Госюриздат, 1958. 182 с.
10. Крашенинников Е. А., Байгушева Ю. В. Условия функционирования и границы частной автономии // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2013. № 9 (СПС «Консультант Плюс»).
11. Панченко Т. М. Неденежные формы расчетов. М.: Налоговый вестник, 2004 (СПС «Консультант Плюс»).
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 12.
13. Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 12.04.2000 № А33-9848/99-С1-Ф02-558/00-С2 // СПС «Консультант Плюс».
14. Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 05.09.2000 № А33-4590/00-С1-Ф02-1790/00-С2 // СПС «Консультант Плюс».
15. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2011 (СПС «Консультант Плюс»).
16. Советское гражданское право: учебное пособие / под ред. В. А. Рясенцева. М.: Изд-во ВЮЗИ, 1960. Ч. 1. С. 254.
17. Черепахин Б. Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву. М.: Госюриздат, 1962. 106 с.
18. Эннексерус Л. Курс германского гражданского права. М.: Иностран. лит., 1950. Т. 1. Полутом 2. 483 с.

Филатова Маргарита Андреевна

*Аспирантотдела гражданского законодательства и процесса
Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ
E-mail: filatova2079@gmail.com*

СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТОИМОСТИ ВОЗВРАЩЕННОГО ПРЕДМЕТА ЛИЗИНГА: НАДЛЕЖАЩИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ БРЕМЕНИ ДОКАЗЫВАНИЯ

Аннотация.

В связи с возникающими в судебной практике вопросами и в целях обеспечения единообразия в разрешении споров, связанных с применением законодательства о лизинге, было принято Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14.03.2014 № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга», которое регулирует последствия расторжения договора выкупного лизинга. Предметом исследования является пробел в четкой регламентации способа определения стоимости возвращенного имущества и различные толкования предложенного Пленумом механизма определения цены предмета лизинга явились причиной неоднозначности судебной практики и нарушения баланса интересов сторон лизинговой сделки. В статье произведена оценка способов и методов доказывания стоимости предметов лизинга и распределение несения указанного бремени.

Целью настоящей статьи является нахождение наиболее оптимальных путей разрешения выявленных коллизий и их закрепление в нормативно-правовых актах. Научная новизна заключается в отсутствии систематизированных исследований по данной проблеме и методов для ее решения.

Методологию исследования составили сравнительный, формально-юридический, аналитический методы, системный подход.

Выводы исследования должны способствовать разработке сбалансированной научной доктрины и судебной практики в отношении наиболее объективного способа установления реальной стоимости возвращенного предмета лизинга с учетом баланса интересов сторон.

Ключевые слова: финансовая аренда, лизинг, неосновательное обогащение, отчет об оценке, оценочная деятельность, расторжение договора.

Filatova Margarita A.

Postgraduate Student of Department of Civil Law and Process at Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

E-mail: filatova2079@gmail.com

MODERN PRACTICE FOR DETERMINING THE COST OF THE RETURNED SUBJECT OF LEASING: REASONABLE EVIDENCE AND DISTRIBUTION OF THE PROTECTION BURDEN

Abstract.

In relation with the issues arising in judicial practice and with a view to ensuring uniformity in the resolution of disputes related to the application of leasing legislation, the Resolution of the

Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 14 March 2014 No. 17 "On certain issues related to the contract of redemption leasing", which regulates the consequences of termination of the contract of redemption leasing.

This article will describe the author's vision of resolving conflicts, and the results of the research should contribute to the development of a balanced scientific doctrine and legal precedents.

Key words: financial rent, leasing, unjust enrichment, evaluation report, appraisal activity, contract cancelation.

В условиях современной рыночной экономики достаточно большое количество компаний нуждается в той или иной степени в привлечении инвестиций. Одно из современных решений — лизинг. Лизинг является одним из самых прогрессивных методов финансирования производства и бизнеса, способным предоставить современным предприятиям доступ к самой передовой технике¹. В то же время нестабильность экономической ситуации зачастую создает непредвиденные обстоятельства для бизнеса и лизингополучателей в частности, и может повлечь невозможность исполнения лизингополучателями тех обязательств, которые стороны оговорили при заключении лизинговой сделки, что приводит к расторжению договора. На сегодняшний день институт финансовой аренды получил свою регламентацию в гражданском законодательстве, но требует дальнейшего совершенствования². Так, 14.03.2014 г. было принято Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14.03.2014 № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга» (далее — Постановлением Пленума ВАС РФ № 17), в котором предусмотрены последствия расторжения договора выкупного лизинга.

В соответствии с указанным Постановлением Пленума ВАС РФ № 17 стоимость возвращенного предмета лизинга определяется по его состоянию на момент перехода к лизингодателю риска случайной гибели или случайной порчи предмета лизинга

(по общему правилу статьи 669 ГК РФ — при возврате предмета лизинга лизингодателю) исходя из суммы, вырученной лизингодателем от продажи предмета лизинга в разумный срок после получения предмета лизинга или в срок, предусмотренный соглашением лизингодателя и лизингополучателя, либо на основании отчета оценщика³.

Согласно п. 4 Постановления Пленума ВАС РФ № 17 лизингополучатель может доказать, что при определении цены продажи предмета лизинга лизингодатель действовал недобросовестно или неразумно, что привело к занижению стоимости предмета лизинга при расчете сальдо взаимных обязательств сторон. В таком случае суду при расчете сальдо взаимных обязательств необходимо руководствоваться, в частности, признанным надлежащим доказательством отчетом оценщика.

В ходе исследования практики разрешения споров, связанных с расторжением договора лизинга и расчетом сальдо встречных обязательств, автором выявлены актуальные проблемы в части определения стоимости возвращенного предмета лизинга, представляющие собой как научный, так и практический интерес, а именно: бремя доказывания стоимости возвращенного предмета лизинга и его перераспределение в зависимости от имеющихся в деле документов/доказательств (если таковые будут признаны судом), коллизии Отчетов об оценке, отчета и внесудебного Заключение эксперта, Отчета/внесудебного Заключение/Заключе-

ния эксперта в рамках судебной экспертизы (а равно «мнение специалиста») и договора купли-продажи возвращенного предмета лизинга, «приоритет» одного доказательства над другим (как наиболее полно и объективно отражающего стоимость возвращенного предмета лизинга). В отсутствие исследований, четкой регламентации и в то же время наличия разнообразной и противоречивой судебной практики по вопросу определения стоимости возвращенного предмета лизинга (доказывание, понятие надлежащего доказательства, коллизия доказательств и их оценка) автор полагает необходимым подойти к вопросу комплексно, принимая во внимание всю совокупность нормативной базы, которая прямо или косвенно регулирует в какой-либо степени определение стоимости предмета лизинга.

Первый вопрос: устранение доказательственной коллизии при наличии в материалах дела двух отчетов об оценке.

В соответствии с ч. 1 ст. 65 Арбитражного процессуального кодекса (далее — АПК РФ) каждое лицо, участвующее в деле, должно доказать обстоятельства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений.

Обращаясь с иском в суд о взыскании неосновательного обогащения на основании Постановления Пленума ВАС РФ № 17 истцу необходимо обосновать свои требования представить расчет взаимных предоставлений, рассчитываемый по установленной в постановлении формуле. Одним из значений данной формулы является стоимость возвращенного предмета лизинга. Как правило, лизингополучатель после расторжения договора лизинга и изъятия транспортного средства/оборудования не владеет информацией о его судьбе, в связи с чем представляет в материалы дела отчет об оценке, отражающий рыночную стоимость предмета лизинга на момент возврата, что предусмотрено п. 4 Постановления Пленума № 17. В случае, если предмет лизинга не реализован на момент рассмотрения спора

в суде, лизингодатель может согласиться со стоимостью, установленной на основании отчета об оценке либо представить со своей стороны доказательства, свидетельствующие об иной стоимости объекта. Поскольку стороны товарно-денежных отношений всегда имеют прямо противоположные интересы — одна сторона стремится снизить стоимость оцениваемого объекта, другая, соответственно, повысить, таким образом, столкновение интересов неизбежно⁴. В связи с чем, частый случай на практике, когда в материалы дела представлено два отчета об оценке, устанавливающие стоимость возвращенного предмета лизинга с существенной разницей.

В соответствии со ст. 71 АПК РФ каждое доказательство подлежит оценке арбитражным судом наряду с другими доказательствами. Никакие доказательства не имеют для арбитражного суда заранее установленной силы. Арбитражный суд также оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств.

Однако, при всех вышеперечисленных нормах, перед судом тем не менее возникает обоснованный вопрос — что считать в данном случае надлежащим доказательством, которое наиболее полно отражает стоимость изъятых предметов лизинга?

Проведя анализ вышеуказанных норм и устоявшейся судебной практики, автор выделяет следующие действия по разрешению коллизий доказательств:

- 1) инициация проверки отчета об оценке противоположной стороны по делу в установленном порядке с целью опораживания результатов одной из оценок;
- 2) назначение судебной оценочной экспертизы по ходатайству стороны;
- 3) в отсутствие ходатайств о проведении судебной оценочной экспертизы и при наличии неоспоренных и неопорочен-

¹ Рязанцева М. В. Перспективы и проблемы развития лизинга в России // Современные научные исследования и инновации. 2013. № 9 Электронный ресурс.

² Левушкин А. Н. Правовое регулирование и реализация прав и обязанностей лизингодателя, лизингополучателя и продавца как субъектов малого и среднего бизнеса в России // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 2. С. 47–52.

³ Вестник ВАС РФ, № 5, май, 2014

⁴ Кузнецов А. П., Генералов А. В., Ворончихин Д. В. Оценочная деятельность в арбитражном и гражданском процессе: учебное пособие. М.: Статут, 2016. С. 2.

ных отчетов об оценке расчет среднеарифметической суммы стоимости предмета лизинга.

Так, по мнению Фокиной М. А. «механизм доказывания является составной частью механизма правоприменения. Применение норм процессуального права, регулирующих установление фактических обстоятельств дела по гражданским делам, служит одновременно элементом системы применения норм материального права»⁵. Соглашаясь с данным выводом, третий вариант разрешения коллизии доказательств представляется автору наиболее уязвимым и наименее обоснованным с материально-правовой и процессуальной точек зрения. Однако данный подход достаточно обосновался в практике. При наличии в материалах дела двух неоспоренных отчетов об оценке суд принимает два, по сути противоречащих (или, во всяком случае, разнящихся по выводам) доказательства и определяет стоимость возвращенного предмета лизинга путем совершения арифметического действия: сложения результатов отчетов об оценке и разделением на их количество, обосновывая данные действия общим принципом «соблюдения баланса интересов сторон» (например, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.03.2017 г. по делу № А40-134947/16)⁶.

В соответствии с п. 4 Постановления стоимость возвращенного предмета лизинга определяется по его состоянию на момент перехода к лизингодателю риска случайной гибели исходя из отчета оценщика (если предмет лизинга не реализован). Иного способа определения цены возвращенного предмета лизинга указанными разъяснениями не предусмотрено, что дает основания полагать о конкретных и исчерпывающих вариантах определения стоимости возвра-

щенного предмета лизинга, на основании конкретного отчета.

Однако в поддержку данного подхода автор также полагает необходимым указать, что в то же время результаты проведения оценки стоимости объекта исследования, отражаемые в отчете, являются мнением специалиста, которое выведено в ходе применения тех или иных методов оценки, в том числе сравнительном. Не исключено, что в порядке сравнительного метода разными экспертами будут взяты для анализа и сравнения разные аналоги, в определенной степени отличающиеся по стоимости. Таким образом, автор полагает, что отчеты об оценке с разным результатом определенной стоимости объекта неверно трактовать как «противоречащие» доказательства с процессуально-правовой точки зрения, и суд, при отсутствии ходатайств о назначении судебной экспертизы и неоспорении ни одного из представленных отчетов, вправе исходить из данного метода определения стоимости возвращенного предмета лизинга.

В то же время, на практике утвердилась позиция, что в случае наличия двух отчетов независимых оценщиков, существенно отличающихся в части установленной в них величины рыночной стоимости одного и того же объекта, и заявления соответствующего ходатайства стороной, суд обязан назначить судебную экспертизу на предмет определения рыночной стоимости объекта⁷.

Таким образом, возвращаясь к первому варианту устранения коллизии отчетов следует отметить, что при наличии достаточной активности оппонента, имеющего основания полагать, что отчет противной стороны недостоверен или составлен с существенными нарушениями, имеет место оспаривание данного доказательства и исключение из числа таковых по делу, с учетом норм, изложенных в арбитражном,

гражданском кодексах и Федеральном законе от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в РФ».

Опровержению результатов отчета может быть выражено в форме проведения как экспертизы самого отчета оценщиками той же саморегулируемой организации, так и проведения судебной оценочной экспертизы, приоритет которой перед внесудебным отчетом неоспоримо выше для суда, исходя из обширной судебной практики по данному вопросу.

Второй вопрос: соотношение отчета об оценке и внесудебного заключения о стоимости предмета оценки.

Согласно ст. 11 Федерального закона от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в РФ» (далее — ФЗ «Об оценочной деятельности в РФ») отчет об оценке объекта оценки, является итоговым документом, составленным по результатам определения стоимости объекта оценки независимо от вида определенной стоимости⁸.

Деятельность специалистов при подготовке Отчета об оценке должна отвечать определенным положениям нормативных правовых актов.

Между тем, заключение эксперта — это письменный документ, отражающий ход и результаты исследований, проведенных экспертом. Данное заключение носит рекомендательный, не обязательный характер.

Возможность поставить под сомнение отчет об оценке и невозможность оспорить заключение эксперта является одним из основных отличий в силе данных документов. Отчет об оценке оспорим. В случае, если есть сомнения в достоверности величины рыночной или иной стоимости объекта оценки, отчет об оценке можно оспорить. Тогда как действующим законодательством не предусмотрена возможность направления на экспертизу заключения эксперта. Это связано с тем, что в случае заведомо ложного заключения эксперта он может быть привлечен к административной или уголовной ответственности.

Таким образом, автор приходит к выводу, при наличии в материалах дела Отчета об оценке изаключение эксперта о рыночной стоимости, надлежащим доказательством будет являться Отчет об оценке, в том числе с учетом п. 4 Постановления Пленума ВАС РФ № 17.

Третий вопрос: приоритет договора купли-продажи изъятого предмета лизинга как доказательства реальной стоимости над мнением эксперта.

Данный вопрос наиболее тесно и остро связан с проблемой перераспределения бремени доказывания стоимости возвращенного предмета лизинга, наряду с общей проблемой определения надлежащего доказательства стоимости. Эта проблема возникает в делах, где в качестве доказательства стоимости возвращенного предмета лизинга лизингодателем представлен договор купли-продажи возвращенного предмета лизинга.

В п. 4 Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 17 указано, что Лизингополучатель может доказать, что при определении цены продажи предмета лизинга лизингодатель действовал недобросовестно или неразумно. Нередко на практике возникает вопрос: на кого ложится бремя доказывания? На лизингодателя, что предмет лизинга был реализован действительно по разумной цене, соответствующей средне-рыночной, или на лизингополучателя с необходимостью доказать, что цена реализации была заниженной и лизингодатель действовал неразумно и недобросовестно?

По мнению автора, отсутствуют основания для отступления от общего правила распределения бремени доказывания, согласно которому «каждое лицо, участвующее в деле, должно доказать обстоятельства, на которые оно ссылается». Таким образом, ставится вопрос о проверке соответствия цены реализации среднерыночной цене аналогичного объекта. Автор полагает, что данное заявление, порочащее стоимость цены реализации, должно быть обосновано, если сторона ходатайствует о проведе-

⁵ Фокина М. А. Совершенствование правового регулирования доказывания по гражданским делам: вопросы унификации // Современное право. 2015. № 9. С. 101-111.

⁶ Электронная картотека арбитражных дел (официальный сайт арбитражного суда) // Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru/Card/f30a1d69-bac5-4f77-94d8-428607e4abe9> (дата обращения: 01.09.2018).

⁷ Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 мая 2005 г. № 92 «О рассмотрении арбитражными судами дел об оспаривании оценки имущества, произведенной независимым оценщиком».

⁸ Российская газета, N148-149, 06.08.1998.

ния судебной экспертизы для установления данного факта. Обоснованность такого заявления может подтвердить имеющийся в деле отчет об оценке, содержащий вывод о существенно отличающейся стоимости возвращенного предмета лизинга. В противном случае данные действия стороны можно расценить как злоупотребление процессуальными правами (затягивание судебного процесса, неисполнение обязанности по доказыванию в надлежащем порядке, в соответствии с процессуальными нормами и п. 4 Постановления Пленума № 17), и должно влечь применение принципа эстоппель. Результат применения принципа «эстоппель» отвечает предусмотренным ст. 10 ГК РФ последствиям недобросовестного поведения — отказ лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично⁹.

В п. 12 Постановления Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» разъяснено, что согласно положениям частей 4 и 5 статьи 71 АПК РФ заключение эксперта не имеет для суда заранее установленной силы и подлежит оценке наряду с другими доказательствами.

Суд оценивает доказательства, в том числе заключение эксперта, исходя из требований частей 1 и 2 статьи 71 АПК РФ. При этом по результатам оценки доказательств суду необходимо привести мотивы, по которым он принимает или отвергает имеющиеся в деле доказательства (часть 7 статьи 71, пункт 2 части 4 статьи 170 АПК РФ).

Согласно статье 12 ФЗ «Об оценочной деятельности в РФ» итоговая величина рыночной или иной стоимости объекта оценки, указанная в отчете, признается достоверной и рекомендуемой для целей совершения сделки с объектом оценки, если в порядке, установленном законодательством РФ, или в судебном порядке не установлено иное. Та-

ким образом, стоимость, определенная оценщиком, в соответствии с Федеральным законом об оценочной деятельности и Федеральными стандартами оценки, имеет рекомендательный и срочный характер для сторон предстоящей сделки при согласовании ими цены договора, если иное не установлено действующим законодательством РФ¹⁰.

Автор полагает необходимым обратить внимание, что установленная экспертом цена (в рамках судебной экспертизы/внесудебного отчета об оценке) признается лишь рекомендуемой, из исследовательской части заключения судебной экспертизы следует, что определенная экспертом рыночная стоимость спорных объектов, фактически отражает цену предложения к продаже, а не их фактической продажи, а потому не может сама по себе опровергнуть разумность и добросовестность действий Лизингополучателя при определении продажной стоимости по конкретным заключенным им сделкам. Указанная позиция изложена, в частности, в Определении Верховного суда РФ от 23 июня 2017 г. по делу № А32-42972/15¹¹.

Кроме того, в соответствии со ст. 40 Налогового кодекса РФ, допустимым является отклонение от рыночной цены идентичных (однородных) товаров (работ или услуг) на 20%¹². Бремя доказывания того обстоятельства, что лизингодатель действовал недобросовестно или неразумно, лежит на лизингополучателе. Анализируя данные положения в совокупности следует вывод, что только в случае подтверждения судебной экспертизы факта реализации предмета лизинга по заниженной цене суду при расчете сальдо взаимных обязательств надлежит руководствоваться, в частности, признанным надлежащим доказательством заключением эксперта.

В связи с вышеизложенным, при наличии в материалах дела неоспоренного договора

купли-продажи возвращенного предмета лизинга, свидетельствующего о факте получения Лизингодателем определенной денежной суммы, и заключения эксперта, которым установлена рекомендуемая цена реализации, при расчете сальдо надлежит исходить именно из цены договора купли-продажи, так как эксперт излагает лишь мнение о стоимости возвращенного предмета лизинга и не гарантирует продажу по указанной в заключении цене.

Таким образом, решение проблемы существующей неопределенности в механизме определения стоимости возвращенного предмета лизинга видится в закреплении более точных и развернутых положений о надлежащих доказательствах, наиболее

полно отражающих стоимость изъятого предмета лизинга и бремени распределения доказывания данного факта сторонами, путем внесения соответствующих изменений в Федеральный закон от 29.10.1998 № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)», либо, по мнению автора, наиболее оперативным и гибким вариантом закрепления данных положений представляется принятие Постановления Пленума Верховного Суда РФ на смену действующего Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга», в котором будут устранены имеющиеся коллизии и сохранены актуальные и действующие наработки.

Библиографический список

1. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 мая 2005 г. № 92 «О рассмотрении арбитражными судами дел об оспаривании оценки имущества, произведенной независимым оценщиком».
2. Электронная картотека арбитражных дел (официальный сайт арбитражного суда): <http://kad.arbitr.ru/Card/f30a1d69-bac5-4f77-94d8-428607e4abe9>
3. Электронная картотека арбитражных дел (официальный сайт арбитражного суда): <http://kad.arbitr.ru/Card/19d74428-c1be-40f8-a0b4-1b0a5685bd83>
4. Березин Д. А. Оценочная деятельность: учебное пособие / под ред. М. В. Маркиной. М.: Юстиция, 2016. С. 63.
5. Кузнецов А. П., Генералов А. В., Ворончихин Д. В. Оценочная деятельность в арбитражном и гражданском процессе: учебное пособие. М.: Статут, 2016. С. 2.
6. Левушкин А. Н. Правовое регулирование и реализация прав и обязанностей лизингодателя, лизингополучателя и продавца как субъектов малого и среднего бизнеса в России // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 2. С. 47–52.
7. Рязанцева М. В. Перспективы и проблемы развития лизинга в России // Современные научные исследования и инновации. 2013. № 9 Электронный ресурс.
8. Фокина М. А. Совершенствование правового регулирования доказывания по гражданским делам: вопросы унификации // Современное право. 2015. № 9. С. 101–111.
9. Шайхутдинов Е. М. Эстоппель // СПС КонсультантПлюс. 2017.

⁹ Шайхутдинов Е. М. Эстоппель // СПС КонсультантПлюс.

¹⁰ Березин Д. А. Оценочная деятельность: учебное пособие / под ред. М. В. Маркиной. М.: Юстиция, 2016. С. 63.

¹¹ Электронная картотека арбитражных дел (официальный сайт арбитражного суда) // Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru/Card/19d74428-c1be-40f8-a0b4-1b0a5685bd83> (дата обращения: 01.09.2018).

¹² Российская газета, № 148–149, 06.08.1998

РЕЦЕНЗИИ

Кашкин Сергей Юрьевич

*Заведующий кафедрой интеграционного и европейского права
Московского государственного университета имени О. Е. Кутафина,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ*

E-mail: info@eulaw.edu.ru

Четвериков Артем Олегович

*Профессор кафедры интеграционного и европейского права
Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук*

E-mail: info@eulaw.edu.ru

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ БИРЮКОВА

**П. Н. PAVEL VIRIUKOV «CRIMINAL LIABILITY OF LEGAL PERSONS IN EU-COUNTRIES.
УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В ГОСУДАРСТВАХ-ЧЛЕНАХ ЕС».
ВОРОНЕЖ, 2015. ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ВГУ, 2015, 317 С.**

Ведущим российским ученым в области международного и европейского права, доктором юридических наук, профессором Бирюковым Павлом Николаевичем была подготовлена монография на английском языке «Уголовная ответственность юридических лиц в государствах ЕС».

Объемное научное исследование Бирюкова П. Н. посвящено одной из наиболее актуальных проблем в области права — институту уголовной ответственности юридических лиц. С учетом современных тенденций, связанным с введением уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации, особую значимость приобретает проведенный автором анализ законодательства государств-членов ЕС и их опыт в указанной области.

Книга освещает достаточно сложные и интересные аспекты правового регулирования института уголовной ответственности юридических лиц в государствах-членах ЕС, входящие в предмет нескольких отраслей права. Прежде всего, автором рассмотрены концептуальные положения о корпоративной уголовной ответственности

в ЕС, их взаимосвязь с международным правом, а также влияние на формирование соответствующей законодательной базы государств-членов ЕС.

В первой главе монографии тщательно образом были исследованы основные понятия и категории корпоративного права ЕС. Особое внимание автор уделяет анализу способов правового регулирования указанной отрасли европейского права с учетом особой, наднациональной природы организации ЕС, особенно важным является то, что автор приводит актуальное вторичное законодательство ЕС в указанной области. Очень интересно изложены вопросы правового положения наднациональных юридических лиц ЕС, а также современные тенденции развития корпоративного права ЕС, в т.ч. нормативное закрепление новейших форм наднациональных юридических лиц.

Во второй главе структурно и комплексно исследуются вопросы уголовной правосубъектности юридических лиц в соответствии с законодательством 11 государств-членов ЕС. Важно отметить,

что автором были выбраны для исследования государства, принадлежащие как англо-саксонской, так и романо-германской правовым семьям, что позволяет получить представление об институте уголовной ответственности юридических лиц с учетом концептуальных особенностей указанных правовых систем.

Тщательно и подробно анализируются основания уголовного преследования юридических лиц, установления уголовных санкций за совершение правонарушений, при этом автор рассматривает указанные вопросы в неразрывной связи с корпоративным правом государств-членов ЕС, что позволяет получить комплексное представление о правовом положении юридических лиц в государствах-членах ЕС.

Необходимо отметить, что рецензируемая работа является трудом одного из немногих, наиболее квалифицированных специалистов в области международного уголовного права. Представляется, что автором достигнута основная цель: предоставить научному сообществу целостное, обоснованное и логичное изложение, а также анализ ключевых аспектов института уголовной ответственности юридических лиц в государствах-членах ЕС.

Таким образом, настоящая монография будет полезной для всех заинтересованных читателей: студентов и аспирантов юридических вузов и факультетов, научных и практических работников, специализирующихся в области международного, европейского и уголовного права.

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА
Научно-практический журнал; 2018 №3

редактор: Здорик Е.В.
корректор: Здорик Е.В.
вёрстка: Овсянников С.Н.

выход в свет 20.10.2018
подписано в печать 15.10.2018
формат 61x861/8 бумага офсетная
печ. л. 24,49, уч.-изд. л. 18,6
тираж 1000 экз.
заказ № 130